

«
" " і
імені Миколи Гоголя
Гоголезнавчий центр
Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України

ГОГОЛЕЗНАВЧІ СТУДІЇ

Випуск VII (24)

ГОГОЛЕВЕДЧЕСКИЕ СТУДИИ

Выпуск VII (24)

2018

УДК 821.161.1.09 Гоголь
ББК 83.3(4Укр=Рос)5
Г58

Серія «Гоголезнавчі студії», заснована в 1996 р.

Друкується за рішенням Вченої ради
Ніжинського державного університету
імені Миколи Гоголя
Протокол № 10 від 03.05. 2018 р.

Рецензенти:

Мазепа Н. Р., доктор філологічних наук, професор;
Самойленко Г. В., доктор філологічних наук, професор.

Редакційна колегія:

Михед П. В. (відп. ред.), Ковальчук О. Г., Абрамович С. Д.,
Воропаєв В. О., Казарін В. П., **Кирилюк З. В.**, Киченко О. С.,
Самойленко Г. В.

Літературний редактор: Надія Бондар

Постановою ВАК України (додаток від 11.04.2001 р. № 5-05/4) збірник включено до переліку наукових видань, публікації яких зараховуються до результатів дисертаційних робіт із філології (Бюлетень ВАК України, 2001. — № 3. — С. 5).

Г58 Гоголезнавчі студії: Вип. VII (24). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2018. — 292 с.

ISBN 978-617-7609-14-7

У збірник увійшли статті, в яких висвітлені різні проблеми творчої спадщини Миколи Гоголя, україно- і російськомовна бібліографія.

Книга розрахована на науковців, аспірантів, студентів і широке коло читачів, зацікавлених творчістю Миколи Гоголя.

УДК 821.161.1.09 Гоголь
ББК 83.3(4Укр=Рос)5

ISBN 978-617-7609-14-7

© Гоголезнавчий
центр, 2018

ЗМІСТ

Доповіді, статті та дослідження

Абрамович С. Д. (Черновці) Цвіток папоротника в повісті Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» как архетип витального огня	5
Виноградов И. А. (Москва) Винтажный код нашей культуры: Гоголь	24
Воропаев В. А. (Москва) Гоголь и святоотеческое наследие	33
Евдокимов А. А. (Москва) «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя в свете трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта»	50
Звиняцьковський В. Я. (Київ) Історичне ядро «Миргорода» у світлі жанрово-міфологічних очікувань XVIII – першої третини XIX ст. та документованої історії України	64
Казарин В. П. (Київ), Новикова М. А. (Симферополь) Н. В. Гоголь: «Страшная месь» – круг и чаша	101
Киченко О. С. (Черкаси) Ніжинське гоголезнаство на сучасному етапі: напрями і методологія досліджень	132
Кривонос В. Ш. (Самара) Путешествие в «другой» мир в прозе Гоголя	144
Михед П. В. (Київ – Ніжин) «Гайдамаки» Т. Шевченка vs «Тарас Бульба» М. Гоголя: метаісторичний вимір (стаття перша)	157

Рождественская И. Е. (Днепр) Н. В. Гоголь
в восприятии польской литературной критики
межвоенного двадцатилетия.....163

Шульц С. А. (Ростов-на-Дону) Пушкин,
Гоголь, Л. Толстой (от «Барышни-крестьянки»
к «Вию» и «Дьяволу»).....181

Перекладознавство

Rolik Anatolii, Plotnikov Yevhen (Nizhyn)
Metaphor as a quality marker in German and English
translations of Nikolai Gogol's "Dead Souls".....192

Рецензії та відгуки

Воропаев В. А. (Москва) Гоголь в Сербии.
*Православни витез Николај Васильевич Гогољ /
приредило и превео Ранко Гојковић. Стари Бановци ;
Београд : Бернар, 2017. — 163 с. —
(Библиотека Тихи глас)*208

Питання біографії

Михед П. В. (Київ – Ніжин) Микола Гоголь
у Карлсбаді (до біографії письменника).....210

Бібліографія

Библиография призведений Н. В. Гоголя
и литературы о нем на русском языке (2016).
Подгот. **В. А. Воропаев** (Москва).....215

Бібліографія України про життя
і творчість Миколи Гоголя (2016).
Підгот.: **П. В. Михед, О. О. Костенко** (Ніжин).....261

Зміст попередніх випусків «Гоголезнавчих студій».....273

ДОПОВІДІ, СТАТТІ ТА ДОСЛІДЖЕННЯ

Семен Абрамович (Черновцы)

ЦВЕТОК ПАПОРОТНИКА В ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА» КАК АРХЕТИП ВИТАЛЬНОГО ОГНЯ

Царство Флоры – древнейшая естественная среда обитания человека, предмет наивного и суеверного обожествления в языческие времена. В частности, согласно К. Г. Юнгу, Дерево и Растения в целом неизменно ощущаются человеком как нечто родственное, а Лес воспринимается в качестве локуса, заключающего в себе природное единство как таковое, архетип мира вне человека; пограничьем же между Лесом и Человеком выступает Поле (см. «Архетип и символ»). Эти сферы дают пристанище и пищу, но в то же время таят смертельные опасности; они – источник и лечебных эликсиров, и губительных отрав. Мир растений уже в мифологическо-фольклорном формате приобретает статус некоего критерия истины, проверки человеческих деяний; мудрецы и отшельники удаляются в поиске познания в лес и осваивают первозданный язык растений и зверей. Метасюжет золотого века неразрывно связан с представлением о бурлящих, преизбыточествующих витальных силах природы, и Геракл отправляется за волшебными золотыми яблоками вечной молодости напрямик в сад Гесперид. Но в эту извечную тягу человека «назад, к природе», ноту глубочайшей рефлексии внесла Библия, утверждая, что Земной Рай потерян, что природа, как и мы, ее часть, сотворены, конечны и тленны, впадают в бунт против Творца. Оттого бы не назад, в разбитую скорлупу детского доверия к природе бы надо пялиться, а размышлять о предстоящей дематериализованной Вечности. И сколько бы ни печаловался А. Тойнби о «расколдованности» современной картины мира, когда в зеленых кронах

дерев уже не шевелятся дриады, когда сферой, где оживают древние волнения и тревоги, связанные с природой, остается лишь литература и искусство. На картине Врубеля «Пан» громадный месяц над рогатым ликом растворяющегося в сумерках божества с его нечеловечески-прозрачным взглядом пылает все так же страшно и призывно, как и во времена языческих прашуров.

Особенно волнующим в этом отношении выглядит гоголевский пейзаж, в котором явственно читается тайное присутствие некоего иного, не-земного мира. В гоголевском «Портрете» говорится о следовании художника лишь тому, что он видит своими «физическими» глазами, достаточно жестко: «...Ведь это однако же натура, это живая натура: отчего же это странно-неприятное чувство? Или рабское, буквальное подражание натуре есть уже проступок и кажется ярким, нестройным криком? Или, если возьмешь предмет безучастно, бесчувственно, не сочувствуя с ним, он непременно предстанет только в одной ужасной своей действительности, незаренной светом какой-то непостижимой, скрытой во всем мысли... Почему же простая, низкая природа является у одного художника в каком-то свету, и не чувствуешь никакого низкого впечатления, и после того спокойнее и ровнее все течет и движется вокруг тебя. И почему же та же самая природа у другого художника кажется низкою, грязною, а между прочим он так же был верен природе. Но нет, нет в ней чего-то озаряющего. Все равно как вид в природе: как он ни великолепен, а все недостает чего-то, если нет на тебе солнца» [7, с. 105–106].

Согласно теории литературы, образы растений и животных являются частью пейзажной картины. Поэтому естественно трактовать цветок папоротника у Гоголя как пейзажный образ, хотя, как мы увидим далее, он никак не сводится к «детали пейзажа», поскольку в природе не существует и репрезентирует иные идейно-семантические планы. Мы ставим своей задачей рассмотреть «озаряющую» функцию этого цветка при опоре на методологию ритуально-мифологического литературоведения,

которое выводит нас в область подсознательной основы творчества.

Это актуально, поскольку, несмотря на то, что о пейзаже у Гоголя написано вроде бы предостаточно, создается впечатление, что гоголевской природе чаще всего как бы предписывается роль составной части картины реального мира. В результате тут обычно фигурируют штампованные представления о «типичности реалистического обобщения» или о «восхищенности писателя красотой родной природы», делаются попытки истолкования проблемы в плоскости национальной ментальности автора; в лучшем случае, перед нами рассуждения о функции пейзажа в движении сюжета и наблюдения над мастерством «живописи словом». Чтобы не отвлекаться на освещение этого материала, обратимся к исследовательнице пейзажа в «Мертвых душах» Н. Д. Жуковой, которая дает сжатый, но содержательный историографический обзор. Она отмечает, что «в послеоктябрьский период к специальным проблемам литературного пейзажа, за исключением А. Белого и А. И. Белецкого, не обращался никто. Еще в 1934 году В. С. Нечаева отметила, что «теория и история литературного пейзажа не имеет специальной литературы», и это остается актуальным в наши дни. Показательно: статья В. И. Гусева «Пейзаж» опубликована лишь в дополнительном томе «Краткой литературной энциклопедии» (1978). Проблемам пейзажа русской романтической прозы посвящены несколько страниц в работе В. Ю. Троицкого «Художественные открытия русской романтической прозы 20–30-х годов XIX в.». В ней исследователь предлагает классификацию романтических пейзажей, которая, пожалуй, является первой попыткой такого рода <...> В гоголеведении к отдельным вопросам пейзажа писателя обращались А. Белый, В. Ф. Переверзев, В. Т. Адамс и некоторые другие. Последний поставил проблему необходимости изучения гоголевского «чувства природы». Интересные замечания, касающиеся гоголевских пейзажей, встречаются в работах Г. А. Гуковского, Ю. М. Лотмана, М. Б. Храпченко, Ю. В. Манна, Е. С. Смирновой-Чикиной, Е. А. Смирновой, в ряде статей названных выше авторов. С точки зрения

живописности рассматривает ряд гоголевских пейзажей К. В. Пигарев» [8, с. 1–2].

Плюс к тому, в интернете мельтешат шпаргалки для школьного сочинения о «родной природе» у Гоголя, в которых иногда просматривается тяга к научному открытию, и тут уж бегло сопоставить на пространстве размером с ладонь, скажем, пейзаж в «Тарасе Бульбе» с пейзажем в «Бежином луге» [9] вроде как и сам Бог велел. Впрочем, в этой области в последние десятилетия все же наблюдалась тяга к серьезным обобщениям. И. Золотусский, к примеру, верно говорит о гоголевском персонаже: «Русская душа, с одной стороны, рвется за пределы земного круга, с другой – прикипела к земле» [9, с. 11]. Но сегодняшние исследователи гоголевского пейзажа к подобной масштабности обобщений обычно, увы, не стремятся, однако по этому поводу, право, иной раз хочется сказать «И слава Богу!». Так, обращает на себя внимание звонкое заглавие статьи М. В. Трухиной «Гармония природы и природный хаос в художественном мире Н. В. Гоголя». В этой статье предпринята попытка исследования «украинских» и «петербургских» повестей писателя путем «имманентного анализа мотивной структуры текста». Но итоги исследования довольно невразумительны: «выявлен контраст между прошлым и настоящим, мечтой и реальностью, воплощенный в описаниях пышной, великолепной природы (гармония, прошлое, сон) и тревожных, причудливых ландшафтов (беспорядок, хаос, настоящее, реальность». Все это, по мнению автора, позволяет не только «лучше понять мотивную структуру» гоголевского текста, но и «выявить доминантные значения, дополнить существующие исследования новыми выводами» [11, с. 143]. В другом исследовании, посвященном истории русской фантастики, природа и человек у Гоголя фактически сведены к эпистолярной цитате: «Гоголя с детства восхищала родная природа и пугали люди. Даже через двадцать лет он писал одному из друзей: «Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето. Хлеба, фруктов, всего растительного – гибель. А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатны... Начинают понимать, что пора приниматься за

мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они (помещики) рыскают с горя за зайцами» [12, с. 39–40]. Как гласит виденная как-то мною лаконичная надгробная надпись, «Вот и все».

Между тем, пространство для размышлений о гоголевском пейзаже все еще существует. Просто мы привычно скользим в русле печально известного положения советской науки о литературе, согласно которому последняя есть только «отражение реальности»; любопытно, что от такого кондового определения реальности вот уже сто лет как отказываются сами представители естествознания, на которых мы со времен «Материализма и эмпириокритицизма» привычно ориентируемся, не замечая, что с наступлением XX века науки о природе кардинально изменились и ориентируются на субъективное восприятие с учетом порождаемых им аппроксимаций. Но осознание этого освобождает нас от повинности непременно следовать Белинскому и Чернышевскому, провозгласившим Гоголя вождем того, что обычно именуется «реалистическим направлением».

Нам, например, представляется более важным то, что в гоголевской *natura naturata* – природе порожденной (т. е. созданной Богом) – чаще всего вовсе не ощущается присутствия Создателя. Эта странная реальность распираема изнутри демоническими импульсами, она деформирована и разрушительно-динамична, она как бы бунтует против навязанной ей морфологии и тяготеет к диспропорции, безобразности, взрыву. И во захлеб воспеваемой гоголевской «фламандско-малороссийской» идиллии присутствует явственная макабристическая изнанка. «Земной» мир настолько пронизан силовыми линиями ощущаемого писателем inferнального инобытия, что, при всей своей похожести на «реальность», путеводителем по социально-политическим проблемам, равно как и душеспасительным назиданием, служить, строго говоря, не может...» [1, с. 7]. И архетип – в классическом, чисто юнговском смысле¹ – здесь обычно выявляется с редкостной полнотой².

В частности, как-то не привлекала до сих пор особого внимания та ситуация, что «аленький цветочек» – воистину родом из глубочайших недр. Первобытные люди посыпали покойника красной охрой, символизировавшей солнце и воскресение; похоже, с эпохи неолита заведен обычай красить яйца к весне. Но алый цветок не только вырастает из этой наивной жажды воскресения, он – достояние уже не только фольклора. В позднейших литературно-мифопоэтических системах за ним закрепляется особого рода символика: красный цветок вырастает из пролитой на землю крови божества – Адониса и др., возвращая тем самым его к жизни. В то же время красный цветок со времен Средневековья несет в себе динамику столкновения двух мировоззренческих систем. В христианской традиции символизм красного цвета развивается в рамках мистерии Жертвенного Самоприношения Божества. Он фигурирует в красных пасхальных яйцах, красных ризах службы мученикам и первой части пасхальной всенощной; на Западе – в легенде об алых розах, выросших из крови Христа, в деталях кардинальской одежды и в красной мантии, в которой хоронят папу: все это – намек на грядущее воскресение. Вместе с тем, манящий символ красного цветка издавна был осмыслен в христианстве как «прелесть»; в христианском искусстве красный цветок становится символом необузданных страстей, прелюбодеяния, еретика или человека, который разрывается между добром и злом; наконец – смерти (см. «Энциклопедию знаков и символов» Дж. Фоли). У алхимиков красный цветок символизировал золото. А еще языческо-жизнеутверждающий смысл символа затаился в старинных «Сонниках», трактующих цветок как знак материальных благ и удовольствий, приметую скорой свадьбы и т. п.

Все эти вещи, обычно находящиеся вне пределов нашего сегодняшнего внимания, в круг чтения образованного человека 1-й половины XIX века входили весьма активно и, надо думать, были Гоголю в той или иной степени известны. Поэтому не существующий в природе и обойденный вниманием гоголеведов пунцовый цветок папоротника из гоголевской повести «Вечер

накануне Ивана Купала» все же, похоже, заслуживает пристального внимания.

Интерес к сюжету цветения папоротника у Гоголя был давний и стойкий. В «Книге всякой всячины» есть запись о *папороти*, которая цветет огненным цветом только в полночь под Иванов день, и кто успеет сорвать его и устоит против призраков, которые будут ему представляться, тот отыщет клад. Но в украинском фольклоре, Гоголем с младых ногтей органически впитанном, присутствуют еще и мотивы призрачности всякого «золота гномов», или, шире, несправедного богатства. На сказку о папоротнике явственно наслаивались юношеские соображения о подземных природных богатствах, о людях, которые эти богатства способны добыть. Характерен в этом отношении фрагмент «Рудокопов» [см. подробно: 2]. Можно сказать, что Гоголь, хорошо знакомый и с родным фольклором, и с большой литературой, и со всяким чтивом вроде сонников, бывшим в ходу у помещиков из глубинки, проникает здесь в недра коллективного бессознательного своего народа. Украинский колорит повести изначально был столь густым, что первый издатель ее, П. Свиньин, как известно, пытался хотя бы вытравить из ее лексикона украинизмы, что вызвало негодование автора, имя которого, к слову, даже не было напечатано. Но успех повести у широкого российского читателя был огромен, талант автора – сразу же признан. Тем более странно, что с момента публикации повести в 1830 году роковой цветок папоротника сигнифицировался исследователями в основном лишь как элемент, заимствованный из славянского фольклора. Может, все дело в том, что и критикам XIX века, и исследователям века XX было зазорно вникать в старинные суеверия – ну, использовал Гоголь эту деталь для создания местного колорита, да и дело с концом. Но цветок папоротника в «Вечере накануне Ивана Купала» имеет достаточно сложную образную структуру и в сюжете повести играет не просто конструктивную, а итоговосвязующую роль, являет собою нечто значительно большее, чем просто сказочно-фантастический образ, использованный

единственно «для красоты слога», словно бантик на дамском платье позапрошлого столетия.

Начато повествование с неспешного изложения рассказней Фомы Григорьевича, выдержанных в ключе «Как теперь помню...». Но с момента упоминания о «бесовском человеке» Басаврюке темп наррации бурно возрастает, суггестивность стремительно усугубляется, причем дискурс здесь эмоционально акцентирован благодаря использованию цветового эпитета *красный*. К нему, впрочем, присоединяются и *розовый*, и *золотой*, и *черный*, и *синий*, и всякие другие цвета, чистые, звонкие, несмешанные. Но все же именно *красный* в полном смысле слова проходит через текст «красной нитью».

Более того, этот эпитет пронизывает весь украинский цикл, начиная с первой повести «Сорочинская ярмарка», в которой фигурирует жуткая «*червоня свитка*». *Красный* вспыхивает зловещим огоньком в костюме демонического запорожца-характерника, водящегося с чертом («*Красные как жар шаровары...*»). Он неожиданно обнаруживается – рядом с «золотыми галушками» – в «*красных сапогах*» российской царицы, гнобящей Украину, каковые сапоги перешли в царицыну собственность прямоком из украинского фольклора (ничего, Вакула возьмет с царицы туфельками). *Красны* выкатившиеся наверх очи чудовища, привидевшегося деду из «Заколдованной грамоты». Ярким пятном предстает на фоне толпы *красный жупан*, в который одет колдун из «Страшной мести».

Вот и нищий сирота Петр Безродный из повести «Вечер накануне Ивана Купала» явственно предназначается этому кровавому цвету, цвету любви и самой жизни: как говорят гоголевские *красные* дивчата и молодицы³, кабы «одеть его в новый жупан, затянуть *красным поясом* <...> то заткнул бы он за пояс всех парубков тогда» [5, с. 62]. А бедная Пидорка, по которой Петро сохнет, уже и всюю наливается алым (ну, нельзя, право, сделать в девичьем портрете щеки ярко-

красными): «полленькие щеки козачки были свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета, когда, умывшись Божьею росой, горит он, распрямляет листики и охорашивается *перед только что поднявшимся солнышком*» [5, с. 62–63]. И сапоги ее, конечно же, того же завлекающего цвета, что и у гнобительницы-царицы: «Бывало, ни свет ни заря, подковы *красных* сапогов и приметны на том месте, где раздобаривала Пидорка с своим Петрусем» [5, с. 63]. А Пидоркин отец, казак Терентий Корж, после того, как узнав про эту любовь, выгнал бедняка из дому, зато стал приветчать обшитого *золотом* ляха, чьи *карманы звенели, как церковная кружка*: мотив жизни и крови впервые сопрягается с мотивом золота, денег [5, с. 64]. Петро готов запить, но в шинке сталкивается с Басаврюком.

И тут события начинают развиваться в бурном темпе; они переносятся из человеческого жилья в поле и лес, в стихию природы. Но она, «роскошная родная малороссийская природа», обезчеловечена и зверообразна в своем бунте против Творца, в дикой жажде собственной, материальной имманентности.

И здесь я сталкиваюсь с трудностью, которую читатель, надеюсь, поймет. Из нижеследующего трехстраничного фрагмента гоголевского текста воистину слова не выкинешь, так как он чрезвычайно густо насыщен архетипной символикой Растения, Зверя, Крови, Золота и Огня. Акцентирована растительная и звериная витальность, с дикой энергией высвобождающаяся из плена привычных, Богом и людьми заданных, параметров. Земля разверзается, чтобы обнажить таящиеся в ее глубинах сокровища. Это настоящий шабаш, смоделированный с великим тщанием и мастерством из обломков того, что только что было растением, зверем и человеком, и расцветает на наших глазах в диком упоении обретенной сатанинской свободы. И, чтобы не разрушить созданной автором плотной атмосферы «готического ужаса», терять не хочется ни крупинки. Я позволю себе воспроизвести гоголевский текст максимально репрезентативно, для чего придется грубо нарушить общепринятые принципы культуры цитирования и ограничиться некоторым редуцированием гоголевского текста (знак <...>) и выделением курсивом тех

слов и словосочетаний, в которых покрывало привычной «реальности» размывается, тает, рвется в клочья.

Итак, слово Гоголю: «...у! какая образина! *Волосы – щетина, очи – как у вола!* «Знаю, чего недостает тебе: вот чего!» Тут брякнул он с бесовскою усмешкою кожаным, висевшим у него возле пояса, кошельком. Вздрыгнул Петро. *«Ге-ге-ге! да как горит! – заревел он, пересыпая на руку черwonцы. – Ге-ге-ге! да как звенит!* А ведь и дела только одного потребую за целую гору таких цацек». – «Дьявол! – закричал Петро. – Давай его! на все готов!» Хлопнули по рукам. «Смотри, Петро, ты поспел как раз в пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и *цветет папоротник*. Не прозевай! Я тебя буду ждать о полночи в *Медвежьем овраге*» <...> Я думаю, *куры* так не дожидаются той поры, когда баба вынесет им *хлебных зерен*, как дожидался Петрусь вечера. То и дело что смотрел, не становится ли тень от *дерева* длиннее, *не румянится ли понизившееся солнышко* ... *Вот уже и солнца нет. Небо только краснеет на одной стороне. И оно уже тускнет. В поле становится холодней* <...> собрался он в дорогу и бережно спустился *густым лесом в глубокий яр, называемый Медвежьим оврагом*. Басаврюк уже поджидал там <...> пробирались они по *топким болотам, цепляясь за густо разросшийся терновник* <...> Тут остановился и Басаврюк. – Видишь ли ты, стоят перед тобою три пригорка? *Много будет на них цветов разных*; но сохрани тебя нездешняя сила вырвать хоть один. *Только же зацветет папоротник, хватай его и не оглядывайся, что бы тебе позади ни чудилось*. Петро хотел было спросить... глядь – и нет уже его. Подошел к трем пригоркам; где же *цветы?* Ничего не видать. *Дикий бурьян чернел кругом и глушил все своею густотою. Но вот блеснула на небе зарница, и перед ним показалась целая гряда цветов, все чудных, все невиданных; тут же и простые листья папоротника* <...> *Глядь, краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая, движется. В самом деле, чудно! Движется и становится все больше, больше и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя.* «Теперь пора!» – подумал Петро и протянул

руку. Смотрит, тянутся из-за него сотни мохнатых рук также к цветку <...> Зажмурив глаза, дернул он за стебелек, и цветок остался в его руках. Все утихло. На пне показался сидящим Басаврюк, весь синий, как мертвец ... почудилось ему [Петру], будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голосом тоненьким, будто серебряные колокольчики; деревья загремели сыпучею бранью... Лицо Басаврюка вдруг ожило; очи сверкнули <...> Тут разделил он суковатую палкою куст терновника, и перед ними показалась избушка, как говорится, на курьих ножках <...> Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им <...> Глядь, вместо кошки старуха, с лицом, сморщившимся, как печеное яблоко <...> Ведьма вырвала у него цветок из рук, наклонилась и что-то долго шептала над ним, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пена показалась на губах. «Бросай!» – сказала она, отдавая цветок ему. Петро подбросил, и, что за чудо? – цветок не упал прямо, но долго казался огненным шариком посреди мрака и, словно лодка, плавал по воздуху; наконец потихоньку начал спускаться ниже и упал так далеко, что едва приметна была звездочка, не больше макового зерна. «Здесь!» – глухо прохрипела старуха; а Басаврюк, подавая ему заступ, примолвил: «Копай здесь, Петро. Тут увидишь ты столько золота, сколько ни тебе, ни Коржу не снилось». Петро, поплевав в руки, схватил заступ, надавил ногою и выворотил землю, в другой, в третий, еще раз... что-то твердое!.. Заступ звенит и нейдет далее. Тут глаза его ясно начали различать небольшой, окованный железом сундук. Уже хотел он было достать его рукою, но сундук стал уходить в землю... «Нет, не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!» – сказала ведьма и подвела к нему дитя лет шести, накрытое белою простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову. Остолбенел Петро. Малость, отрезать ни за что ни про что человеку голову, да еще и безвинному ребенку! В сердцах сдернул он простыню, накрывавшую его голову, и что же? Перед ним стоял Ивась <...> Как бешеный подскочил с ножом к ведьме Петро и уже занес было руку <...> Но тут «все,

что ни было под землю, сделалось видимо как на ладони. Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, грудями были навалены под тем самым местом, где они стояли. Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи... Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. Ведьма, вцепившись руками в обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь... Все пошло кругом в голове его! Сбравши все силы, бросился бежать он. Все покрылось перед ним красным цветом. Деревья, все в крови, казалось, горели и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились в его глазах» [5, с. 66–70].

Далее, в описании свадьбы Петруся с Пидоркой, то и дело проскальзывают, словно искорки погасшего в заколдованном лесу волшебного огня, красный и золотой цвета, доминирующие в богатой цветовой гамме: *«все горит на них, как жар»*. Впрочем, вакхический огонь этот, сопряженный с безудержным желанием веселиться, весьма опасен, если веселящиеся неразумны: *«С теткой покойного деда, которая сама была на этой свадьбе, случилась забавная история: была она одета тогда в татарское широкое платье и с чаркою в руках угощала собрание. Вот одного дернул лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промах, высек в ту же минуту огня, да и поджег... пламя вспыхнуло, бедная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать с себя, при всех, платье...»* [5, с. 70–71].

Далее угасает многоцветье и начинает, как на театральной сцене, исподволь нарастать зловещая краснота и, параллельно ей, озверение, одичание человека, ставшего жертвой собственной страсти. *«Так прошло и лето <...> В степях покраснело <...> Вот уже в ясный морозный день красногрудый снегирь ... прогуливался по снеговым кучам ... а Петро все тот же, и чем далее, тем еще суровее. Как будто прикованный, сидит посередине хаты, поставив себе в ноги мешки с золотом. Одичал, оброс волосами, стал страшен; и все думает об одном, все силится припомнить что-то; и сердится и злится, что не может вспомнить»* [5, с. 73–74]. И когда измученная молодая жена – *«ни румянца, ни усмешки»* – решается привести к нему старуху-

колдунью, живущую в Медвежьем овраге, наступает развязка – словно вспыхивает адское пламя.

«Вспомнил, вспомнил!» – закричал он в страшном веселье и, размахнувши топор, пустил им со всей силы в старуху. Топор на два вершка вбежал в дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лет семи, в белой рубашке, с накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетела. «Ивась!» – закричала Пидорка и бросилась к нему; но *привидение все с ног до головы покрылось кровью и осветило всю хату красным светом... Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев»* [5, с. 75].

В финале повести фигурирует развалившийся шинок, в котором подвизался Басарюк, и строение сие «нечистое племя долго после того поправляло на свой счет, доброму человеку пройти нельзя было. *Из закоптевшей трубы столбом валил дым и, поднявшись высоко, так, что посмотреть – шапка валилась, рассыпался горячими угольями по всей степи, и черт, – нечего бы и вспоминать его, собачьего сына, – так всхлипывал жалобно в своей конуре, что испуганные гайвороны стаями подымались из ближнего дубового леса и с диким криком метались по небу»* [5, с. 78].

Андрей Белый отмечал, что гоголевский пейзаж «вываливается» из жанровой задачи. Но зато в гоголевском мире, как, например, в «Тарасе Бульбе», «быт, пейзаж, фабула единоклестны, точно ветряной винт» [3, с. 158]. По сути, исследователь говорит о том, что пейзаж у Гоголя не «вмонтирован» в повествование сообразно тем или иным жанровым клише, но активно динамичен и неотъемлем от бега событий; можно бы сказать по этому поводу, что мимезис у Гоголя-пейзажиста явно поступается диегезису.

Алый цветок важен не сам по себе, это лишь призрачная, пульсирующая огненная точка, тяготеющая к хтонической чудовищности и ведущая к ней. Что же может быть чудовищнее жертвоприношения человеком дитяти во имя собственного блага – древнейший ритуал архаического общества; достаточно вспомнить некоторые вещи, на фоне которых жертво-

приношение Ифигении ее родным отцом Агамемноном во имя попутного ветра покажется розовой сказкой. Например, культ Ваала или кровавые будни дохристианской Центральной Америки. Славян-язычников это также не миновало.

И цветок папоротника в гоголевской повести выступает как емкое художественное обобщение того всеохватывающего внутреннего огня, который неугасимо пылает в природе и обобщается в языческих мифологиях в фигурах ранга индуистского Агни, всемирного жара, который поддерживает жизнь в космическом масштабе – от небесных светил до подземных недр, где рождаются золото и другие металлы. Его красный цвет – одновременно *цвет жизни и цвет крови*, мученичества. Это символ витального пылания природы, который сконцентрировал в себе и величайшую притягательность, и непреходящую опасность земного бытия вообще. И притом все это нанизано, словно на нитку, на неустанное поминание дьявола, отца Зла. Гоголевский образ становится, как видим, контаминацией обоих значений – языческого и христианского, выступая как емкое, символическое обобщение соблазняющей прелести Природы и Жизни в целом. Соблазна настолько сильного, что даже христианизированный вроде бы человек забывает библейскую максиму: не отдавать детей своих Молоху (Лев. 20:2).

Литературный резонанс гоголевского художественного решения оказался невелик. Секуляризированная культура в XIX веке в эти глубины уже предпочитала не вникать, довольствуясь плоскостью социальных описаний и конфликтов. Правда, огонек гоголевского папоротника несколько раз вспыхнул в прозе В. Гаршина. Тут папоротник буквально обретает голос – в рассказе «Attalea princeps», построенном как фантастический диалог оранжерейных растений, и реплика его весьма характерна: *Но ведь не всех же нас обдирали*. А в рассказе «Красный цветок» выведен пациент сумасшедшего дома, для которого все зло мира почему-то сосредоточилось в красном цветке мака; он считает, что обязан впитать в себя его яд, чтобы не дать ему распространяться далее, и гибнет в состоянии эйфории. Но, конечно, это не столько сознательное развитие гоголевских

мотивов, сколько смутная филиация образности на уровне подсознания.

Тем не менее, гоголевский подход сегодня может быть очень даже востребован. Укажу лишь на одну статью, причем даже не литературоведческую, чтобы обозначить возможное направление сегодняшней писательской и литературоведческой мысли: «Генеалогия насилия: жертвоприношение как архетип терроризма»: авторы – С. Н. Борисов и А. В. Артюх [4]. Думается, что гоголевская интерпретация глубин коллективного бессознательного восточного славянства, переживающего сегодня непростые времена, вопросы о причинах и месте зарождения терроризма, о его псевдосакральной самоидентификации, о его обусловленности идеологией борьбы за перераспределение влияния и материальных благ, о его понимании жертвенности и жертвы и пр. – вовсе не теряют актуальности.

Примечания:

¹ Скажем, А. Гольденберг в монографии «Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя» использует, как это часто бывает в литературоведении, термин *архетип* в чрезвычайно расширенном смысле, весьма далеко выходя за сферу собственно подсознательного [7].

² «И не надо подробного анализа «Тараса Бульбы», чтобы обнаружить: сюжет здесь строится на инициации – как бы точно по Юнгу: выход в мир Отца есть в то же время выход из мира Матери. Бульба забирает сыновей на Сечь, вводит их в мир мужского, военного бытия – вопрос кажется исчерпанным. Сама композиционная структура повести заставляет думать именно об этом – очень давно мне случалось отметить, что исполненная опасностей степь в сюжетном движении повести представляет как раз пространство инициации <...> Однако это «посвящение в мужчины» – лишь первый план сюжетного движения <...> Ведь подлинная Инициация предполагает взросление, возмужание. У мужчины представление о смысле взрослого бытия связывается с Женщиной, в любовь, с семьей. Но Запорожская Сечь, как отмечалось рядом исследователей, в известном аспекте была тем характерным архаическим «мужским домом», в котором собирали мальчишек-подростков в период возмужания и где женщина мыслилась как существо презренное. Более

того, в данном казусе ситуация усложняется тем, что и сам Отец, растоптавший собственное семейное гнездо, бежит из него в «мужской дом» вместе с сыновьями. Ведь, при своих годах и неимоверной тучности, он – вечный «трудный подросток», для которого не существует ни семейных, ни мирных ценностей: как же это – держать официально законный договор о мире, когда так хочется воевать!» [1, с. 60–61].

³ О, этот неизбежный гоголевский страх перед Женщиной!

Литература:

1. *Абрамович С. Д.* Двоемирие Гоголя : монография / Семен Дмитриевич Абрамович. — Каменец-Подольский : Изд-во Каменец-Подольский нац. ун-та им. И. Огиенко, 2014. — 120 с.

2. *Абрамович С. Д.* Фрагмент «Рудокопов»: попытка интерпретации / Семен Дмитриевич Абрамович // VIII Гоголівські читання : матеріали міжнар. наук. конф. (Полтава, 5–6 квіт. 2006 р.). — Полтава : Вид-во Полтав. держ. пед. ун-ту імені В. Короленка, 2006. — С. 102—105.

3. *Белый А.* Мастерство Гоголя. Исследование / Андрей Белый. — М. : Книжный Клуб Книговек, 2011. — 416 с.

4. *Борисов С. Н.* Генеалогия насилия: жертвоприношение как архетип терроризма / С. Н. Борисов, А. В. Артюх // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — Тула : Тульский государственный университет, 2013. — С. 12—21.

5. *Гоголь Н. В.* Вечер накануне Ивана Купала / Николай Васильевич Гоголь // Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений в пяти томах. — М. : Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 1. — С. 57—78.

6. *Гоголь Н. В.* Портрет / Николай Васильевич Гоголь // Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений в пяти томах. — М. : Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 5. — С. 94—173.

7. *Гольденберг А. Х.* Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя : монография / Аркадий Хаимович Гольденберг. — Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. — 261 с.

8. *Жукова Н. Д.* Пейзаж в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01. «Русская литература» / Наталья Дмитриевна Жукова. — Днепропетровск, 1992. — 18 с.

9. *Золотусский И.* Гоголь / Игорь Золотусский. — М. : Молодая Гвардия, 1979. — 511 с.

10. Максимова Д. Сравнение описаний природы в «Бежином луге» И. С. Тургенева и «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя [Электронный ресурс] / Дарья Максимова. — Режим доступа :

www.rhapsody.ru › Сочинения и рефераты.

11. Трухина М. В. Гармония природы и природный хаос в художественном мире Н. В. Гоголя / М. В. Трухина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. — 2014. — № 1 (29). — С. 143—149.

12. Прашкевич Г. М. Красный сфинкс. История русской фантастики от В. Ф. Одоевского до Бориса Штерна / Генналий Мартович Прашкевич. — Новосибирск : Свинын и сыновья, 2009. — 718 с.

References:

1. Abramovich S. D. Doubtlessness of Gogol: monograph [Dvoemirie Gogolja : monografija]. Kamianets-Podilskyi, Izd-vo Kamenec-Podol'skij nac. un-ta im. I. Ogienko Publ., 2014. 120 p.

2. Abramovich S. D. Fragment of the “Miner”: an attempt at interpretation [Fragment “Rudokopov”: popytka interpretacii]. *VIII Gogol's reading: materials international. sciences conf. (Poltava, April 5–6, 2006) [VIII Gogolivs'ki chitannja: materiali mizhnar. nauk. konf. (Poltava, 5–6 kvit. 2006 r.)]*. Poltava, Vid-vo Poltav. derzh. ped. un-tu imeni V. Korolenka Publ., 2006. P. 102—105.

3. Belyj A. Gogol's skill. Study [Masterstvo Gogolja. Issledovanie]. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 2011. — 416 p.

4. Borisov S. N. Genealogy of violence: sacrifice as an archetype of terrorism [Genealogija nasilija: zhertvoprinoshenie kak arhetip terrorizma]. *News of Tula State University. Humanitarian sciences [Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki]*. Tula, Tul'skij gosudarstvennyj universitet Publ., 2013. P. 12—21.

5. Gogol' N. V. Evening on the eve of Ivan Kupala [Večer nakanune Ivana Kupala]. *Gogol' N. V. Collection of works of art in five volumes [Gogol' N. V. Sobranie hudozhestvennyh proizvedenij v pjati tomah]*. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. V. 1. P. 57—78.

6. Gogol' N. V. Portrait [Portret]. *Collection of works of art in five volumes [Sobranie hudozhestvennyh proizvedenij v pjati tomah]*. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. V. 5. P. 94—173.

7. Gol'denberg A. X. Archetypes in the poetics of N. V. Gogol: monograph [Arhetipy v pojetike N. V. Gogolja: monografija]. Volgograd, Izd-vo VGPU “Peremena” Publ., 2007. 261 p.

8. Zhukova N. D. Landscape in the “Dead Souls” by N. V. Gogol. Dr. philol. sci. diss. 10.01.01. “Russian literature” [Pejzazh v “Mertvyh dushah” N. V. Gogolja : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: spec. 10.01.01. “Russkaja literatura”]. Dnepropetrovsk, 1992. 18 p.

9. Zolotusskij I. Gogol [Gogol']. Moscow, Molodaja Gvardija Publ., 1979. 511 p.

10. Maksimova D. Comparison of descriptions of nature in the “Beige Meadow” by I. S. Turgenev and “Taras Bulba” by N. V. Gogol [Sravnenie opisaniy prirody v «Bezhinom luge» I. S. Turgeneva i “Tarase Bul'be” N. V. Gogolja] Available at:

www.rhapsody.ru › *Sochinenija i referaty*.

11. Truhina M. V. Harmony of nature and natural chaos in the artistic world of N. V. Gogol [Garmonija prirody i prirodnyj haos v hudozhestvennom mire N. V. Gogolja]. *News of higher educational institutions. The Volga region. Humanitarian sciences. Philology [Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. Filologija]*, 2014. № 1 (29). P. 143—149.

12. Prashkevich G. M. Red Sphinx. The history of Russian fiction from V. F. Odoevsky to Boris Stern [Krasnyj sfinks. Istorija russoj fantastiki ot V. F. Odoevskogo do Borisa Shterna]. Novosibirsk, Svin'in i synov'ja Publ., 2009. 718 p.

Аннотация

ЦВЕТОК ПАПОРОТНИКА В ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА» КАК АРХЕТИП ВИТАЛЬНОГО ОГНЯ

Образ цветущего папоротника в «Вечере накануне Ивана Купала» обыкновенно расценивается как «внешняя», декоративная деталь, нечто вроде припиленной к фраку гоголевских времен розы или гвоздики; это заимствование из украинского фольклора осмысливается обыкновенно как средство создания местного колорита. На самом деле Гоголь превращает несуществующий колдовской цветок папоротника в символ злобной, бесовской обманчивости материального мира и всех его соблазнов. В художественной системе этой знаменитой повести цветок-фантом является сигнификацией стремления Природы к собственному материальному бытию как к имманентности, отрицающей присутствие Творца. А его красный цвет, сообразно богатой фольклорно-литературной традиции, интерпретируется как символ страстного чувственного желания обладать витальной силой и материальными благами нашего мира.

Ключевые слова: цветок папоротника, материя, обманчивость, красный, символика.

Анотація

КВІТКА ПАПОРОТІ В ПОВІСТІ ГОГОЛЯ «ВЕЧІР НАПЕРЕДОДНІ ІВАНА КУПАЛА» ЯК АРХЕТИП ВІТАЛЬНОГО ВОГНЮ

Образ квітучої папороті в «Вечорі напередодні Івана Купала» зазвичай розцінюється як «зовнішня», декоративна деталь, щось на зразок пришиленої до фрака гоголівських часів троянди або гвоздики; це запозичення з українського фольклору осмислюється звичайно як засіб створення місцевого колориту. Насправді Гоголь перетворює неіснуючу чаклунську квітку папороті в символ злісної, бісівської оманливості матеріального світу й усіх його спокус. У художній системі цієї знаменитої повісті квітка-фантом є сигніфікацією прагнення Природи до свого матеріального буття як іманентності, що заперечує присутність Творця. А її червоний колір, відповідно до багатой фольклорно-літературної традиції, інтерпретується як символ пристрасного чуттєвого бажання володіти вітальною силою і матеріальними благами нашого світу.

Ключові слова: квітка папороті, матерія, оманливість, червоний, символіка.

Summary

FERN FLOWER IN GOGOL'S STORY "THE NIGHT OF IVAN KUPALA" AS AN ARCHETYPE OF VITAL FIRE

The image of a blooming fern in "The Night of Ivan Kupala" is usually regarded as an "external", decorative detail, something like a rose or carnation pinned to the evening dress of Gogol's time. This borrowing from Ukrainian folklore is usually comprehended as a means of creating local color. In fact, Gogol turns a non-existent magical fern flower into a symbol of evil, demonic deception of the material world and all its temptations. The phantom flower is in the artistic system of this famous novel the signification of Nature's desire for its own material being as immanence that denies the presence of the Creator. And its red color, according to rich folklore and literary tradition, is interpreted as a symbol of the passionate desire to possess the vitality and material wealth of our world.

Keywords: fern flower, matter, deception, red, symbol.

ВИНТАЖНЫЙ КОД НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ: ГОГОЛЬ*

В обширном, многотомном собрании нашей словесности Гоголь занимает не просто значимое, но исключительное место. Есть писатели «универсальные», «устраивающие» всех и всякого, находящие отклик в любом сердце и подходящие всем возрастам и настроениям. Любовь к Гоголю несколько отличается от этой «многополярности». Она носит особый, «элитарный» характер – в самом лучшем, христианском значении этого слова, – ибо «много званых, но мало избранных». «Элитарен» Гоголь не в том смысле, чтобы цениться только в узком кругу «просвященных» знатоков, – широта охвата аудитории его рельефными, почти скульптурными образами безгранична. Исключительность писателя заключается более всего в способности пробуждать «лучшие», «небренные струны» нашей души. Гоголь – это переплетение самых «силовых», «становых жил» нашей национальной идеологии, один из самых значимых и знаковых «кодов» нашей культуры.

Обратимся к самому известному, хрестоматийному – к тому, чего обойти невозможно, когда говоришь о Гоголе. Имеется в виду знаменитая речь Тараса Бульбы о вере и товариществе. За минуты перед сражением, в последние мгновенья перед битвой Тарас восклицает: «...Нет уз святее товарищества! <...> Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. <...> Уже если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не доведется так умирать!» [2, I–II, с. 380–381]. «...Славянская порода, широкая, могучая порода, перед другими, что море перед мелководными реками», – это добавляет уже сам Гоголь как рассказчик «Тараса Бульбы», от своего имени [2, I–II, с. 376–377].

В этих строках – вершина всего патриотического, всего национального, всего героического в нашей литературе.

* Редакційна колегія збірника не поділяє поглядів автора.

Речь Тараса Бульбы всем без исключения знакома, понятна и близка. Но страницей ранее в повести есть еще одно обращение Бульбы к казакам, которое, к сожалению, нам менее памятно. Следует напомнить это первое, в отличие от речи о товариществе, обращение Бульбы к казакам. В вечер накануне битвы происходит событие не менее значимое и знаковое для понимания гоголевской повести. Это первое обращение Тараса Бульбы к соратникам сопровождается особым действием.

Внешне всё выглядит просто – Тарас как бы произносит некий заздравный тост, в котором прославляет православную веру, славит Запорожскую Сечь, казацкие подвиги и «всех христиан, какие ни есть на свете» [2, I–II, с. 378]. Но что-то очень важное ощущается, неуловимо узнается в этом эпизоде гоголевской повести, что до сих пор почему-то ускользает от нашего внимания. Перед заздравной речью Бульба распечатывает воз с каким-то необыкновенным, заповедным вином: «И повелел Тарас распаковать своим слугам один из возов, стоявший особняком. <...> Взял он его про запас на торжественный случай, чтобы если случится великая минута и будет всем предстоять дело, достойное на передачу потомкам, то чтобы всякому казаку, до единого, досталось выпить заповедного вина, чтобы в великую минуту великое чувство овладело бы человеком» [2, I–II, с. 377].

Что происходит в те минуты, когда Тарас обращается к казакам с вдохновляющей речью и приобщает их особым, «заповедным вином»? Что за бесценное вино имеет в виду Гоголь, когда упоминает о нем еще раз при описании героической смерти атамана Кукубенко? – «...И хлынула ручьем молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в стеклянном сосуде из погреба неосторожные слуги и, поскользнувшись <...> у входа, разбили дорогую сулею...» [2, I–II, с. 386].

Несомненно, в образе Тараса Бульбы, распаковывающего свой заветный воз и призывающего казаков к подвигу, Гоголь прообразовательно представляет нам первосвященника, вдохновляющего православных воинов пастырской проповедью и причащающего их Тела и Крови Христовой. Имея в виду

буквальное значение греческого слова «литургия» – что значит «служение», «общее дело», Гоголь – создатель книги о Божественной Литургии – как бы говорит нам, что «литургия», «общее дело», и составляет главный смысл жизни запорожских воинов, всего православного товарищества, христианского братства – «литургия» пронизывает бытие казаков от причастия за таинством Литургии в церкви до ратного христианского подвига на поле боя в защите Веры и Отечества. В последующем описании смерти Кукубенко, молодая кровь которого уподобляется дорогому вину, Гоголь изображает прямое участие этого героя, а также всех казаков в литургической жертве, пролитии крови «за други своя», то «священнодействие», «при котором каждый думает занять место первосвященника, войти во святое святых своей души и самого себя принести на заклание» [4, с. 15]. Бесспорно, как заметил еще В. И. Шенрок [6, с. 443], религиозность Гоголя в этих эпизодах «Тараса Бульбы» выражается даже сильнее, чем в главах его известной, написанной позднее религиозно-патриотической книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

Для оценки раритетных, марочных вин в виноделии употребляется слово «винтаж»; им определяют старые, выдержанные вина, полученные в редкие урожайные годы. Можно сказать, что и само гоголевское наследие в нашей литературе – это тот самый воз с заповедным вином, приобщаясь которого, мы проходим обряд посвящения в удивительный духовный мир писателя. Наследие Гоголя, без преувеличения, – это одно из самых изысканных, дорогостоящих, «коллекционных» «вин» нашей востребованной во всем мире классики.

Произведения Гоголя являются одновременно и «винтажными», т. е. уникальными и многоценными, и крайне актуальными, современными, востребованными здесь и сейчас.

Чем объясняется это уникальное своеобразие Гоголя? Во-первых, укорененностью писателя в традиционной многовековой, связывающей и прошлое, и будущее народной культуре – в сочетании с глубокими историческими познаниями

Гоголя, полученными им еще во время обучения в Нежинской гимназии и обогащенными впоследствии в период преподавания истории сразу в двух учебных заведениях Петербурга, Патриотическом институте и Императорском университете. Более своеобразного и более самобытного писателя нет в нашей словесности. Это отметили уже современники писателя – и мнение их остается справедливым до сих пор. Уже самыми первыми повестями – произведениями, вошедшими в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», – Гоголь вступил в отечественную словесность не только как веселый и оригинальный рассказчик, но и как глубоко национальный, органично связанный с народным творчеством, буквально воспитанный фольклором поэт. Это делает Гоголя одним из «краеугольных камней» русской, украинской, славянской и мировой культуры.

Вторая «составляющая» Гоголя – сердцевина народной культуры и жизни – Православие. Как это ни удивительно, но именно Гоголь, с его внешне странной и даже противоречивой судьбой, является одним из главных, последовательных выразителей знаменитой русской формулы, включающей в себя все корневые, тысячелетние основы русского бытия – Веру, Царя и Отечество – Православие, Самодержавие и Народность. Под знаком этой «триады» помещается буквально все творчество Гоголя. Только сейчас мы начинаем понимать, сколь значимы эти составляющие для творчества писателя. Как известно, начала Православия, Самодержавия, Народности были официально провозглашены в России в 1832–1834 гг. в качестве основ народного образования. Первые две составляющие этой формулы – Православие и Самодержавие – в пояснениях не нуждаются. Но ныне основательно забыто, что вкладывалось в тогдашнее понятие Народности. А высшим проявлением народности в 1834 г. была провозглашена именно литература. Литература объявлялась министром Уваровым главной выразительницей народности и тем самым официально ставилась на такую высоту, на какой до этого она еще никогда не стояла! Прямо в ответ этим правительственным начинаниям и явились гоголевские «Миргород», «Арабески», «Ревизор» – лично

разрешенный императором к постановке и печатанию. И «Тарас Бульба», написанный в том же, 1834 году, в ответ польскому восстанию 1830–1831 гг. – это тоже живой отклик Гоголя на начинания – отрядные начинания – правительства. И неоконченные «Мертвые души» – это о тех, кто в настоящий момент еще не отвечают своему назначению, но сумеют в будущем подняться над своей мертвенностью, воскреснуть и достичь той «планки», что поставлена для них Богом и Отечеством.

Вдумайтесь, у Гоголя есть даже не одно, а сразу два самых патриотических произведения всей нашей словесности. Самое патриотическое художественное – «Тарас Бульба» – и самое патриотическое публицистическое – «Выбранные места из переписки с друзьями». «Нужно любить Россию» – так называется одна из глав «Выбранных мест...», однако патриотическое начало пронизывает буквально каждую главу этого уникального в нашей литературе сочинения [1]. В то время, когда продолжатель В. Г. Белинского, двадцатилетний «красный республиканец и социалист» Н. Г. Чернышевский мечтает о «поражении русских» в Венгрии [5, с. 297], Гоголь со страниц вышедшей книги обращается к современникам с самым патриотическим в истории нашей литературы словом. Во всей нашей классике нет больше ничего подобного. С «Тарасом Бульбой» и «Выбранными местами из переписки с друзьями» сопоставимы разве что наши древнерусские и славянские летописи. Глубочайший религиозно-патриотический пафос двух гоголевских произведений можно сравнить разве что с пафосом Лаврентьевской летописи, вдохновлявшей на освободительную борьбу Древнюю Русь, или с содержанием «Истории славяноболгарской», пробуждавшей национальное самосознание поработанных болгар. Других подобных книг в нашей классической словесности нет.

Именно у Гоголя – воплощенная в образах его героических запорожцев духовная скрепа народа и высочайшая его Поэзия – счастье исполнения своего долга, предназначения, смысла жизни на земле: «Долг – Святыня. Человек счастлив, когда

исполняет долг» [2, VI, с. 296]. Таков высокохудожественный, глубоко духовный «винтажный» код нашей культуры.

Как писал А. С. Хомяков, «искусство <...> не есть произведение одинокой личности и ее эгоистической рассудочности»: «В нем сосредоточивается и выражается полнота человеческой жизни с ее просвещением, волею и верованием. Художник не творит собственно своею силою – духовная сила народа творит в художнике. <...> ... Всякое <подлинное> художество <...> не может не быть народным» [3, с. 322–323].

Своей укорененностью в традиции Гоголь открыл нам самих себя, показал наши корни, наш подчас глубоко скрытый духовный код. «Есть в русском человеке сокровенные струны, которых он сам не знает», – замечал сам Гоголь. Это действительно непреходящее открытие писателя – заслуга его уникальной личности, вобравшей в себя все самое важное и сокровенное из нашего достояния. Именно поэтому, как самый яркий носитель этого национального духовного кода, Гоголь – столь же ревностный его защитник и хранитель.

Важно напомнить в заключение завет Гоголя: «...Мои сочинения <...> писаны долго, в обдумывании многих из них прошли годы, а потому не угодно ли читателям моим тоже подумать о них на досуге и всмотреться пристальней» [2, XII, с. 240].

Литература:

1. *Виноградов И. А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») / И. А. Виноградов // Литературный факт. — 2017. — № 5. — С. 412—422.

2. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.); [сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева] / Н. В. Гоголь. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Т. I–II: Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. — 664 с.

Т. VI: Выбранные места из переписки с друзьями. Духовная проза. Критика. Публицистика. — 744 с.

Т. XII: Переписка 1842–1844. — 704 с.

3. Хомяков А. С. О возможности Русской художественной школы / А. С. Хомяков // Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. — М., 1847. — С. 319—358.

4. Хоцянов К. С. Опыт разбора повести Гоголя «Тарас Бульба» / К. С. Хоцянов. — СПб., 1883. — 84 с.

5. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. / Н. Г. Чернышевский. — М., 1939. — Т. 1. — 860 с.

6. Шенрок В. И. Гоголь как художник / В. И. Шенрок // Киевская Старина. — 1902. — № 6. — С. 435—448.

References:

1. Vinogradov I. A. The most patriotic book of our literature (“Selected Places from Correspondence with Friends of Nikolai Gogol”) [Samaja patrioticheskaja kniga nashej slovesnosti (“Vybrannye mesta iz perepiski s druz’jami Nikolaja Gogolja”)] *Literary fact [Literaturnyj fakt]*. 2017. № 5. P. 412—422.

2. Gogol' N. V. Full collected works and letters in 17 vol. (15th book) [Polnoe sobranie sochintnij i pisem: v 17 t. (15 kn.), comp., preparation of texts and comments I. A. Vinogradov, V. A Voropaev]. Moscow, Kiev, Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2009—2010.

Vol. I—II. Evenings on a Farm Near Dikanka. Mirgorod [Vechera na hutore bliz Dikan’ki. Mirgorod]. 664 p.

Vol. VI. Selected places from correspondence with friends. Spiritual prose. Criticism. Publicism [Vybrannye mesta iz perepiski s druz’jami. Duhovnaja proza. Kritika. Publicistika]. 744 p.

Vol. XII. Correspondence 1842—1844 [Perepiska 1842—1844]. 704 p.

3. Homjakov A. S. On the Possibility of the Russian Art School [O vozmozhnosti Russkoj hudozhestvennoj shkoly]. Moscow Literary and Scientific Collection for 1847 [Moskovskij Literaturnyj i Uchenyj Sbornik na 1847 god]. Moscow, 1847. P. 319—358.

4. Hocjanov K. The experience of analyzing the story of Gogol “Taras Bulba” [Opyt razbora povesti Gogolja “Taras Bul’ba”]. Saint-Petersburg, 1883. 84 p.

5. Chernyshevskij N. G. Complete works in 15 vol. [Poln. sobr. soch. V 15 t.]. Moscow, 1939. Vol. 1. 860 p.

6. Shenrok V. I. Gogol as an artist [Gogol' kak hudozhnik]. *The Kiev antiquity [Kievskaja Starina]*. 1902. № 6. P. 435—448.

Аннотация

ВИНТАЖНЫЙ КОД НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ: ГОГОЛЬ

Статья посвящена уяснению значения Гоголя в русской культуре. Подчеркнуты стержневые направления гоголевского творчества. Очерчена определяющая линия развития писателя, от «Тараса Бульбы» до «Выбранных мест из переписки с друзьями», представляющих собой два самых патриотических произведения русской классической словесности. Обращено внимание на неповторимый «почерк» и уникальность гоголевского наследия, объясняющиеся укорененностью писателя в традиционном народном творчестве и православном мировоззрении и его широкими историческими познаниями. При этом отмечается глубокая духовная близость менталитета Гоголя современной культуре, непреходящее значение его творчества для национального самосознания и важная роль гоголевского наследия в культурной самоидентификации народа. Ставится проблема адекватного восприятия произведений Гоголя, необходимость герменевтического их изучения, являющего собственно гоголевское, не замутненное позднейшими идеологическими интерпретациями содержание его художественных образов.

Ключевые слова: история литературы, художественное творчество, биография, интерпретация, герменевтика, общественная идеология, культурная идентификация, духовное наследие.

Анотація

ВИНТАЖНИЙ КОД НАШОЇ КУЛЬТУРИ: ГОГОЛЬ

Стаття присвячена з'ясуванню значення Гоголя у російській культурі. Підкреслені стрижневі напрямки гоголівської творчості. Окреслена визначальна лінія розвитку письменника, від «Тараса Бульби» до «Вибраних місць із листування з друзями», що постають двома найбільш патріотичними творами російської класичної словесності. Звернена увага на неповторний «почерк» й унікальність гоголівської спадщини, які пояснюються вкоріненням письменника в традиційній народній творчості та православному світогляді і його широким історичним знанням. При цьому наголошується на глибокій духовній близькості менталітету Гоголя сучасній культурі, непроминушому значенні його творчості для національної самосвідомості і важливій ролі гоголівської спадщини в культурній

самоідентифікації народу. Ставиться проблема адекватного сприйняття творів Гоголя, необхідності герменевтичного їхнього вивчення, що є власне гоголівським, не вкритим нашаруваннями пізніших ідеологічних інтерпретацій змістом його художніх образів.

Ключові слова: історія літератури, художня творчість, біографія, інтерпретація, герменевтика, суспільна ідеологія, культурна ідентифікація, духовна спадщина.

Summary

VINTAGE CODE OF OUR CULTURE: GOGOL

The article is devoted to understanding of the significance of Gogol in Russian culture. The main directions of Gogol's creative work are emphasized. The defining line of writer's development is determined from "Taras Bulba" to "Selected places from correspondence with friends", which are the two most patriotic works of Russian classical literature. Attention is drawn to the distinctive "handwriting" and uniqueness of Gogol's heritage, which are explained by the writer's rooting in traditional folk art and the Orthodox worldview and his wide historical knowledge. At the same time, the deep spiritual closeness of Gogol's mentality to modern culture, the continuing importance of his creativity for national self-consciousness and the important role of Gogol's heritage in the cultural self-identification of the people are noted. The problem of an adequate perception of Gogol's works is posed, the necessity of hermeneutical study of them, which is actually Gogol's own, not covered by later ideological interpretations, the content of his artistic images.

Keywords: history of literature, art creativity, biography, interpretation, hermeneutics, social ideology, cultural identity, spiritual heritage.

ГОГОЛЬ И СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Святоотеческое наследие¹, непосредственное общение с носителями святоотеческой традиции во многом определили характер религиозного мирозерцания Н. В. Гоголя, особенности его творчества. Есть основания полагать, что эсхатологические представления Гоголя имеют своим источником святоотеческое учение. В этом свете становятся понятными некоторые моменты биографии писателя, например, его аскетическое поведение в последние дни жизни.

Сразу после смерти Гоголя, разбирая уцелевшие от сожжения бумаги, его друзья обнаружили значительное количество выписок религиозного содержания. Граф А. П. Толстой, в доме которого жил последние годы Гоголь, писал своей сестре Софье Петровне Апраксиной о «множестве тетрадей копий и выдержек из переводов св. отцов» (Из писем графа А. П. Толстого) [4, т. 3, с. 724]; особо отметил их С. П. Шевырев, разбиравший рукописи Гоголя, оставшиеся после его кончины (Список бумаг, оставшихся после покойного Н. В. Гоголя) [4, т. 2, с. 123].

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) Гоголь указал на три источника самобытности, из которых должны черпать вдохновение русские поэты. Это народные песни, пословицы и слово церковных пастырей (в другом месте статьи названы церковные песни и каноны). Можно с уверенностью сказать, что эти источники имеют первостепенное значение и для эстетики Гоголя.

В свое время профессор Г. П. Георгиевский, хранитель рукописей Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека), напечатал подготовительные материалы Гоголя фольклорного и этнографического характера, свидетельствующие о серьезности его научных занятий. Выписки Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви, Кормчей книги и служебных Миней, маргиналии на полях

принадлежавшей ему Библии заставляют пересмотреть многие традиционные представления о духовном облике писателя, открывают новое в его творческих устремлениях. Отсюда тянутся нити к «Размышлениям о Божественной Литургии» и второму тому «Мертвых душ», «Выбранным местам из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди».

Большая часть этих выписок сделана Гоголем в середине 1840-х гг. Можно думать, однако, что уже в школьные годы он ознакомился с «Лестницей» преподобного Иоанна Синайского, одной из основных книг в монашеской аскетике. Образ лестницы, соединяющей землю с небом, один из любимейших у Гоголя. Он встречается уже в одном из самых ранних его произведений – в повести «Майская ночь, или Утопленница» (1829).

«Ни один дуб у нас не достанет до неба, – сожалеет красавица Ганна. – А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед Светлым праздником. – Нет, Галю, отвечает ей казак Левко, – у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее ставят перед Светлым Воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле» [3, т. 1, с. 129].

Этот же образ мы находим и в заключительной главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» – «Светлое Воскресенье» – последнем напечатанном при жизни произведении Гоголя. Говоря о желании избранных людей провести Светлый праздник «не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях Вечного Века», Гоголь восклицает: «Бог вещь, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с Небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней» [3, т. 6, с. 202].

В православной святоотеческой литературе «лестница» – один из основных образов духовного возрастания. Он восходит к Библии, а именно к 28-й главе Книги Бытия (ст. 10–17), где описывается видение патриарха Иакова: «*И сон виде: и се,*

лествица утверждена на земли, еяже глава досязаша до небесе, и ангели Божии восхождаху и низхождаху по ней». Этот фрагмент входит в паремии (избранные места из Священного Писания), читаемые в Церкви на Богородичные праздники, и встречается во многих акафистах: Пресвятой Богородице – «*Радуйся, лествице небесная, Еюже сниде Бог²; радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо*»; святителю Николаю, небесному покровителю Гоголя, – «*Радуйся, лествице, Богом утвержденная, еюже восходим к небеси...*» Примеры такого словоупотребления мы находим и в выписках Гоголя из церковных песней и канонов служебных Миней.

Сохранились свидетельства, что Гоголь внимательно изучал «Лествицу» и делал из нее подробные выписки [см.: 3, т. 6, с. 297–299, 663–668]. Как глубоко жил этот духовный образ в сознании писателя, можно видеть, например, по его предсмертным словам: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..» (Гоголь в воспоминаниях А. Т. Тарасенкова) [4, т. 3, с. 939]. Подобные же слова о лестнице сказал перед кончиной святитель Тихон Задонский, один из любимых писателей Гоголя, сочинения которого он перечитывал неоднократно.

Дошедший до нас автограф Гоголя, хранящийся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) и датируемый приблизительно 1843 г. включает в себя выписки из «Лествицы» в том переводе, который был издан в Москве в 1785 г. с названием «Лествица, возводящая на небо». Цитаты и реминисценции из нее встречаются в письмах Гоголя первой половины 1840-х гг. По всей видимости, в своих заграничных странствиях писатель имел при себе составленный им еще раньше рукописный сборник.

Об этом сборнике знал (по всей видимости, от графа А. П. Толстого) Т. И. Филиппов, который писал К. Н. Леонтьеву из Санкт-Петербурга 22 февраля 1888 г.: «С высоты «Лествицы», которая особенно его (Гоголя. — В. В.) восхищала и которую он переписал своею рукой, желая глубже запечатлеть в *своей* памяти ее божественное содержание, все его произведения, в особенности комические, естественно должны

были представиться в их относительном ничтожестве» [9, с. 492–493].

Как известно, среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед его по отцовской линии был священником; дед закончил Киевскую Духовную академию, а отец – Полтавскую семинарию. Первоначальные знания юный Гоголь получил от домашнего учителя – наемного семинариста. При поступлении в Нежинскую гимназию высших наук в 1821 г. двенадцатилетний Гоголь обнаружил хорошие познания только по Закону Божию, по другим же предметам оказался подготовленным слабо. Нежин, по всей видимости, во многом определил характер духовного образования Гоголя. Законоучитель гимназии протоиерей Павел Волинский, помимо преподавания катехизиса и Священной истории с географией Святой Земли, читал в старших классах своеобразный курс нравственного богословия, знакомя воспитанников с творениями святых отцов и учителей Церкви – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Амвросия Медиоланского и других. Историк А. И. Маркевич, учившийся в Нежинской гимназии после Гоголя, утверждал: «единственный профессор, имевший на него сильное влияние, был богослов...» [4, т. 1, с. 436].

После отъезда за границу в 1842 г. в жизни Гоголя начинает преобладать аскетическое настроение. Он принимается за систематическое чтение книг духовного содержания, оказывая преимущественное внимание святоотеческой литературе. Его письма первой половины 1840-х гг. наполнены просьбами о присылке книг по богословию, истории Церкви, русским древностям. Друзья и знакомые шлют ему творения святых отцов, издаваемые Московской Духовной академией, сочинения святителя Тихона Задонского, святителя Димитрия Ростовского, епископа Харьковского Иннокентия (известного проповедника и духовного писателя), номера журнала «Христианское Чтение». Присланное Н. М. Языковым «Добротолубие» (собрание аскетических писаний на церковнославянском языке) стало для Гоголя одной из самых насущных книг. В «Авторской исповеди» он писал об этой эпохе своей жизни: «Я оставил на время все современное; я обратил внимание на узанье тех

вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынноика, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека...» [3, т. 6, с. 225–226].

Зимой 1843/44 г. в Ницце, живя у своих друзей Виельгорских, Гоголь делает выписки в особую тетрадь из творений святых отцов и учителей Церкви, пользуясь в основном академическим журналом «Христианское Чтение» за 1842 г. Эта рукопись дошла до нас в двух копиях, хранящихся ныне в Центральной научной библиотеке Академии наук Украины. Помимо древних отцов Церкви – Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Афанасия Великого, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина, Кирилла Александрийского и других – в этом сборнике содержатся также отрывки из сочинений современных Гоголю духовных писателей: святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, Задонского затворника Георгия, епископа Костромского и Галичского Владимира (Алявдина), епископа Полтавского Гедео́на (Вишне́вского), протоиерея Стефана Сабинина.

Такого же рода, но меньшего объема сборник собственноручный и отчасти повторяющий первый хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. С выписками из него Гоголь знакомил А. О. Смирнову, также жившую в ту пору в Ницце. «После обеда, – вспоминает она, – Ник<олай> Ва<силевич> вытаскивал тетрадку и читал отрывки из отцов Церкви...» (Свидетельства о Гоголе А. О. Смирновой и ее дочери О. Н. Смирновой) [4, т. 2, с. 260].

Тогда же у Гоголя появляется потребность глубже войти в молитвенный опыт Церкви. В письме к С. Т. Аксакову из Рима от 18 марта (н. ст.) 1843 г. он просит прислать ему «молитвенник самый пространный, где бы находились почти все молитвы, писанные отцами Церкви, пустынноиками и мучениками» [3, т. 12, с. 201]. Результатом этой духовной

жажды явилась толстая тетрадь (около ста листов) переписанных Гоголем из служебных Миней церковных песней и канонов (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома).

За границей Гоголь помечал выписки двойной датой: по старому и новому стилю. Разница между русским и европейским (новым) стилем в XIX в. составляла 12 дней: русский (старый) стиль отставал от принятого в большинстве европейских стран; ныне эта разница составляет 13 дней. По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Евангелия, Апостола и Ветхого Завета, а также житие того святого, чья память празднуется Церковью в этот день. Кроме молитв утренних и вечерних, которые ежедневно читают все православные христиане, он прочитывал еще и Малое повечерие. По всей видимости, в его молитвенное правило входило также чтение тропарей, стихир и кондаков (кратких церковных песнопений, в них раскрывается содержание праздника или прославляется житие святого).

Эти выписки Гоголь делал не только для духовного самообразования, но и для предполагаемых писательских целей. В статье о русской поэзии он, в частности, замечал: «Еще тайна для многих этот необыкновенный лиризм – рождение верховной трезвости ума, – который исходит от наших церковных песней и канонов и покуда так же безотчетно возносит дух поэта, как безотчетно подмывают его сердце родные звуки нашей песни» [3, т. 6, с. 195]. Тайна этого лиризма была открыта Гоголю и известна не понаслышке, а из личного опыта. Как явствует из содержания тетради, он внимательно прочел Миней за полгода – с сентября по февраль – и сделал выдержки на каждый день.

Такой метод чтения Гоголя – с выписками – можно назвать «келейным», – им традиционно пользовались, например, многие монахи. Его смысл – уяснение сложных, не поддающихся точному пониманию с первого раза духовных вопросов. К тому же, переезжая с места на место, Гоголь не мог возить с собой много книг и имел при себе компактную походную библиотеку – рукописные сборники.

Как видим, Гоголь не ограничился выписками из творений святых отцов, – работал и с богослужебными текстами. Православное богослужение заключает в себе все богословие. Гоголь, кажется, открыл это для себя раньше многих, – таким образом он припадал духом к самому авторитетному источнику знания.

Сохранившиеся тетради свидетельствуют о том, что Гоголю хорошо известна была христианская книжность. Судя по всему, он искал путей к тому, чтобы стать духовным писателем в собственном смысле этого слова. Духовная, церковная литература по форме имеет ряд отличий от литературы светской, хотя между этими видами словесности имеются некоторые общие приемы, в том числе и художественные. Но духовное творчество имеет строго определенную цель, направленную к объяснению смысла жизни по христианскому вероучению. Такое творчество основывается на Священном Писании и имеет определенные признаки. Писатель, взявшийся решать вопросы сокровенной жизни «внутреннего человека», сам должен быть православным христианином; он должен иметь благословение на свои труды от архиерея или священника. Он также обязан основательно знать предшествующую традицию церковной литературы, а она корнями уходит в Святое Евангелие – источник духовного слова, который резко отличается по своей направленности от основы, породившей художественную литературу во всем разнообразии ее проявлений. Наконец, для церковного писателя необходима живая вера в Промысл Божий, вера в то, что во вселенной все совершается по непостижимому замыслу ее Создателя.

В своем позднем творчестве Гоголь приблизился именно к такому пониманию целей литературы. В Ницце он написал для своих друзей два духовно-нравственных сочинения, которыми они должны были руководствоваться в повседневной жизни, – «Правило жития в мире» и «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии». Покинув Ниццу в марте 1844 г., Гоголь напоминает графине Луизе Карловне Виельгорской, обращаясь одновременно ко всей

семье: «Вы дали мне слово во всякую горькую и трудную минуту, помолившись внутри себя, сильно и искренно приняться за чтение тех правил, которые я вам оставил, вникая внимательно в смысл всякого слова, потому что всякое слово многозначительно и многого нельзя понимать вдруг. Исполнили ли вы это обещание? Не пренебрегайте никак этими правилами, они все истекли из душевного опыта, подтверждены святыми примерами, и потому примите их как повеление Самого Бога» [3, т. 12, с. 348]. Эту попытку духовного наставления можно представить как подступ к «Выбранным местам из переписки с друзьями» – в самих «правилах» содержатся многие идеи будущей книги. Здесь Гоголь открыл новый для себя жанр, близкий к традиции святоотеческой литературы.

Суть творческого развития Гоголя заключается в том, что от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно в «Размышлениях о Божественной Литургии», сочинениях, подобных «Правилу жития в мире» (собственно *духовная* проза), и в публицистике «Выбранных мест из переписки с друзьями». К новым жанрам позднего творчества Гоголя можно отнести и составленные им молитвы, а также систематизированные выписки из творений святых отцов и учителей Церкви – труды, характерные скорее для такого писателя-аскета, каким был, например, святитель Игнатий (Брянчанинов), чем для светского литератора. Молитвы Гоголя, написанные во второй половине 1840-х гг., свидетельствуют о его богатом молитвенном опыте и глубокой воцерковленности его сознания.

Система черновой работы Гоголя, включающая выписки разного рода, в том числе церковные, отчасти приоткрывает тайну его творчества, дает возможность понять сокровенный смысл его произведений. Так, эпитафия к «Ревизору», появившийся в 1842 г., – «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» – напоминает о Евангелии, о чем современники Гоголя прекрасно знали. Духовное представление о Евангелии как о зеркале давно и прочно существует в православном сознании. Так, например, святитель Тихон Задонский говорит:

«Христианине! Что сынам века сего зеркало, тое да будет нам Евангелие и непорочное житие Христово. Они посматривают в зеркала и исправляют тело свое и пороки на лице очищают. <...> Предложим убо и мы пред душевными нашими очами чистое сие зеркало и посмотрим в тое: сообразно ли наше житие житию Христову?» [10, с. 145].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в дневниках, изданных под названием «Моя жизнь во Христе», замечает «нечитающим Евангелия»: «Чисты ли вы, святы ли и совершенны, не читая Евангелия, и вам не надо смотреть в это зеркало? Или вы очень безобразны душевно и боитесь вашего безобразия?» [8, с. 380].

Показательно, что и в выписках, сделанных Гоголем, есть отрывок, говорящий о том же: «Те, которые хотят очистить и убелить лице свое, обыкновенно смотрятся в зеркало. Христианин! Твое зеркало суть Господни заповеди; если положишь их пред собою и будешь смотреться в них пристально, то оне откроют тебе все пятна, всю черноту, все безобразие души твоей» [3, т. 9, с. 93].

В отношении повести «Тарас Бульба» выписки позволяют проследить за мыслью Гоголя о важном вопросе: позволительно ли христианину убивать людей на поле брани. Среди них есть такая: «...не позволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно» (Святитель Афанасий Александрийский) [3, т. 9, с. 18]. А вот выписка из сочинения современника Гоголя, епископа Гедеона Полтавского: «Облекается ли кто в воинственное мужество: оно возвышенно, когда дышит Верою; ибо тогда не отчаяние, не страх, не боязнь, не ожесточение живет в груди воина, но великодушие, поражающее врага без презрения к нему; тогда не мщение, не злоба, но благородное сознание своих достоинств наполняет его сердце» [3, т. 9, с. 67–68].

В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь подводит итог своим размышлениям о том, правомерно ли защищать святыню веры силою оружия: «Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину...» («Нужно проездиться по России»)

[3, т. 6, с. 90]. Это было перед Куликовской битвой, когда преподобный Сергей Радонежский, игумен земли Русской, благословил великого князя Московского Дмитрия Донского на сражение с татарами.

Выписки Гоголя проясняют также некоторые аспекты его биографии. Так, широко распространено убеждение, что Гоголь, умерший на второй неделе Великого поста, уморил себя голодом. На этом настаивал еще Н. Г. Чернышевский на основании воспоминаний доктора А. Т. Тарасенкова, наблюдавшего Гоголя во время его предсмертной болезни. Так думали многие, не исключая и людей религиозных. Например, профессор Киевской Духовной академии В. З. Завитневич писал: «Гоголь умер от истощения сил, до которого он добровольно довел себя посредством отказа от принятия пищи» [5, с. 403].

Современные исследователи пытаются подвести под это предположение научный фундамент. Так, известный богослов и историк Церкви А. В. Карташев в книге «Вселенские соборы» пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма» [6, с. 289]. Литературовед М. Я. Вайскопф в своей монографии о Гоголе утверждает, что смерть писателя «была типичным замаскированным самоубийством гностика, разрывающего плотские узы» [1, с. 656].

Однако Гоголь был православным христианином, исполняющим все церковные установления. Он знал, что такое смертный грех самоубийства. Правильно понимаемый и исполняемый пост никак не может послужить причиной смерти человека. А то, что Гоголь понимал пост в церковном духе, неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов. Вот несколько примеров.

«Обманывается тот, кто думает, что сущность поста состоит в уменьшении только телесной пищи. Ибо известно, нарушители правил истинной добродетели не получают от того никакой пользы. Изнурение тела бесполезно для тех, которые в сердце питают ненависть и в груди своей носят закоренелую злобу и мстительность, Бог не войдет в такое гнусное жилище.

Не лишнее ли дело мучить тело голодом и жаждою, когда душа измучена и гибнет от пороков? И молитва и пост бесполезны для тебя, когда ты не украшен верою, надеждою и любовью» (Святой Ефрем Сирийский) [3, т. 9, с. 41]; «Чтобы пост был настоящий – одного воздержания от пищи недостаточно. Будем поститься постом богоприятным. Истинный пост есть воздержание от пороков, обуздание языка, укрощение гнева и страстей, отложение злоречий, лжи, обмана, воздержание от сего есть истинный пост» (Святой Василий Великий) [3, т. 9, с. 41]; «Принимай на себя столько поста, сколько нести можешь. И пощение твое должно быть чисто, просто, нелицемерно, умеренно и несуетно» (Блаженный Иероним) [3, т. 9, с. 41].

О том же говорят и пометы на принадлежавшей Гоголю Библии (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома). «Пост не дверь к спасенью», – написал он карандашом на полях против слов св. апостола Павла: *«Брашно же нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемя»* («Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем», 1 Кор. 8, 8) [3, т. 9, с. 152].

Гоголь был едва ли не единственным русским светским писателем, творческую мысль которого могли питать святоотеческие творения. В один из приездов в Оптину Пустынь он прочитал рукописную книгу – на церковнославянском языке – преподобного Исаака Сирина (с которой позднее старцем Макарием (Ивановым) было подготовлено печатное издание)³, ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ», принадлежавший графу А. П. Толстому, а после его смерти переданный иеромонаху Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в прелести (обольщении. — В. В.), это вздор, природженные страсти – зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о

высоком значении прирожденных страстей – теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о «гнилых словах»⁴, здесь написанных. Мне чуялось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение «Мертвых душ». Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, – не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души» [3, т. 6, с. 258].

И в жизни, и в творчестве Гоголь шел самым трудным, самым сложным путем – путем церковной аскетике – очищения, восстановления в себе образа Божия, воцерковления своих писаний. И он остался одиноким подвижником в литературе, почти никем не понятым.

В заключение приведем слова, сказанные новомучеником протоиереем Иоанном Восторговым на панихиде по Гоголю в 1903 г., в которых ясно видится смысл его духовного значения: «Вот писатель, у которого сознание ответственности пред высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, так глубоко охватило все его существо, что для многих казалось какою-то душевною болезнью, чем-то необычным, непонятым, ненормальным. Это был писатель и человек, который правду свою и правду жизни и миропонимания проверял только правдою Христовой. Да, отраднo воздать молитвенное поминовение пред Богом и славу пред людьми такому именно писателю в наш век господства растленного слова, – писателю, который выполнил завет апостола: *слово ваше да будет солию растворено* <Кол. 4, 6>. И много в его писаниях этой силы, предохраняющей мысль от разложения и гниения, делающей пищу духовную удобоприемлемой и легко усвояемой <...> Такие творцы по своему значению в истории слова подобны святым отцам в

Православии: они поддерживают благочестные и чистые литературные предания» [2, с. 226–227].

Примечания:

¹ Святоотеческое наследие понимается нами в широком смысле. В первую очередь это творения святых отцов и учителей Церкви (как древних, так и современных Гоголю духовных писателей). Биографический аспект темы предполагает освещение взаимоотношений и творческого диалога Гоголя с выдающимися церковными иерархами его времени – святыми Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским; Иннокентием (Борисовым), архиепископом Харьковским; Игнатием (Брянчаниновым), епископом Кавказским, а также представителями традиционной монашеской аскетики – Оптинскими старцами, преподобным Антонием (Медведевым), заместителем Свято-Троицкой Сергиевой лавры; преподобным Макарием (Глухаревым), миссионером Алтайским и другими подвижниками христианского благочестия.

² На иконе Богородицы Неопалимая Купина среди других символических изображений есть и *лествица*, образ сошествия Господа на землю через плоть Богородицы как по некой лестнице.

³ Святаго отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийского, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. — М., 1854. [Об истории издания этой книги и рукописной традиции см.: 7].

⁴ Это выражение св. апостола Павла (Ефес. 4, 29.) Ср. у Гоголя в статье «О том, что такое слово»: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово...» [3, т. 6, с. 22].

Литература:

1. *Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст / М. Я. Вайскопф. — [2-е изд., испр. и расшир.]. — М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. — 686 с.

2. *Восторгов И. И., протоиерей.* Честный служитель слова / Речь на панихиде по Н. В. Гоголю по случаю открытия ему памятника в гор. Тифлисе, сооруженного городским самоуправлением /

И. И. Восторгов, протоиерей // Полн. собр. соч. : в 5 т. Т. 2. — СПб. : Царское дело, 1995. — С. 223—227.

3. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем : в 17 т. / [сост., подготовка текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева] / Н. В. Гоголь. — М. ; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009—2010.

4. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание : в 3 т. / [издание подготовил И. А. Виноградов]. — М. : ИМЛИ РАН, 2011—2013.

5. *Завитневич В.* Религиозно-нравственное состояние Н. В. Гоголя в последние годы его жизни / В. Завитневич // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестор-летописца / под ред. Н. П. Дашкевича. — К., 1902. — Отд. II. — С. 338—424.

6. *Карташев А. В.* Вселенские соборы / А. В. Карташев. — М. : Республика, 1994. — 542 с.

7. *Каширина В.* «Драгоценнейшее из всех изданий Оптиной Пустыни» / В. Каширина // Оптинский альманах. Вып. 2 : Оптина Пустынь и русская культура / [сост. монах Лазарь (Афанасьев), В. Воропаев]. — Оптина Пустынь, 2008. — С. 82—99.

8. Полн. собр. соч. протоиерея Иоанна Ильича Сергиева : в 7 т. Т. 5. / [репринтное издание]. — СПб. : Изд-во Л. С. Яковлевой, 1994. — 438 с.

9. Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / [сост., вступ. статья, подготовка текстов и коммент. О. Л. Фетисенко]. — СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. — 728 с.

10. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Т. 4. / [репринтное издание]. — Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. — 826 с.

References:

1. Vajskopf M. Ja. Gogol's story: Morphology. Ideology. Context [Sjuzhet Gogolja: Morfologija. Ideologija. Kontekst]. 2-e izd., ispr. i rasshir. Moscow, Russian state. Humanitarian University Publ., 2002. 686 p.

2. Vostorgov I. I., protoierej. Honest servant of the word. Speech at the service for N. V. Gogol on the occasion of the discovery of a monument to him in the mountains. Tiflis, built by the city self-government [Chestnyj sluzhitel' slova / Rech' na panihide po N. V. Gogolju po sluchaju otkrytija

emu pamjatnika v gor. Tiflise, sooruzhennogo gorodskim samoupravleniem]. *Full collect. op. in 5 volumes. Volume 2. [Poln. sobr. soch. : v 5 t. T. 2.]*. St. Petersburg, Tsarist Affair Publ., 1995. P. 223—227.

3. Gogol' N. V. Full collect. op. and letters: In 17 v. Comp., Preparation of texts and comments. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva [Poln. sobr. soch. i pisem : v 17 t. Sost., podgotovka tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva]. Moscow; Kiev, Publishing house of the Moscow Patriarchate, 2009—2010.

4. Gogol in memories, diaries, correspondence of contemporaries. Full systematic collection of documentary evidence. Scientific-critical edition: In 3 v. The edition was prepared by I. A. Vinogradov [Gogol' v vospominanijah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. Polnyj sistematicheskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie : v 3 t. ; izdanie podgotovil I. A. Vinogradov]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011—2013.

5. Zavitnevich V. Religious and moral state N. V. Gogol in the last years of his life [Religiozno-nravstvennoe sostojanie N. V. Gogolja v poslednie gody ego zhizni]. *In memory of Gogol. Scientific and literary collection published by the Historical Society of Nestor the Chronicler. Ed. N. P. Dashkevich [Pamjati Gogolja. Nauchno-literaturnyj sbornik, izdannyj Istoricheskim Obshhestvom Nestora-letopisca ; pod red. N. P. Dashkevicha]*. Kiev, 1902. Otd. II. P. 338—424.

6. Kartashev A. V. Ecumenical Councils [Vselenskie sobory]. Moscow, Republic Publ., 1994. 542 p.

7. Kashirina V. «The most precious of all editions of Optina Desert» [«Dragocennejshee iz vseh izdanij Optinoj Pustyni»]. *Optina almanac. Issue. 2. Optina Pustyn and Russian Culture. Comp. monk Lazar (Afanasyev), V. Voropaev*. [Optinskij al'manah. Vyp. 2. Optina Pustyn' i ruskaja kul'tura. Sost. monah Lazar' (Afanas'ev), V. Voropaev]. Optina Pustyn Publ., 2008. P. 82—99.

8. Full collect. op. Archpriest John Ilyich Sergiev. In 7 vol. V 5. Reprint edition [Poln. sobr. soch. protoiereja Ioanna II'icha Sergieva : v 7 t. T. 5. Reprintnoe izdanie]. St. Petersburg, Publishing House L. S. Yakovleva, 1994. 438 p.

9. Prophets of Byzantium. Correspondence K. N. Leontief and T. I. Filippov (1875—1891). Comp., Introduction. article, preparation of texts and comments. O. L. Fetisenko [Proroki Vizantizma. Perepiska K. N. Leont'eva i T. I. Filippova (1875—1891). Sost., vstup. stat'ja, podgotovka tekstov i komment. O. L. Fetisenko]. St. Petersburg, Publishing house «Pushkin House» Publ., 2012. 728 p.

10. The creation of the Father in our Father Tikhon Zadonsky. V. 4. The reprint edition [Творенія із же во свјатых отца нашего Тихона Задонского. Т. 4. Reprintnoe izdanie]. The Holy Dormition Pskovo-Pechersky Monastery Publ., 1994. 826 p.

Аннотация

ГОГОЛЬ И СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

В статье ставится вопрос о святоотеческой традиции в жизни и творчестве Н. В. Гоголя. Освещены факты знакомства писателя с такими классическими памятниками святоотеческой письменности, как «Лествица» преподобного Иоанна Синайского, «Добротолюбие», книга святого Исаака Сирина и др. Суть творческого развития Гоголя заключается в том, что от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно в «Размышлениях о Божественной Литургии», сочинениях, подобных «Правилу жития в мире» (собственно духовная проза), и в публицистике «Выбранных мест из переписки с друзьями». К новым жанрам позднего творчества Гоголя можно отнести и составленные им молитвы, а также систематизированные выписки из творений святых отцов и учителей Церкви – труды, характерные скорее для такого писателя-аскета, каким был, например, святитель Игнатий (Брянчанинов), чем для светского литератора. Черновая работа Гоголя, включающая в себя выписки разного рода, в том числе из творений святых отцов и богослужебных книг, отчасти приоткрывает тайну его творчества, помогает понять сокровенный смысл его произведений.

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мирозерцание, святоотеческое наследие, выписки из творений святых отцов и богослужебных книг, православная аскетика, воцерковление творчества.

Анотація

ГОГОЛЬ І СВЯТООТЕЦЬКА СПАДЩИНА

У статті ставиться питання про святоотецькі традиції в житті й творчості М. В. Гоголя. Висвітлено факти знайомства письменника з такими класичними пам'ятками святоотецької писемності, як «Лествица» преподобного Іоанна Синайського, «Добротолюбіє», книга

святого Ісаака Сиріна та ін. Суть творчого розвитку Гоголя полягає в тому, що від винятково мистецьких творів, де літургійна, церковна тема означувалася в підтексті, він переходить до неї безпосередньо в «Розмислах про Божественну Літургію», творах, подібних «Правилу життя у світі» (власне духовна проза), і в публіцистиці «Вибраних місць із листування з друзями». До нових жанрів пізньої творчості Гоголя можна віднести і складені ним молитви, а також систематизовані виписки із творів святих отців і вчителів Церкви – праці, характерні радше для такого письменника-аскета, яким був, наприклад, святитель Ігнатій (Брянчанінов), аніж для світського літератора. Чорнова робота Гоголя, що включає в себе різномірні виписки, в тому числі із творів святих отців і богослужбових книг, почасти привідкриває завісу таємниці його творчості, допомагає зрозуміти прихований зміст його творів.

Ключові слова: Гоголь, релігійний світогляд, святоотецька спадщина, виписки із творів святих отців і богослужбових книг, православна аскетика, воцерковлення творчості.

Summary

GOGOL AND EXCERPTIONS FROM HOLY FATHERS

The article raises a question on the patristic tradition in Nikolai Gogol's life and works. It covers facts of Gogol's acquaintance with such classical writings of the patristic literature as «The Ladder of Divine Ascent» by venerable John Climacus, «The Philokalia», venerable Isaac Syrus's book, etc. The essence of Gogol's creative development lies in the fact that from purely artistic works, where the liturgical, ecclesiastical theme was, as it were, in subtext, he proceeds to it directly in «Reflections on the Divine Liturgy», essays like «The Rule of Life in the World» (actually spiritual prose), and in journalism «Selected Places from Correspondence with Friends». To new genres of the late Gogol's creativity can be attributed the prayers composed by him, as well as systematized extracts from the creations of the holy fathers and teachers of the Church – works that are more typical for such an ascetic writer as he was, for example, prelate Ignatius (Bryanchaninov), than for the secular writer. Gogol's draft work with excerpts of various sorts, including those from the works by Holy Fathers and liturgical books, to some extent reveals the secret of his oeuvre and helps to understand the inmost sense of his works.

Keywords: Gogol, religious outlook, patristic legacy, excerpts from Holy Fathers and liturgical books, Orthodox ascetics, churching of oeuvre.

Андрей Евдокимов (Москва)

**«ТАРАС БУЛЬБА» Н. В. ГОГОЛЯ В СВЕТЕ
ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»**

Интерес Гоголя к драмам Шекспира, что было свойственно многим его современникам, не ограничивался чтением. По косвенным свидетельствам можно судить о раннем увлечении писателя шекспировским театром (об этом см. [5]). Так, в подражательной «идиллии в картинах» «Ганц Кюхельгартен» обнаруживается гамлетовская параллель – Пастор и вероломный король Клавдий [там же]. Шекспировские образы и мотивы, прочитываются и в зрелых сочинениях Гоголя [6; 10; 4].

Среди очевидных, но малоисследованных «шекспировских» текстов Гоголя находится повесть «Тарас Бульба», вошедшая в книгу «Миргород» и переизданная в 1842 году в новой редакции. Помимо параллелей с эпическими произведениями древних («Илиада» Гомера) и новых литератур (романы Вальтера Скотта, новеллы П. Мериме), в этом тексте отчетливо прослеживаются связи с ранней трагедией английского драматурга «Ромео и Джульетта» (1595–1596). Лежащий на поверхности сюжет о влюбленных, принадлежащих к разным лагерям, приобретает у Гоголя особое поэтическое, идейное и религиозное звучание.

О шекспировских истоках сюжета, очевидно, знали современники. Во всяком случае в апокрифических «Записках А. О. Смирновой», подготовленных ее дочерью О. Н. Смирновой, рассказывается о том, как Гоголь, Пушкин, князь П. А. Вяземский, П. А. Плетнев и А. О. Смирнова-Россет с супругом обсуждают шекспировские параллели к повести. Кроме того, Пушкин даже предлагает сделать из «Тараса Бульбы» драму о роковой любви Андрия к «его польской Джульетте» [11, с. 280–281]. На великодушное предложение Гоголя взяться за драматическую адаптацию поэт отвечает: «Сюжет шекспировский, но сделать из него драму – дело автора, а не мое» [11, с. 280].

Невзирая на споры о подлинности этой части мемуарного наследия А. О. Смирновой, приводимый эпизод не выглядит фальсификацией. Среди указанных персон как минимум четверо – Пушкин, Гоголь, Плетнев, князь Вяземский – могли авторитетно судить о Шекспире. Место действия, очевидно, Санкт-Петербург, а следовательно, учитывая время работы над повестью (1833–34 годы) и летописи жизни упоминаемых лиц на основании дневников Пушкина за 1833–1835 годы [9], «Летописи жизни и творчества Н. В. Гоголя» [2, XVI], исследования биографии А. О. Смирновой, проведенные С. В. Житомирской [7], можно датировать возможное время подобной беседы поздней осенью 1833 – началом весны 1834 года.

Среди собравшихся был профессор Санкт-Петербургского университета Петр Александрович Плетнев, познакомивший Гоголя с Пушкиным. Его перу уже принадлежал перевод двух сцен из трагедии «Ромео и Джульетта», или «Ромео и Юлии», как эту пьесу называли до середины XIX столетия. Плетнев работал с оригинальным английским текстом и создал вполне точный перевод сцен 2.2 и 3.1, которые затем анонимно опубликовал в альманахе «Северные цветы» за 1829 и 1830 год с предисловием Пушкина. Последний к этому времени уже создал длинный ряд «шекспировских» произведений: «Бориса Годунова», «Графа Нулина», «Анжело», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина».

Знакомство Гоголя с трагедией «Ромео и Джульетта» могло произойти после того, как он в достаточной степени овладел французским языком. Полных русских переводов пьесы не существовало до 1839 года, когда в «Библиотеке для чтения» вышел труд И. В. Росковшенко, а до того основным источником сведений о Шекспире служило двенадцатитомное полное собрание сочинений Шекспира под редакцией Ф. Гизо 1821 года. Это издание, предлагавшее читателю балансирующие между прозаическим переводом и подстрочником тексты, могло находиться в распоряжении Гоголя. Возможно, Гоголь читал и перевод Плетнева, а также знал о далекой от оригинала адаптации – мелодраме А. Г. Ротчева «Ромео и Юлия».

В «Тарасе Бульбе» сюжет о несчастных влюбленных претерпевает важные изменения. Пожертвовав большинством персонажей, кроме главных героев и наперсницы-няни, явившейся в редуцированном виде в образе пленной горничной-татарки, Гоголь сконцентрировался на исторической теме. Поэтому существенно меняются художественные функции любовной трагедии: перестав быть единственной сюжетной линией, она перемещается на второй план, служа раскрытию характера Андрия Бульбы и вводя тему требующего страшной кары предательства – предательства отчизны. Вражда сторон у Гоголя не частная феодальная распря, а масштабная историческая трагедия Украины, многолетняя кровопролитная война, формирующая крупные, героические характеры. О последних Гоголь писал в статье «Взгляд на составление Малороссии»: «Это была земля страха, и потому в ней мог образоваться только народ воинственный, сильный своим соединением, народ отчаянный, которого вся жизнь была бы повита и взлелеяна войною» [2, VII, с. 165–166]. Переход на сторону врага во имя любви несет здесь не частные, незаметные в общей массе, а масштабные исторические последствия. Андрий помогает недругам не только становясь на их сторону, но вселяя в них надежду на победу и выход из осады. В редакции 1842 года казнь сына-изменника отвлекает Бульбу от боя, что вместе с другими факторами приводит к гибели казацкого войска. Однако примирения враждующих сторон, вопреки Шекспиру, не происходит, и трагедия роковой любви преобразуется у Гоголя в трагедию человека вообще.

Конфликт оригинальной пьесы связан ренессансным пониманием фатализма – роковым стечением жизненных обстоятельств, а Ромео и Джульетта названы в прологе пьесы «возлюбленными, которых свели вместе звезды» («star-crossed lovers») [12, с. 67]. В обширном эпическом полотне «Тараса Бульбы» судьба Андрия и его возлюбленной зависит от их личностных качеств. Гоголь подчеркивает сладострастие своего персонажа, которого в равной степени одолевают и жажда подвига, и плотские желания: «Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философские

диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокою, нежную. Пред ним беспрерывно мелькали ее сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокруг ее девственных и вместе мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием» [2, II, с. 315]. Представить подобный нескромный портрет в шекспировской трагедии невозможно, однако Ромео влюбчив и расстается с некоей Розалиной ради Джульетты.

Гоголь не только меняет национальный колорит сюжета с итальянского (впрочем, весьма поверхностного у Шекспира) на малороссийский, но и варьирует условия, разлучающие Андрия с предметом его любви. Сначала их разделяет социальное неравенство: простой бурсак, хотя и сын бывшего казацкого полковника, не достоин дочери ковенского воеводы. Когда старый Бульба развязывает новую войну против поляков, на первый план выходят вопросы веры и крови.

Обратимся к центральным образам гоголевской повести. Подобно шекспировскому герою, Андрий красив: отец называет его «мазунчиком» [2, II, с. 304]. Ему уже исполнилось двадцать лет, а потому он старше Ромео. Андрий мягче, и его внешность выдает иные чувства, нежели ценимые в тот век отвага и решительность: «<...> в чертах лица выражалось более какой-то нежности» [2, II, с. 312]. Это привлекает и польскую панночку. С точки зрения автора красота объединяет и манит друг к другу влюбленных (это есть и у шекспировских юных и прекрасных героев), но она становится и опасной, губительной силой, которая доводит Андрия до гибели. Трагический сюжет Гоголя строится не на измене феодальной чести, а предательстве веры отцов. Любовь, которая превышает веру, – шекспировский мотив. Когда «Андрий, бледный, как полотно, прошептал губами одно только имя, но это не было имя родины, или отца, или матери: это было имя прекрасной полячки», он ведет себя как шекспировские влюбленные, становящиеся богами в глазах друг друга. Так говорит, например, Джульетта, беззаветно веряя себя Ромео (2.2; здесь и далее дается подстрочный перевод оригинала, выполненный автором статьи):

*Do not swear at all;
Or if thou wilt, swear by thy gracious self,
Which is the god of my idolatry,
And I'll believe thee [12, с. 110].*

*Вовсе не клянись,
А если поклянешься – клянись исполненным грации самим
собой,
Который является божеством моего культа,
И я поверю тебе.*

Объединяет героев Гоголя и Шекспира тайное свидание с предметом своей страсти. Ромео проникает в сад Капулетти, чтобы объясниться с Джульеттой. Удалой и предприимчивый казак, Андрий идет еще дальше: «В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостью, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшимися в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и чрез трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги» [2, II, с. 316]. Кавалерам у Гоголя и Шекспира угрожает расправа: цена любовного порыва у Ромео – смерть от рук врагов (этот мотив, по наблюдению А. А. Ахматовой, использовал Пушкина в «Каменном госте» в сцене свидания донны Анны и дона Гуана [1, с. 189]), у Андрия – избиение слугами. Позднее этот мотив повторяется и инвертируется Гоголем, когда младший сын Бульбы бросает товарищей и идет на помощь своим врагам в осажденный Дубно. Возможно, отсылкой к Шекспиру здесь является и описание дома воеводы, отца польской красавицы, который построен в итальянском стиле: «Он был сложен из красивых тонких кирпичей в два этажа. Окна нижнего этажа были заключены в высоко выдававшиеся гранитные карнизы; верхний этаж состоял весь из небольших арок, образовавших галерею; между ними были видны решетки с гербами» [2, II, с. 351–352].

Избранницы главных героев у Гоголя и Шекспира выглядят наименее схожими. Отличающаяся необыкновенной красотой и

столь же острым умом Джульетта, одна из лучших шекспировских героинь, – более яркий и своеобразный образ, нежели безусловно прекрасная дочь польского воеводы. Стремясь показать соблазнительную и опасную любовь, губительные чары которой разрывают узы крови, товарищества и веры, Гоголь лишает ее даже имени. Впрочем, объединяет их образ солнца, которому они уподобляются при помощи изошренно построенных сравнений. Едва ли здесь можно говорить о генетической связи между этими деталями – скорее о типологической. Дочь ковенского воеводы – воплощение солнечного света и блеска: «Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна брюнетку, прекрасную, как не знаю что, черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал какую-то сверкающую силу ее ослепительной красоте» [2, II, с. 315]. Ромео прямо говорит о Джульетте как о солнце (2.2):

*But soft! What light through yonder window breaks?
It is the East, and Juliet is the sun!
Arise, fair sun, and kill the envious moon,
Who is already sick and pale with grief
That thou her maid art far more fair than she [12, с. 105–106].*

*Но тише! Что за свет пробивается из того окна?
Это восток, а Джульетта – солнце!
Встань, прекрасное солнце, и срази завистливую луну,
Которая уже помутилась и побледнела от горя,
Что ты, ее служительница, куда прекраснее, чем она.*

Мотив белизны и блеска, которые выделяют из толпы возлюбленную, есть и у Шекспира (1.5):

*So shows a snowy dove trooping with crows
As yonder lady o'er her fellows shows [12, с. 97].*

*Так выглядит белоснежная голубка, примкнув к воронам,
Как та дама выглядит среди своих подруг.*

Случайная встреча, как и у Шекспира, становится решающей для пылкого юноши. Андрий ищет встречи с польской красавицей и находит ее снова в католическом храме, что подготавливает его измену товарищам и вере, и еще раз в неназванном месте. После ее отъезда он томится мыслями о прекрасной полячке; работая над поздней редакцией повести, Гоголь усиливает стойкость юной страсти: Андрий мечтает о ней уже два года, видя ее в своих снах: «Нет, они (черты дочери воеводы. — А. Е.) не погасали, не исчезали в груди его, они посторонились только, чтобы дать на время простор другим могучим движеньям; но часто, часто смущался ими глубокий сон молодого козака» [2, II, с. 345]. Эта мечтательность младшего сына Бульбы, ранее обозначенная одной походя брошенной чертой, теперь становится романтическим томлением по идеалу. Типологически это близко к тоске Ромео по недостижимой возлюбленной, хотя носит не столь аффектированный характер (1.1):

*Many a morning hath he there been seen,
With tears augmenting the fresh morning's dew,
Adding to clouds more clouds with his deep sighs <...> [12,
с. 74].*

*Не раз по утрам видели его
В слезах, смешавшихся с росой свежего утра,
Сгущая тучи своими глубокими вздохами <...>.*

Получивший хорошее воспитание, Ромео владеет даром красивой и пышной речи, что позволяет ему облекать свои возвышенные чувства в изящную форму. Например, в начале знаменитой сцены в саду (2.4):

*O, speak again, bright angel! for thou art
As glorious to this night, being o'er my head,*

*As is a winged messenger of heaven
Unto the white-upturned wond'ring eyes
Of mortals that fall back to gaze on him
When he bestrides the lazy-pacing clouds
And sails upon the bosom of the air [12, c. 107].*

*О говори, сияющий ангел! Ведь ты
Прекрасна этой ночью, которая стоит надо мной,
Словно крылатый вестник Небес
В возведенных ввысь изумленных взорах
Смертных, которые запрокидывают голову, глядя на него,
Когда он преодолевает лениво парящие облака
И плывет по груди воздуха.*

Эвфуистический слог молодого Шекспира здесь находит выражения в изощренных парафразах и сложных метафорах (на русском языке об этом см. [8, с. 93–148]). Однако гоголевский ответ образу Ромео, напротив, косноязычен, что заставляет его проклинать свою простоту: «Ничего не умел сказать на это Андрий. Он хотел бы выговорить всё, что ни есть на душе, – выговорить его так же горячо, как оно было на душе, – и не мог. Почувствовал он что-то заградившее ему уста: звук отнялся у слова: почувствовал он, что не ему, воспитанному в бурсе и бранной кочевой жизни, отвечать на такие речи, и вознегодовал на свою козацкую натуру» [2, II, с. 354]. Только представляющиеся ему страдания прекрасной полячки пробуждают его красноречие. Отсылкой к Шекспиру выглядит решительный отказ Андрия уходить из города. Он готов умереть рядом со своей возлюбленной: «Нет. Я не пойду от тебя. Я умру возле тебя. Пусть же у ног твоих, пожираемый голодом, я умру, как и ты, моя панна! и за смерть, за сладкую смерть у твоих ног, ничего не хочу!» [2, II, с. 357]. Это близко к прощальным словам Ромео в знаменитой сцене на балконе (3.5):

*Let me be ta'en, let me be put to death.
I am content, so thou wilt have it so. <...>
I'll say yon grey is not the morning's eye,*

Come, death, and welcome! Juliet wills it so [12, с. 160].

*Пусть меня схватят, пусть предадут смерти.
Я буду рад, если ты этого захочешь. <...>
Я скажу, что серое вон там не око утра,
Приди, смерть, и здравствуй! Джульетта так желает.*

Отметим, однако, что мужество принять смерть спешащему в Мантую герою придает страдание Джульетты, которая не хочет отпускать возлюбленного, а затем страшится своей минутной слабости.

Со страстной любовью Андрия не может сравниться непостоянное чувство польской красавицы: Гоголь подчеркивает это неоднократным повтором эпитета «ветренная». В отличие от Джульетты, ее способность любить оставлена писателем без внимания, равно как и ее последующая судьба после гибели возлюбленного. Гоголевская героиня оказывается односторонней и поверхностной: ее внутренний мир закрыт для читателя. Однако в произведении есть другой женский персонаж, который бесконечно любит Андрия и готов за него пожертвовать собой. Это старая мать, которой по законам того сурового века выпало на долю терпеть разлуку с детьми: «Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими» [2, II, с. 310]. И именно она, как Джульетта, проводит ночь без сна подле своих ненаглядных сыновей, мечтая отсрочить утро. Гоголь рисует шекспировскую картину встающего солнца, которое приносит горе новой разлуки: «Уже кони, зачуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось

звонкое ржание жеребенка. Красные полосы ясно сверкнули на небе» [2, II, с. 310–311]. Таким видят рассвет и герои английской трагедии с поправкой на усложненную поэтическую речь Шекспира (3.5):

*Look, love, what envious streaks
Do lace the severing clouds in yonder East.
Night's candles are burnt out, and jocund day
Stands tiptoe on the misty mountain tops* [12, с. 160].

*Смотри, любовь моя, как злобные полосы
Отделяют кружевом разлучающиеся облака там на
востоке.*

*Свечи ночи отгорели, и бодрый день
Стоит на цыпочках на вершинах туманных гор.*

Обращение Гоголя к шекспировской трагедии носит избирательный характер. Выходя далеко за пределы любовного сюжета, он создает масштабное романтическое полотно на сюжет из истории Малой Руси. В этом сложном целом камерный сюжет «Ромео и Джульетты» начинает звучать в соответствии с гоголевским мировоззрением, где каждая, даже самая незначительная, деталь незримо связана с великим целым. В полной мере такое понимание трагедии человеческой жизни раскрывается в поздней прозе писателя, в частности в поэме «Мертвые души» и книге «Выбранные места из переписки с друзьями».

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-012-00651 («Трансформация шекспировской драматургии в русской литературе XVIII–XX веков: история, типология, интерпретация»).

Литература:

1. *Ахматова А. А. «Каменный гость» Пушкина / А. А. Ахматова // Пушкин: Исследования и материалы. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 185—195.*

2. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем : в 17 т. / Н. В. Гоголь. — М. ; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009—2010.

3. *Евдокимов А. А.* Читал ли Гоголь Шекспира в подлиннике? / А. А. Евдокимов // Гоголезнавчі студії = Гоголеведческие студии / ред. колегія П. В. Михед, (відп. ред.), С. Д. Абрамович [та ін.] ; Ніжин. держ. ун. ім. М. Гоголя. — Ніжин, 2009. — Вип. I (18). — С. 277—285.

4. *Евдокимов А. А.* Шекспир в творчестве позднего Гоголя / А. А. Евдокимов // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 1. — С. 286—296.

5. *Евдокимов А. А.* Молодой Гоголь как читатель Шекспира / А. А. Евдокимов // Русская словесность. — 2016. — № 2.

6. *Жаравина Л. В.* Шекспиризм Гоголя: к постановке проблемы / Л. В. Жаравина // Литературно-критические опыты и наблюдения: Вопросы русского языка и литературы. — Кишинев, 1982. — С. 3—12.

7. *Житомирская С. В.* А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие / С. В. Житомирская // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. — М. : Наука, 1989. — С. 579—630.

8. *Морозов М. М.* Язык и стиль Шекспира // Морозов М. М. Избранные статьи и переводы / М. М. Морозов. — М. : ГИХЛ, 1954. — С. 93—148.

9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 16 т. / А. С. Пушкин. — Т. 12. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — 576 с.

10. *Седов Н. К.* «Русский Гамлет»: Образ Подколесина в культурно-исторической и историко-литературной перспективе / Н. К. Седов // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых. — Саратов, 2000. — Вып. 3. — С. 25—28.

11. *Смирнова-Россет А. О.* Записки / А. О. Смирнова-Россет. — М. : Захаров, 2003. — 528 с.

12. *Shakespeare W.* Romeo and Juliet / W. Shakespeare. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 266 p.

References:

1. Akhmatova A. A. Pushkin's "The Stone Guest" ["Kamennyj gost"] Pushkina]. *Pushkin. Researches and Material [Pushkin:*

Issledovanija I materially]. Moscow; Leningrad, AN USSR Publ., 1958. Vol. 3. P. 185—195.

2. Gogol N. V. Complete Works and Letters in 17 volumes [Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 17 t.]. Moscow; Kiev. Moscow Patriarchate Publ., 2009–2010.

3. Evdokimov A. A. Did Gogol Read Shakespeare in the Original? [Chital li Gogol' Shekspira v podlinnike?] *Gogolevedcheskie studii* [*Gogol Studies*]. No. 1 (18). Nizhin, Nizhin State University Publ., 2009. P. 277—285.

4. Evdokimov A. A. Shakespeare in Gogol's Later Works [Shekspir v tvorcestve pozdnego Gogolja]. *Knowledge. Understanding. Skill* [*Znanie. Ponimanie. Umenie*]. 2016. No. 1. P. 286—296.

5. Evdokimov A. A. Young Gogol as a Reader of Shakespeare [Molodoj Gogol' kak chitatel' Shekspira]. *Russian Literature* [*Russkaja slovesnost'*]. 2016. No. 2.

6. Zharavina L. V. Gogol's Shakespearianism: To Formulation of the Problem [Shekspirizm Gogolja: k postanovke problemy]. *Literature and Critical Essays and Observations: Problems of Russian Language and Literature* [*Literaturno-kriticheskie opyty i nabljudenija: Voprosy russkogo jazyka i literatury*]. Chisinau, Știința Publ., 1982. P. 3—12.

7. Zhitomirskaya C. V. Alexandra Smirnova-Rosset and Her Memoir Heritage [A. O. Smirnova-Rosset i ee memuarnoe nasledie]. *Smirnova-Rosset A. O. Journal. Memoires* [*Smirnova-Rosset A. O. Dnevnik. Vospominanija*], Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 579—630.

8. Morozov M. M. Shakespeare's Language and Style [Jazyk i stil' Shekspira]. *Selected Articles and Translations* [*Izbrannye stat'i i perevody*]. Moscow, GIKhL Publ., 1954. P. 93—148.

9. Pushkin A. S. Complete Works in 16 volumes [Polnoe sobranie sochinenij v 16 t.]. Vol. 12. Moscow; Leningrad, AN USSR Publ., 1949. 576 p.

10. Sedov N. K. “Russian Hamlet”: The Character of Podkolyosin in the Cultural and Literature Perspective [“Russkij Gamlet”: Obraz Podkolesina v kul'turno-istoricheskoy i istoriko-literaturnoj perspektive]. *Philological Etudes: A Collection of Young Researchers' Scholar Articles* [*Filologicheskie jetjudy: Sbornik nauchnyh statej molodyh uchenyh*]. Saratov, 2003. No. 3. P. 25—28.

11. Smirnova-Rosset A. O. Memoirs [Zapiski]. Moscow, Zakharov Publ., 2003. 528 p.

12. Shakespeare W. Romeo and Juliet. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2003. 266 p.

Аннотация

«ТАРАС БУЛЬБА» Н. В. ГОГОЛЯ В СВЕТЕ ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»

В статье впервые подробно рассматриваются шекспировские параллели в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Автор исследования полагает, что писатель обратился к трагедии «Ромео и Джульетта» как к источнику сюжета о предательстве Андрия из-за любви к красавице-полячке. В работе детально проанализированы ключевые шекспировские образы, нашедшие оригинальное воплощение в повести, – прежде всего образы влюбленных. По мысли Гоголя, их красота становится опасной силой, которая способна приносить только горе. Изучая трансформацию шекспировских тем, автор приходит к выводу о тотальном переосмыслении исходного материала. Встраивая судьбы частных, вымышленных лиц в трагическую историю Малой Руси, Гоголь видит в поступке Андрия потакание губительным страстям, которые губят его самого, его семью, товарищей и страну. Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-012-00651 («Трансформация шекспировской драматургии в русской литературе XVIII–XX веков: история, типология, интерпретация»).

Ключевые слова: Гоголь, Шекспир, компаративистика, трагедия, персонаж, сюжет, мотив.

Анотація

«ТАРАС БУЛЬБА» М. В. ГОГОЛЯ У СВІТЛІ ТРАГЕДІЇ В. ШЕКСПІРА «РОМЕО І ДЖУЛЬЄТТА»

У статті вперше детально розглядаються шекспірівські паралелі в повісті М. В. Гоголя «Тарас Бульба». Автор дослідження вважає, що письменник звернувся до трагедії «Ромео і Джульєтта» як до джерела сюжету про зраду Андрия через любов до красуні-

польки. У роботі детально проаналізовані ключові шекспірівські образи, що знайшли оригінальне втілення в повісті, – перш за все, образи закоханих. На думку Гоголя, їхня краса стає небезпечною силою, яка здатна приносити тільки горе. Вивчаючи трансформацію шекспірівських тем, автор доходить висновку про тотальне переосмислення первісного матеріалу. Вписуючи долі приватних, вигаданих осіб в трагічну історію Малої Русі, Гоголь бачить у вчинку Андрія потурання згубним пристрастям, які знищують його самого, його родину, товаришів і країну. Дослідження виконане в рамках проекту РФФД № 18-012-00651 («Трансформація шекспірівської драматургії в російській літературі XVIII–XX століть: історія, типологія, інтерпретація»).

Ключові слова: Гоголь, Шекспір, компаративістика, трагедія, персонаж, сюжет, мотив.

Summary

NIKOLAI GOGOL'S "TARAS BULBA" IN THE LIGHT OF WILLIAM SHAKESPEARE'S "TRAGEDY OF ROMEO AND JULIET"

For the first time, the article in detail examines Shakespeare's parallels to Nikolai Gogol's novel "Taras Bulba". The scholar believes that the author resorted to "The Tragedy of Romeo and Juliet" as a source of the plot about Andriy's betrayal because of his love for the beautiful Polish woman. The study analyzes the key Shakespearean characters, which found their original embodiment in the story, – particularly the characters of young lovers. According to Gogol, their beauty is a dangerous force capable to bring grief only. Studying the transformation of Shakespeare's themes, the researcher comes to the conclusion of a total rethinking of the source play. Incorporating the fate of the fictitious private persons into the tragic history of Mala Rus', Gogol interprets Andriy's love as the indulgence to destructive passions that ruin himself, his family, his comrades and the country. The research was implemented within the framework of a project of Russian Foundation for Basic Research, No. 18-012-00651 ("Transformation of Shakespeare's Drama in Russian Literature in 18th–20th Centuries: History, Typology, interpretation").

Keywords: Gogol, Shakespeare, comparative literature, tragedy, character, plot, motif.

**ІСТОРИЧНЕ ЯДРО «МИРГОРОДА» У СВІТЛІ
ЖАНРОВО-МІФОЛОГІЧНИХ ОЧІКУВАНЬ
XVIII – ПЕРШОЇ ТРЕТИНИ XIX СТ. ТА
ДОКУМЕНТОВАНОЇ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ**

Питання історизму Гоголя ставилося періодично й здебільшого під час ювілейних урочистостей; востаннє – з приводу 200-річчя від дня народження, в контексті нових спроб – засобами в тому числі й гоголезнавства (в широкому сенсі, аж до екранізацій включно) – скласти підвалини національно-історичної ідеології як російської, так і української передвоєнної (а отже – войовничої) державності взірця 2009–2013.

Отже, не йшлося і тим паче на разі не йдеться про той спокійний академічний тон, в якому закликав розв'язати (та в цілому й розв'язав) «вопрос о Гоголе-историке» В. В. Гіппіус: «По существу вопрос о Гоголе-историке не решается ни в сторону «хлестаковства» Гоголя, ни в сторону придания ему качеств историка-специалиста. Несомненны длительные исторические интересы Гоголя и его достаточно высокая квалификация как преподавателя средней школы; университетское преподавание и тем более замыслы сколько-нибудь самостоятельных научных работ по истории – оказались для него непосильными» [5, с. 26].

Та ж можна принаймні спробувати змінити самий контекст і ракурс вивчення даного питання (на користь саме історичності) та усвідомити й ту жанрову традицію, яку наслідував Гоголь як митець-історик, і ту ідеологічну тенденцію, котру він розвивав, заглиблюючись як у реальні події, так і в ту матерію, що її Григорій Грабович вдало назвав «міфом України» [6, с. 130].

Невід'ємною частиною цього міфу стали уявлення про чи не суцільну історичність «Гараса Бульби» – так само, як і про чи не суцільну неісторичність (суцільну «фантастичність») «Вія». Яке ж насправді ядро історично-фактологічної істини ховається у книжці «Миргород» (1835), під облудою двох сучасних

повістей: на вході – «Старосвітських поміщиків» («цієї зворушливої ідилії» – Пушкін), на виході – «Повісті про те, як посварився Іван Іванович з Іваном Нікіфоровичем» (цієї «сатири на людство» – Белінський)?..

I. «Тарас Бульба» та «Історія русів»

1

Творцем «міфу України» як у європейській історіографії, так і у європейській художній літературі вважається Вольтер. Тут не вистачить місця для розповіді про те, наскільки звернення молодого французького історика до «проекту Україна» під час його тривалого перебування в Англії (а «проект» цей уже в той час розроблявся у певних англо-французьких колах) було не випадковим. Або ж про те, як, повернувшись до Франції, Вольтер, уже будучи членом однієї з раннемасонських спільнот, напрочуд швидко вийшов на одного із головних учасників «проекту» Григорія Орлика. А той, як відомо, був не тільки хресником гетьмана Івана Мазепи, сином гетьмана у вигнанні Пилипа Орлика (на якого й робилася ставка щодо здійснення «проекту»), а й офіцером французької (як сказали б сьогодні – «спеціальної») служби, а в недалекому майбутті – французьким генералом і теж видатним масоном [див. 1].

Минаючи передісторію, звернімося безпосередньо до «Історії Карла XII» – першої серйозної праці молодого історика Вольтера.

Пояснивши читачам, хто такий «гетьман», Вольтер повідомляє буквально таке:

«На той час на цій посаді був польський шляхтич, звали його Мазепою, а народився він у Подільському воєводстві. Вихований у якості пажа при дворі короля Яна Казимира, він сприйняв там певний лоск літературної освіти. Ще в юності мав він інтригу з польською панною, чоловік якої, дізнавшись про це, наказав прив'язати голого коханця до баського коня та й кинути напризволяще. Український кінь привіз його напів-

мертвим в свій край, а тамтешні селяни гостинно його зустріли. Знаючи більше за будь-якого найрозумнішого козака, він швидко здобув їхню шану. Репутація Мазепи зростала щодня, що й навело царя на думку призначити його гетьманом України» [3, с. 119–120].

Ця від початку до кінця фантастична «історія» аж надто ефектна задля припущення, нібито і її джерелом був хресник покійного гетьмана. І знадобилася вона молодому французькому історичу, аби ввести цей новий екзотичний персонаж до серйозного політологічного дослідження, головними об'єктами якого були король Карл і цар Петро. Вольтер, певно, не знав, що 15-річний Петро 1687 року призначити гетьмана не міг, бо царями вони з братом Іваном були лише формально, фактично ж царювала їх старша сестра Софія. Та головне не це, а те, що, на відміну від французьких читачів XVIII ст., ми документально точно знаємо історію кожної сходинки драматичної кар'єри І. С. Мазепи. І так само, як не «український кінь», а королівський наказ про призначення польським емісаром (або ж комісаром) в Україні привів Мазепу в рідний край, так і не російський цар «призначив» його гетьманом, а сам Мазепа, разом із тодішнім правобережним гетьманом Петром Дорошенком, «зрадив» короля на користь турецького султана, чим і розпочав свій довгий шлях «зрадника» послідовно трьох імперій (якщо розглядати його політичну кар'єру з погляду цих імперій) або ж пошуковця гідного статусу незалежного правителя Української держави (якщо розглядати питання з погляду цієї майбутньої держави).

Разом із Остапом Гоголем – гіпотетичним предком автора «Тараса Бульби» – Іван Мазепа був, мабуть, одним із найбільш наближених й довірених Дорошенкові осіб. Якщо й була в Мазепи якась особиста кривда від польських магнатів – на кшталт того, про що розповідає Вольтер, або того, що трапилося раніше з Богданом Хмельницьким або з родиною Гоголів (про що далі буде), то, принаймні, не ці особисті обставини (в усіх трьох випадках) виявились вирішальними. Мотив «образи» для пояснення вчинків українських політиків був необхідний для іноземних істориків саме тому, що ці історики у цих політиках

бачили кого завгодно, крім політиків, бо не підозрювали про існування стиглих сходів державності там, де їм ввижалися дикі степи, серед яких шаленіють дикі коні.

Однак якщо у випадку Вольтера або залежних від його «образу України» європейських романтиків (поема Дж. Г. Байрона «Мазепа» та однойменна поезія В. Гюго) йшлося про більш-менш добросовісну помилку, то такі російськомовні романтики, як поляк Ф. Булгарин чи українець М. Гоголь (які не з других і не з третіх вуст зналися на історії свого краю, своїх родин), свідомо вдавалися до містифікацій, маючи на меті власні цілі.

Щоправда, незадовго до них К. Рилєєв у своєму останньому творі на теми української історії, поємі «Войнаровський», спробував чесно розібратися зі славнозвісним південним епізодом Північної війни. Проте автори «Життепису Мазепа» (О. Корнилович) та «Життепису Войнаровського» (О. Бестужев), котрими супроводжувалося прижиттєве видання поеми Рилєєва, постаралися не помітити й не дати помітити читачеві найголовнішого в образах цього твору – їхньої амбівалентності. А вже потім і «Полтава» Пушкіна (як відомо, полемічно спрямована проти поеми Рилєєва) на довгі віки застовбичила в читацькій свідомості історично неймовірну «чорно-білу» Україну – край південних пристрастей, нелюдської підступності й трагічних життеписів.

Останнє є цілком вірогідним, *et tout le reste est littérature*. І ось на цьому тлі читацьких очікувань ясніше проступає задум «малоросійських повістей» молодого Гоголя.

«Україна завжди прагнула свободи» («L'Ukraine a toujours aspire a etre libre» [29, с. 162]), – пише Вольтер в «Історії Карла XII». З його легкої руки ця фраза стала ключовою для створення **художнього** образу України. Далі, однак, французький письменник указував основну причину, через яку надія на свободу й незалежність не могла здійснитися, а саме – наявність сильних, амбітних та ворожих одне одному сусідів: «<...> Оточена з усіх боків Московією, володіннями султана й Польщею, <Україна> змушена була шукати для себе захисту в особі володаря однієї з цих трьох держав» [29, с. 162–163].

Вольтеру легко можна було б заперечити, що наявність таких вічно ворожих одне одному сусідів за умови вмілого використання цієї ворожнечі українськими політиками саме й могло б сприяти задовільненню одвічної мрії про свободу – або ж амбіції самої державотворчої еліти. А про те, що такі амбіції справді існували ще й у першій половині ХІХ ст., свідчить насамперед дуже цікавий з цього погляду твір, відомий як «Історія русів, або Малої Росії».

2

Написана мовою російських історичних повістей початку ХІХ ст. (гіпотетична приналежність рукопису архієпископу Георгію Кониському, який жив у другій половині ХVІІІ ст., навіть з цього погляду не витримує жодної критики; цей та інші аргументи проти авторства архієпископа розвинуто у моїй уже давній книжці [12, с. 259–262]), «Історія русів» тим часом повна українізмів. На це звертав увагу ще Д. І. Чижевський, який зауважив, що в цьому сенсі псевдо-Кониського можна віднести до «української школи» в російській літературі, завершенням та вершиною якої є творчість Гоголя. Проте автор «Тараса Бульби» був продовжувачем справи псевдо-Кониського також і у сенсі ідеології [25, с. 305].

У західній історіографії вважається загальноприйнятою версія приналежності «Історії русів» комусь із так званих «безбородківців», який озвучив політико-ідеологічний світогляд своєї соціальної групи – української шляхти першої чверті ХІХ ст. Однак автори спеціальних дослідів мають різні думки щодо того, кого слід, власне, розуміти під «безбородківцями». Адже канцлер князь Олександр Андрійович Безбородько ажніяк не був теоретиком «малоросійських прав», не ініціював і не підтримував жодних політичних інтриг на користь цих прав. Єдина політична інтрига, на яку він наважився, був «заколот» на користь законного спадкоємця імперії Павла І проти бажання його матері Катерини ІІ передати трон не сину, а онуку [7, с. 38]. А то вже вищі, глобальніші задачі світового масонства, ніж такий пересічний по суті проект, як «проект Україна».

Роль Безбородька у ствердженні «малоросійських прав» – це насамперед особистий приклад протезування землякам, гроші, заповідані на створення в Україні Гімназії вищих наук тощо. У цьому сенсі за «безбородьківців» можна вважати будь-яких українців, котрі за допомогою різних засобів намагалися сприяти розширенню своїх не стільки національних, скільки особистих прав: від декабристів [18, с. 27–29] до чільника Ради міністрів князя Віктора Павловича Кочубея, до особистої протекції якого (і як не дивно – без його відому) вдався Гоголь, поставивши на обкладинці *своїх* книжок *його* Диканьку [13]. До речі, намагаючись відшукати автора «Історії русів» поміж декабристів або у колі осіб, наближених до В. П. Кочубея, ми невдовзі переконаємось, що це, власне, один і той самий перелік осіб. Утім Гоголь з'явився на історичній сцені надто пізно, аби встигнути увійти до цього кола (досить пригадати, що Кочубей помер 1834 р.).

Для чого ж, однак, «безбородьківцям» знадобилося заглиблюватися в історію «малої батьківщина»? Відповідь проста: ця історія мала для них очевидний, практичний, політичний інтерес. Не кажучи вже про загальноромантичний інтерес до історії (за яким, до речі, стояв той же самий політичний інтерес), одвічне існування двох рівноправних гілок єдиного дерева «русів» передбачало: по-перше, й подальший рівноправний розвиток кожного з них; по-друге, взаємопідтримку у повному й абсолютному ствердженні кожного з них на всіх його ісконних територіях.

Гоголь повністю поділяв обидві вказані політичні стратегії. Відбиток першої знаходимо в його знаменитому листі до А. О. Смирнової-Россет з приводу того, яка в нього душа, – «хочлацкая или русская» [4, т. 12, с. 419]; другої – у не менш знаменитому листі до М. О. Максимовича з приводу заняття кафедр у новоствореному Київському університеті св. Володимира [4, т. 10, с. 288].

Відкриття університету в рік смерті В. П. Кочубея стало таким саме «пам'ятником» йому, як Ніжинська Гімназія вищих наук – його патрону та вчителю О. А. Безбородькові. «Головною метою відкриття в Києві університету була русифікація краю

після польського повстання 1830–31 рр.», – слушно вказує П. В. Михед [21, с. 245]. До цього можна лиш додати, що імперський уряд, на чолі якого стояв українець, «русифікацію краю» проводив за рахунок не стільки велико-, скільки малорусів, вбачаючи в останніх саме ту гілку русів, яка й має тут культурно розвиватися й розвивати свій рідний край, – в умовах «штучно створеного» (за віки панування Речі Посполитої) польського економічного, соціального та культурного домінування на Правобережній Україні, включаючи Київ. Не забудьмо ще й такий нюанс: поляки не без підстав сприймалися російським урядом в якості «агентів» західного впливу взагалі. Проте для засновника й першого попечителя Київського університету, шведа за походженням Є. Ф. фон Брадке, «русский, немец и поляк не существовали, а только способные и неспособные люди» [28, с. 27]. Хто б з цим не погодився? Гоголь не погодився: «Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев! – пише він Максимовичу. – Он наш, он не их, неправда? Там, или вокруг него, деялись дела старины нашей. <...> Говорят, уже очень много назначено туда каких-то немцев, это тоже не так приятно. Хотя бы для святого Владимира побольше славян. Нужно будет стараться когонибудь из известных людей туда впихнуть, истинно просвещенных и так же чистых и добрых душою, как мы с тобою» [4, т. 10, с. 288].

Цікаво, що Шевченко, якого (на відміну від Гоголя) його активним землякам вдалося-таки «туда впихнуть», у поетичному посланні до Гоголя (1844), шкодуючи про те, що пройшли часи Тараса Бульби й тепер вже батько сина не заріже, розвиває цю думку наступним чином:

*Не заріже: викохас
Та й продасть в різницю
Москалеві. Цебто, бачиш,
Лепта удовиці
Престолові-отечеству
Та німоті плата [27, т. 1, с. 258].*

При цьому Шевченко навряд чи знав лист Гоголя до Максимовича (хоч впевнено ми цього стверджувати не можемо: теоретично Максимович міг і розказати Шевченкові про цей лист, і навіть його показати).

Так чий же Київ «не их»? За контекстом листа – не німців. Це, власне, тема ще ломоносівська: проти засилля німців у російській науці та у російських університетах. І завжди ці *німці* розумілися в широкому сенсі – «західні іновірці» (себто також і шведи, прибалти, поляки тощо), як це слушно зрозумів і В. О. Воропаєв: «Говоря «он наш, он не их», Гоголь имел в виду <...> «немцев», «западников»...» [2, с. 12].

Ще гірше, ніж із формуванням культурного обличчя «нашого Києва», складалося з питанням адміністративно-політичної автономії. Адже автономії Правобережної України домагалися саме поляки, і за існуючих умов це була б *польська* автономія. Ствердження історичних прав на території й до сьогодні вважається прийнятним політичним аргументом, а про початок ХІХ ст. годі й казати! Ось чому автор «Історії русів» з самого початку заявляв про те, що в той час, коли Північна Русь потрапила під татарське ярмо, північні «руси» були рівноправною переговornoю стороною (причому не третьою, а першою) у процесі формування майбутньої наддержави Центральної Європи – у такій інтерпретації не Литовсько-Польської, а Українсько-Литовсько-Польської. Аргумент, що й казати, політично неоднозначний, і користуватися ним у добу постдекабристської реакції слід було з особливою обережністю, простіше кажучи – не слід було взагалі: досить було мати на увазі.

Цей парадоксальний момент еволюції Гоголя-історика точно описав В. П. Казарін. Працюючи над сухою історичною довідкою для «Журнала министерства народного просвещения» («Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга I, глава I») – з надією довести Уварову і фон Брадке здатність отримати кафедру історії у Київському університеті (як відомо, надія так і зосталася надією), Гоголь зміг відмовитися від версії найважливішого повороту української історії (власне, того самого, де й розійшлися історичні шляхи України та Росії), котру подає

«Історія русів», на користь версії офіційного історика Малоросії Д. М. Бантиша-Каменського. Цією відмовою Гоголь, на думку гоголезнавця, «выразил недоверие «Истории русов» как научному источнику». Йдеться про питання приєднання українських земель до Великого князівства Литовського. У гоголівському «Отрывке...» (потім він майже без змін увійшов до «Арабесок» як «Взгляд на составление Малороссии») відомості про цю подію (як, до речі, й практично про всі інші історичні події) дано за Бантишом. В «Історії русів» «подобного рода свидетельства частью отсутствуют, частью имеют другое содержание» [15, с. 58, 59].

Можна було б припустити, що наприкінці 1833 – на початку 1834 рр., працюючи над «Отрывком...», Гоголь просто ще не був ознайомлений з «Історією русів», але ні: заява у листі до І. І. Срезневського у січні 1834 р., а надто певні епізоди «Страшної помсти», а потім і незавершених художньо-історичних уривків, які можна датувати 1832–1833 рр., змушують погодитися із загальноприйнятою версією, згідно з якою з «Історією русів» Гоголя познайомив Пушкін улітку 1831 р. в Царському Селі. Відтак випадки неспівпадіння із псевдо-Кониським у Гоголя-історика та співпадіння – у Гоголя-художника набувають ще більшої ваги.

Ось Гоголь-історик описує битву 1320 р. при річці Ірпень (в «Арабесках» і всіх наступних виданнях аж до сучасних – помилково «Ірпеть»). З ким, власне кажучи, билися литовці під Києвом? Відповіді на це запитання псевдо-Кониського й Бантиша діаметрально протилежні. Перший у категоричній формі стверджує, що Гедиміну 1320 р. не було з ким воювати на Русі, крім татар, бо ж він і прийшов в Україну на прохання її «знатнейших семей», аби «освободить их землю от владения татарского» [14, с. 5]. Другий (а за ним і Гоголь) каже про перемогу литовців не над татарами, а над русичами.

При співставленні цих двох «Історій» (псевдо-Кониського й Бантиша) історіографами ХХ ст. на багатьох фактах доведено, як про це слушно пише й В. П. Казарін, «что исторической реальности больше отвечает точка зрения Д. Бантыш-Каменского, которая обоснована документально» [15, с. 60]. До подій

XVI–XVII ст. це має навіть більше стосунку, ніж до подій XIV–XV. Проте після того, як була написана замітка до «Журнала министерства народного просвещения», Гоголь взагалі перестав звертатися до твору Бантиша, себто до єдиної на той час документованої праці сучасного історика України. За свідченням того ж В. П. Казаріна, який спеціально вивчав це питання, «в позднейшее время (т. е. после начала 1834 г.) мы не имеем следов работы Н. Гоголя с книгой Д. Бантыш-Каменского». Цей факт гоголезнавець вважає «весьма показательным» [15, с. 58], і з ним важко не погодитись.

Натомість «Історія русів» стає головним джерелом при роботі над «Тарасом Бульбою». Саме звідти до повісті Гоголя потрапив, по-перше, перелік польських тортур в Україні (у промові новоприбулих козаків наприкінці третього розділу). По-друге, звідти ж узято відомості про нібито активну участь деяких євреїв у польсько-козацьких війнах, хоча в «Історії русів» згадується їхнє шпигунство на користь *поляків*, а гетьман-зрадник Перев'язка звільняється з-під *козацької* варті за допомогою крамаря Лейбовича, «очаровавшего якобы стражу проданным от него для караульных табаком» [14, с. 52]. У Гоголя, навпаки, Янкель шпигує на користь *козаків*, але в той самий спосіб, як Лейбович Перев'язку, намагається (проте марно) звільнити Остапа Бульбу з-під *польської* варті.

3

Дослідники «Тараса Бульби», чесно намагаючись вдуматися в історико-географічний контекст, проте спантеличені надто «синтетичним» образом історичної України, де XV століття «те ж саме», що й XVII, а лівий берег Дніпра – «те ж саме», що й правий, – як наслідок мають дуже непевні уявлення про історичне життя Правобережжя, яке автор повісті, навпаки, уявляв собі досить реально, а міфологізував – свідомо, розвиваючи ту систему політичної міфології, що була широко представлена «Історією...» псевдо-Кониського.

Ось, наприклад, місто Дубно, осада якого так само багато важить у сюжеті «Тараса Бульби», як осада Трої у сюжеті

«Іліади». Це містечко не дарма захопило увагу автора повісті – який, щоправда, ніколи тут не бував. І справа не лише у тім, що існували «многочисленные народные предания о Дубновском замке», які, на думку місцевих краєзнавців (однак нічим не підтвержену), «вивчав» Гоголь. І навіть не в тім, що автор «Тараса Бульби» нібито «учел стратегическое значение» цього замку для всього Правобережжя [9, с. 46]. Не так вже й часто Дубно згадується й у «козацьких літописах», якими користувався Гоголь (так, у «Літописі Самовидця» немає жодної згадки про Дубно або Дубенський замок). Звідки ж, в такому разі, у повісті Гоголя такий переконливий опис польського середньовічного міста Дубно, замка, костела, католицького духу всього міста, гострою новизною якого тішиться Андрій? Звісно, запізнілий польсько-український феодалізм XVII ст. (недарма названого в повісті XV) породжував приблизно однакові замки по всьому Правобережжю. Ці замки належали крупним феодалам-магнатам. До кожного з них тулився посад з його поліетнічним населенням (українці, євреї, вірмени, німці і т. д.). Дубно як таке собі типове середньовічне місто магната мало чим відрізнялося від, наприклад, описаної Фаддеем Булгарінін Теревовлі (в повісті «Освобождение Трёмбовли»). Чи, може, у «Тарасі Бульбі» є специфічні прикмети саме дубенської історії? І якщо вони існують, то з чим пов'язані і що було для Гоголя джерелом?

Звернімо увагу на володарів Дубна (з 1620 р.) князів Заславських і на те, як вони поводитися зі своїми дрібнопомісними сусідами. Ось що, наприклад, 1626 р. писав Юрій Заславський одному з таких маломаетних шляхтичів з приводу невеличкого територіального конфлікту: «Якщо не уступиш, накажу хлопам потріпати тебе киями» [24]. Прізвище адресата – **Гоголь**. Раніші згадки такого прізвища в документах з історії України невідомі.

Отже, якийсь дрібнопомісний Гоголь мешкав поблизу Дубна на своєму хуторі, схожим на хутір Тараса Бульби, і наразився на «наїзд» дубнівського магната. Історія мовчить про те, чи той Гоголь наполягав на своєму і його потріпали-таки киями, чи ж він поступився крупному феодалу і (як було

прийнято) поступив до нього на службу в Дубно. Перший («романтичний») варіант міг би добре вписатися у подальшу славу історію роду Гоголів – принаймні він би нагадував аналогічні епізоди молодості Богдана Хмельницького або Івана Мазепи (описаної Вольтером). Однак судячи з того, що син того Гоголя, якому погрожував у своєму листі Юрій Заславський, зробив кар'єру на військовій службі, радше за все події розвивалися за другим сценарієм. Очевидно, предок письменника, подібно до Андрія Бульби, вступив на службу до польського (точніше, ополяченого) дубнівського магната. До речі, 1788 р. дід письменника, Панас Дем'янович Яновський, у своєму проханні про російське дворянство повідомляв, що предки його «фамилии Гоголи» були «польской нации».

Насправді ж до польської нації перший з відомих нам Гоголів приєднався не раніше 1626 р. І, як ми щойно бачили, є вагомим підстави гадати, що початок кар'єри Гоголів на польській службі треба вести саме з Дубна, або ж принаймні він був тісно пов'язаний з цим родовим гніздом князів Заславських.

Однак минає рівно півстоліття, і незнатна, небагата родина Гоголів висуває свого представника на вищу воєнно-адміністративну посаду Правобережної України. Під 1676 роком у «Літописі Самовидця» читаємо: «Король польський поставил гетманом казацким подольского полковника Евстафия Гоголя, которого после войны с турками перевели в Полесье. Заняв литовские города, он расположился в Дымере со значительным войском, получавшим плату деньгами и сукном от короля, а живность – с людей» [17, с. 126]. Цей запис літописця, та й уся історія кар'єри Євстафія (Остапа) Гоголя, вимагає коментаря – так саме як і ті (взагалі в Самовидця доволі рідкісні) «елементи негативної характеристики» [10, с. 34–35], які впадають у вічі сучасному історику.

Політична кар'єра Остапа Гоголя від самого її початку була пов'язана з «молодою партією» Петра Дорошенка. Після розподілу України на польську та російську сфери впливу (що було остаточно закріплено Андрусівською угодою 1667 р.), загострилося суперництво між правобережним та лівобережним гетьманами, призначення яких затверджувалося відповідно

польським королем (офіційно) і (поки ще не офіційно, але фактично) російським царем. Ці гетьмани були «не более чем марионетками в руках своих чужеземных хозяев» [23, с. 189]. Невдоволення здорової частини козацької старшини таким станом речей й обома ворожими партіями на середину 1660-х років сягло апогею. Оформленням цієї третьої сили й опікувався Дорошенко, який став гетьманом у 1665 році. Однак історична дійсність залишала Дорошенкові та його партії невелику свободу маневру...

Молодий полковник Могилів-Подільського полку Остап Гоголь, як ми далі побачимо, був одним із тих, хто не тільки попервах активно підтримував Дорошенка, а й був з ним майже до кінця його гетьманства. Однак в останній період гетьманства Дорошенка Гоголь, судячи з усього, справді «хладнокровно» (якщо не цинічно) став виношувати власні плани, втілення яких йому загалом непогано вдалося – принаймні краще, ніж вдався Дорошенкові його ідеалістичний план звільнення України за допомогою не лише внутрішніх, а й зовнішніх «третьох сил».

Автор «Тараса Бульби», маючи про свого славнозвісного предка доволі адекватне уявлення як за доступними йому історичними джерелами, так, очевидно, й за сімейними переказами, зробив його одним із головних (якщо не головним) прототипів самого Тараса, а двох його синів – прототипами синів Тараса. У їхній історії є один епізод майже за «Тарасом Бульбою». Він стосується років навчання – хоч і не у київській Братській школі, а у щойно (1661 р.) відкритому Львівському університеті.

Але перш ніж навести епізод, слід зупинитися на красномовній заміні Львівського університета на Київську школу. Крім зрозумілої ненависті до всіх українських університетів (після марного старання отримати призначення до Київського), тут є й певні історіософські нюанси. На відміну від суто православного, радше релігійного, ніж світського навчального закладу в Києві, де сини полковників і сотників чим далі, тим більше розчинялися у загальній масі поповичів, – у Львові молоді паростки української еліти могли вільно спілкуватися в інтернаціональному студентському товаристві,

що вже починало складатися подібно до того, як воно складалося в усіх інших університетах Європи. Інша річ, що в умовах жорстокої й трагічної історії Правобережної України той спізнiлий гуманізм, що почав був визначати освітню ідеологію Львівського університету, невдовзі втратив сенс, релігійні (католицькі та уніатські) мотиви взяли гору, та й козацтво, цей, по суті, єдиний не лише державо-, а й культуротворчий український елемент дуже швидко, як ми побачимо, втратив значення основного історичного чинника Правобережної України.

У січні 1663 р. Остап Гоголь (тоді ще могилів-подільський полковник) у черговий раз перейшов на бік поляків, підтримавши на Чигиринській раді Тетерю, який не приховував своєї польської орієнтації. Проте минає буквально декілька місяців, і той же Тетеря, обраний гетьманом, принижено скаржиться на Гоголя королю: «Гоголь не тільки замавав себе, але й до мене всім, що він робив, викликав таку відразу, що мене майже перестали любити» [26, с. 124]. А все тому, що Тетеря своїм цинічним нехтуванням українських інтересів на користь польських розчарував навіть Гоголя – далеко вже не новачка в політиці, і той вирішив підтримати царського ставленика Брюховецького, який виступив у похід на Правобережжя. Уже влітку 1664 р. Гоголь оголосив себе підданим московського царя й висунув свій полк на допомогу війську Брюховецького.

От тут-то Станіслав Потоцький, львівський воєвода, й звелів узяти в заручники синів Гоголя. В Остапа Гоголя, на відміну від Тараса Бульби, батьківські почуття узяти гору над політичними пристрастями, й замість того, щоб підтримати Брюховецького, він вступає з ним у бій, аби лишень у Львові не трапилось чого поганого з його синами.

Любов Гоголя до синів отримала міжнародний резонанс та була ще раз використана в далеко не мирних цілях. Коли Гоголь разом із гетьманом Петром Дорошенком після Андрусівського перемир'я Росії й Польщі (1667) вирішив передатися султану, турецький паша, котрий, очевидно, саме в Могильові вів у серпні 1669 р. перемовини з Дорошенком про протекторат, в

якості запоруки досягнутих домовленостей забрав із собою в Яси... тих самих синів Остапа Гоголя.

«Літопис Самовидця», прекрасно відомий автору «Тараса Бульби», ряснить прикладами страшних злочинів турецьких «бусурман» проти християнської віри під час їхніх спільних походів із дорошенківським військом. І хоч із «бусурманами» не так давно ходив і руйнував українські міста, від Немирова до Дубна, і сам Хмельницький, часи змінилися, позаяк останнім разучим ударом по колись непорушному авторитету гетьмана Дорошенка стала його участь (з 12-тисячним військом) в окупації Поділля 100-тисячною турецько-татарською армією під особистим проводом султана й хана. Як наслідок, усе козацтво переметнулося до ставленика Москви Самойловича, гетьманство якого було підтверджено на новій Переяславській раді 1674 р.

Повідомляючи цей факт, Самовидець писав: «Итак, на раде в Переяславе было подтверждено гетманство Ивана Самойловича обеими сторонами Днепра вплоть до самого Днестра, только над Днестром Гоголь, не желая потерять полковничество, оставался с Дорошенко, и через него отправлялись посольства к туркам» [17, с. 122]. Мимоволі пригадується «гордый гоголь на Днестре» у фіналі другої редакції «Тараса Бульби».

Що ж до «посольств до турків», то, може, в якості посланників було використано й самих «козацьких заручників» у Ясах, синів Остапа Гоголя – до осені 1671 р., коли вони повернулися до Могильова, де один з них загинув, а другий був поранений. Старший син Остапа, Яків, до того, як загинув під час штурму поляками Могильова-Подільського, встиг народити сина Яна, від якого й походять полтавські Гоголі-Яновські. Вочевидь цей Яків був мужній та небалакучий – на відміну від молодшого брата, який отримав прізвисько Балачка. З цим прізвищем, як ми далі побачимо, він увійде в історію.

Отже, наявна класична контрасна пара гоголівських персонажів – Остап та Андрій Бульба. Збігів аж надто багато, аби не запідозрити письменника у захопленні сімейними

легендами Яновських і аби відмовити цим легендам у справжній приналежності до сімейного епосу «тих самих» Гоголів.

Візьмемо до уваги і той факт, що старший син могильовського полковника загинув від рук **поляків** – тоді як молодший невдовзі після загибелі брата перейшов на **польську** службу. Проте тут є один нюанс: перейшов **слідом за батьком**, який вкотре поміняв політичну орієнтацію. Адже для доблесного полковника Остапа Гоголя неминучий крах його патрона Дорошенка ще не став фіналом, про що було добре відомо автору «Тараса Бульби».

Справа в тому, що на доказ свого дворянства дід письменника Панас Дем'янович Гоголь-Яновський 1788 р. представив Київському дворянському зібранню грамоту, жаловану польським королем його (Панаса) прапрадіду Остапу Гоголю 6 грудня 1674 р. Там написано: «За відданість нам і Речі Посполитій шляхетного Гоголя, нашого могилівського полковника, яку він виявив у нинішній час, перейшовши на наш бік, присягнувши нам у послушанні та передавши Речі Посполитій могилівську фортецю, заохочуючи його до подальших послуг, жалуємо йому наше село, називаєме Ольховець, як йому самому, так і нинішній дружині його; по смерті ж їх їхній син шляхетний Прокіп Балачко Гоголь також буде користуватися довічним правом» [16, с. 7].

У Російській імперії лише через століття після цього вірна їй козацька старшина почне отримувати права дворянства. Строго кажучи, Панас Дем'янович Гоголь-Яновський не міг претендувати на те, аби стати одним із новоспечених російських дворян. Адже його дід Ян Гоголь (внук Остапа), перейшовши із польського підданства у російське, став священником, а батько Дем'ян Янович (Іванович) мав уже цілком «попівське» прізвище Яновський та рахувався «по духовному сословію». Ось чому Панасу Дем'яновичу, який забажав «перейти в дворянское сословіє», знадобилася грамота польського короля. І, звісно ж, привід для отримання цього документа був добре відомий та не раз обговорювався у родині.

Привід же цей на романтичній мові гоголівської повісті можна було б назвати «перетворенням Остапа в Андрія».

Соратник Дорошенка в боротьбі за незалежність України вмиг затвердився «в послушанні» польському королю, за що й був визнаний одним із «шляхетних рицарів». Інша річ, що історія України не тільки в добу Руїни, а й задовго «до» й набагато «після» (власне, ніколи) не знала ані героїчних Остапів, ані зрадницьких Андріїв. «Дволикий Янус» української політичної історії, цей «Остап-Андрій», виникаючи на маргіналіях політики імперій, завідомо не міг бути лояльним їм усім – і, в залежності від точки зору, легко перетворювався то в героя, то в зрадника.

Між іншим, після падіння Могильова Остап Гоголь, якого переслідував Ян Собеський, ледь не загинув при переправі через Дністер. І як же все-таки добре знав сімейні перекази автор «Тараса Бульби», якщо обрав для свого героя (а тепер ми бачимо, що Остап Гоголь – реальний прототип Тараса Бульби) смерть над Дністром у чині полковника – замість безславного гетьманства, що очікувало на прототип, який над Дністром таки вижив. Після того, як Ян Собеський «огнем і мечем» пройшовся по Поділлі, помстившись його населенню за підтримку турків, Правобережна Україна «перетворилася на пустиню, повну людських кісток, руїн та пожарищ» [11, с. 88]. Ось таку спадщину «прийняв під свою гетьманську руку» Остап Гоголь.

Та невдовзі за Журавненською угодою (1676) поляків із турками до останніх відійшло все Поділля, а Гоголя з його козаками перевели на Полісся, у Димер. Звідти вже рукою подати до Києва, що лишився за московитами, і до Дніпра, на лівому березі якого зміцнювалося проросійське гетьманство Самойловича. До Самойловича й побігли димерські козаки Гоголя: протягом 1677 р. пішло 2 тис. людей. Тим часом Ян Собеський готувався укласти союз з Москвою проти турок. Дізнавшись про це, Гоголь розуміє: «правобережний гетьманат» нікому непотрібний, нема сенсу боротися із Самойловичем, час подумати про власну душу. Він пише Самойловичу покайного листа, зрікається остогидлого гетьманства й наприкінці 1678 р. йде до Межигірського монастиря під Києвом, де за встановленою традицією закінчували свої дні й відмолвували гріхи козаки; там 1679 р. він і помер [26, с. 130]. Сумнішу версію подавав М. Максимович (не розкриваючи своїх джерел): нібито

Гоголь у монастирі не кався, а лише був там похований, а помер у Димері 5 січня 1679 р. [19, с. 519].

Сім'я ж його лишилася на Правобережжі. Доля молодшого сина гетьмана, Прокопа-Балачки, невідома. Зате ми добре знаємо долю нащадків його героїчного старшого брата, починаючи з внука гетьмана – Яна... Якщо, звичайно, цей **Ян насправді** був онуком гетьмана.

Цікаво, що Панас Гоголь-Яновський у проханні про надання дворянства називав свого предка Остапа Гоголя – **Андрієм** Гоголем! На цій підставі Олександр Лазаревський звинувачував діда автора «Тараса Бульби» у байдужості до знаменитого предка: «...праправнук уже *не знав* имени своего прапрадеда, хотя это был человек видный, о котором можно было бы справиться и в книгах» [16, с. 8]. «Но можно предположить и другое, – заперече в наш час Лазаревському Ю. Манн, – именно потому, что Евстафий Гоголь был человек достаточно известный, Афанасий Демьянович предпочел не докапываться до истины» [20, с. 12]. Гоголезнавець безперечно має рацію, адже для російських підданих XVIII ст. Євстафій (Остап) Гоголь – прямий попередник «зрадника» Мазепи, за такого предка Панаса Яновського по голівці б не погладили, тому він і не розкриває всього послужного списку **гетьмана** Євстафія Гоголя, зупиняючись на **полковнику**. Для його ж, Панаса, власного онука – автора «Тараса Бульби» – ця його заміна Остапа на Андрія стане не лиш пам'ятною, а справді знаковою...

4

«Когда Баторий устроил полки в Малороссии и облек ее в ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели порогов, он был из числа первых полковников» [4, т. 2, с. 284]. Отже, автор «Тараса Бульби» із самого початку намагається вести свою повість подалі від того небезпечного періоду, коли українське козацтво, відчувши в собі сили й амбіції державотворення, вступає у безпосередній конфлікт з

усіма претендентами на «спірну територію», включаючи сюди й «Русского Царя», якого славить фінал другої редакції.

Щоправда, й з «Баторієвою» добою в цьому сенсі не все гаразд. Хіба ж не ходило українське козацьке військо у складі «разноплеменного сонмища Баторієва» під Псков? Не побивало військо Івана Грозного? Як слушно вказує В. Денисов, «только «своей» в 1-й ред. <«Тараса Бульбы»> виделась Гоголю украинская козацкая вольница – в ее постоянной борьбе со всеми тремя, а то и всеми четырьмя, соседними народами, в ее вольном, анархическом отличии от чужой – жесткой и жестокой – русской самодержавной «вертикали власти», а во 2-й ред. Запорожская Сечь стала частью Святой Православной Руси – в ее вечном противостоянии чуждым, «неверным» Западу и Востоку» [8, с. 74]. Звідси красномовна заміна Баторія, «устроившего полки в Малороссии», на містичне самовозгорання «древле-мирного славянского духа» [4, т. 2, с. 46] другої редакції.

Однак ми не будемо далі заглиблюватися у зіставлення двох редакцій, оскільки, як писав М. Тихонравов, «редажируя» повість 1842 року, Гоголь доволі мало звертався до джерел, в основному обмежившись новим переглядом «Історії русів» і запозичивши, за точним визначенням того ж таки М. Тихонравова, «из «летописи Конисского» не столько quasi-исторические факты» (они были позаимствованы уже в первой редакции и никакому критическому пересмотру не подверглись), «сколько ту тенденцию, которою проникнута «История русов» [цит. за: 15, с. 67].

Під час редагування критичному перегляду не було піддано навіть хронологію повісті. Неможливий «XV век», який виник ще у черновій редакції і до якого Гоголь спочатку хотів віднести всю дію, так і пішов гуляти спочатку по «Миргороду», а потім і по другому тому Зібрання творів – поряд із XVI та XVII. «Но может ли быть, чтобы время действия, которое в принципе должно соответствовать жизни заглавного героя, занимало **три века**? – запитує В. Денисов, схильний вважати, що перед нами міфічний персонаж, який дійсно проживає XV–XVII ст. як «**мифологическое время Средневековья украинского**» [8,

с. 129]. Однак у цьому випадку було б корисно врахувати тонкий коментар І. Айзенштока: «Указание на возникновение характеров, подобных Бульбе, в XV веке еще не означает датировки действия XV веком» [4, т. 2, с. 716].

Початок же воєнної біографії Тараса з того історичного моменту, «когда Баторий устроил полки в Малороссии», себто з 1578 р., хронологічно хоч не без труднощів, але все ж таки можна пов'язати з тим фактом, що під кінець життя героя слід його відшукався у війську Остріяниці, себто в 1638 р.: якщо уявити, що в добу Баторія Тарасу було 20, а в добу Остріяниці – 80. Адже й молоді полковники часто зустрічалися на Запоріжжі (такий у повісті Гоголя Остап Бульба, який у цьому сенсі явно вдався в батька), і міцних древніх старців хоч не так багато, але теж знала історія Січі. За прикладом не треба далеко ходити – Гоголь сам його дає в останніх главах повісті. Це старий полковник Дмитро Гуня, який зіграв ключову роль у повстанні Яцька Остріяниці (в «Історії русів» цього Яцька названо Стефаном).

В обох надрукованих редакціях повісті Гоголь виключно за «Історією русів» подає легендарні відомості про цей останній історичний епізод за участю Тараса Бульби. Українські історики ХХ ст., піднявши документи (починаючи з архіву Коша запорозьких козаків), встановили справжній перебіг тих історичних подій, як і долю самого Остріяниці.

1635 р. коронний гетьман Миколай Потоцький, розгромивши козацьке повстання на чолі з Павлюком, узяв з козаків «Підписку про покірність» (написану власноруч Богданом Хмельницьким – тоді військовим писарем). Однак вже навесні 1638 р. для продовження війни з Польщею на Запоріжжі «зібралися краші стратеги», серед них «Гуня, старший на Запоріжжі» [22, с. 449] (за віком), фанатичний, непримиренний старий полковник, який у своїй боротьбі завше йшов до кінця (тут згадаємо старого Тараса, який зображений у фіналі повісті як «исступленный седой фанатик»). До речі, є у гоголівському описі повстання Остріяниці й ця нарада «кращих стратегів Запоріжжя».

Результатом стратегічної наради, що відбулася навесні 1638 р., став виступ потужної об'єднаної армії Яцька Остряниці. Спочатку козаків спіткала удача. Вони розбили поляків під Говтвою, але, заглибившись далі на територію України, були самі розбиті й відкинуті назад свіжими силами поляків під Лубнами. Після ще двох невдалих боїв Остряниця з частиною козаків перейшов російсько-польський кордон, і це його військо, «до кращих часів» (які на його віці не настали), жило собі мирно на Слобожанщині. Осатанілий же старець Гуня повів своїх козаків на Старець (старе річище Дніпра). Там вони звели нашвидкоруч фортецю. Що цікаво – поляки так і не спромоглися взяти її штурмом. «Тільки голод змусив Гуню піти на переговори. <...> Умови капітуляції були дуже тяжкі, залишитися мало тільки 6 000 реєстрових козаків, решта мусила вернутися до панів; козаки позбавлялися права обирати старшину; гетьмана заміняв польський комісар» і т. д. [22, с. 449–450]. Однак за всієї невігідності цих умов, зважаючи на державницькі амбіції козацької еліти, особисто їхньому життю вони ніяк не загрозували, адже про видачу ватажків не йшлося [22, с. 450]. Тим часом «Історія русів» каже протилежне; автор же «Тараса Бульби» заявляє, що не стане описувати «поступенного хода всей великой кампании: это принадлежит истории. Там изображено подробно...» [4, т. 2, с. 350]. І далі стисло перераховує все те, що «изображено подробно» в «Історії русів», з характерними та свідомими помилками й спрощеннями: «как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы, как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска, как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные казацкие полки и как приведенный в крайность польский гетман клятвенно обещал полное удовлетворение во всем со стороны короля и государственных чинов и возвращение всех прежних прав и преимуществ; но казаки, наученные прежним вероломством, были неумолимы, и Потоцкий не красовался бы более на шеститысячном своем аргамаке, привлекая взоры знатных пани и зависть дворянства, если бы не спасло его находившееся в

местечке русское духовенство. Торжественная процессия с образами и крестами и мольбы священника-старца тронули казаков, еще чувствовавших узы, привязывавшие их к королю. Гетман и полковники решились отпустить Потоцкого не прежде, как заключивши трактат, обеспечивший бы во всем казаков» [4, т. 2, с. 350].

В «Історії русів» справді йдеться про те, як козаки Острияниці захопили в Полонном «польського гетьмана», але ж не Потоцького, а Лянцкоронського (який, до речі, був не коронним гетьманом, як Миколай Потоцький, а брацлавським воєводою). Настільки велика була у сімейних переказах автора «Тараса Бульби» ненависть до польських магнатів узагалі, а до Потоцьких і до видатного полководця першої половини XVII ст. Миколая Потоцького особливо, що оповідач поквапився поквитатися з ним на десять років раніше, ніж це вдалося козакам насправді. Коронний гетьман Миколай Потоцький був полонений не гетьманом Острияницею, а вже гетьманом Богданом Хмельницьким в бою під Корсунем (1648), був відданий як трофей (ясир) союзникам-татарам і лише в наступному 1649 р. внаслідок переговорів Хмельницького з королем Яном-Казимиром був викуплений у татар та повернувся в Україну [17, с. 83, 87].

Щодо Лянцкоронського «Історія русів» повідомляє, що козаки, узявши його в полон, після всієї історії із заступництвом православного духовенства (її Гоголь відтворює близько до тексту псевдо-Кониського), нібито змусили підписати якийсь вигідний для них «трактат». Після чого все той же Острияниця, розіславши своє військо по хатах і гарнізонах, сам з генеральною старшиною, полковниками й сотниками поїхав на прощу в Канів. Поляки, дізнавшись про це «через шпיוнов своїх Жидов», напали на Острияницю й 36 його високопосадових супутників, що їхали без охорони, полонили їх та відправили до Варшави разом з дружинами й дітьми, які нібито прийшли за них просити. Звідки у Каневі взялися дружини й діти – про те «Історія...» мовчить. Пояснити це не взявся б і сам Гоголь – і тому він завбачливо оминає дружин та дітей, обмежившись лиш зауваженням про те, що «после вероломного поступка под

Каневым, голова гетмана вздернута была на кол вместе со многими сановниками» [4, т. 2, с. 352]. Хоча псевдо-Кониський саме у цьому епізоді надав у розпорядження своїх читачів та наслідувачів справжню енциклопедію мислимих й немислимих тортур, що, звісно, без відрізаних грудей та смажених немовлят була б неповною.

«Казнь оная, – повідомляє «літописець», – была еще первая в мире и в своем роде и неслыханная в человечестве по лютости своей и варварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому и самому свирепому японцу не придет в голову ее изобретение» [14, с. 55–56]. Це зауваження і вся додана до нього «енциклопедія» видає і справжні джерела, і справжнього автора – сина своєї доби кінця XVIII – початку XIX ст., який начитався романів маркіза де Сада і свіжих газет із повідомленнями про події французької революції і тортури християнських місіонерів у Японії. Ясна річ, що відомості псевдо-Кониського про «канівське віроломство» поляків, жертвою якого нібито став Острияниця з усіма його «сановниками», не витримують історичної критики, якщо взяти до уваги той факт, що на час описаних подій Острияниця вже благополучно перетнув російський кордон.

Обмежившись глухою згадкою «вероломного поступка под Каневым», автор «Миргорода» (1835), отже, адресує її лише тим читачам, які знайомі з (ще ніде не опублікованою!) «Історією русів». А це – вузьке коло літераторів, яким були доступні рукописні копії «літопису». Однак це коло швидко ширшало. Уже в наступному (1836) році в першій книжці пушкінського «Современника» відбулася перша публікація двох «глав» «Історії русів», причому вибір саме «Введения унии» та «Казни Острияницы» навряд чи можна вважати випадковим, зважаючи, по-перше, на діяльну участь Гоголя у підготовці першого числа «Современника» і, по-друге, на те, що саме між цими двома подіями, реальним та міфічним, введенням унії та стратою Острияниці, вміщується весь сюжет за рік до цього вперше опублікованого «Тараса Бульби».

II. Історичні реалії у «Вії»

«Вот настоящая веселость», – писав Пушкін ще про першу книжку «Вечорів» після виходу її з друку. Проте його ставлення вже до другої книжки, судячи з усього, було більш стриманим. Згадуючи через декілька років свої перші враження, Пушкін зауважував: «Иzumившись русской книге, которая заставила нас смеяться, мы <...> простили <...> бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов».

Відтоді й повелося, високо цінуючи «настоящую веселость» гоголівських «малоросійських» повістей, «прощать» їм «неправдоподобие», замінивши це слово «фантастикою». І лиш пізніше, коли сам Гоголь задумався про природу власного сміху, йому, та й деяким його однодумцям, стало зрозуміло, що його «фантастика», а радше демонологія від початку тісно пов'язана з його сміхом. І один з таких однодумців пізнього Гоголя, С. П. Шевирьов, у листі, написаному у вечір на Великдень 1847 р., втішав його ось таким прикладом: «Раз случилось мне говорить с одним русским, богомольным странником, который собирался в Иерусалим и был у меня. Звали его Симеон Петрович. Рыженький старичок. У меня записана в книге вся его беседа, но есть в ней особенно одни слова, которые тебе принадлежат как комику. Выписываю из моей книги: «Весьма иронически и всегда с насмешкой говорил он о дьяволе, называя его дураком: «В яме сидит, дурак, сам, и хочет, чтобы и другие туда же засели. Прямой дурак!» Вот мысль русского и христианского комика: дьявол первый дурак в свете и над ним надобно смеяться. Смейся, смейся над дьяволом: смехом твоим ты докажешь, что он неразумен».

Гоголь відповів: «Слова твои о том, как чорта выставит дураком, совершенно попали в такт с моими мыслями. Уже с давних пор только о том и хлопочу, чтобы после моего сочинения насмеялся человек над чортом. Я бы очень желал знать, откуда происхождением тот старик, с которым ты говорил. Судя по его отзывам о чорте, он должен быть малороссиянин».

Письменник, таким чином, прямо пропонує вважати даний **образ зла** (а це важлива складова **образу світу!**) чинником національної своєрідності, причому не російської, а української. І якщо відомий російський міф про росіян малоє нам такий собі **народ-богоносець**, то чи не проглядають у нашому випадку контури паралельного йому українського міфу про українців як такий собі **народ-чортоборець**? За відповіддю на це запитання знову звернімося до «Миргорода».

1

Проте спершу було б, звичайно, цікаво дізнатися, наскільки Гоголь вгадав, «откуда происхождением тот старик», тобто знайти більше про старого богомольця у «книзі» Шевирьова. Однак схоже на те, що «книга» – це його рукописний щоденник, якого я не бачив і не знаю, чи його взагалі збережено в якомусь архіві. Була в мене слабка надія, що під «книгою» Шевирьов мав на увазі певні записи до майбутньої **друкованої** книги, найближчій у часі до даного листа, – «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (1850), але там нічого подібного нема, зате там є певна версія ставлення росіян до зла. Побувавши на місці звірств Іоанна Грозного, Шевирьов із подивом зауважує: «...все, касающееся до Иоанна, покрыто, по-видимому, забвеньем. На месте его чертогов и келий стоят памятники благочестия (себто храми. — В. З.). Одни мрачные каменные подземелья гадательно напоминают об нем. В народе не ходит ни сказки, ни песни, ни предания о грозном царе в том месте, которое было свидетелем его жестокостей и причуд. Вот еще добрая черта нашего народа! <...> На местах крови и зла мы издревле любили ставить не обелиски и не пирамиды египетские, но храмы и кресты. На Западе, в подобном случае, стояла бы какая-нибудь башня с привидениями и рассказывалась бы страшная легенда <...>». І за цією ознакою Україну, як вона представлена, наприклад, у гоголівському «Вії», слід було б віднести до Заходу. Страшна легенда там живе, а «пам'ятник благочестия», навпаки, навік зіпсований чудовиськами, які застрягли у дверях та вікнах, заріс лісом,

коренями, бур'яном, диким тереном, і ніхто не знайде тепер до нього дороги...

Однак перше запитання, на яке слід відповісти будь-кому, хто б спробував інвентаризувати цей сукупний образ зла за рядом національно своєрідного: а що ж є українського у «Вії»? яке він має відношення до реальної, історичної України?

Щоправда, останнє запитання не матиме сенса, допоки ми не визначимо часу дії, до якого хотів би віднести свою повість сам автор, не обумовимо певні, хоча б умовні, історичні рамки повісті. Адже, на відміну від «Тараса Бульби», тут у самому тексті немає жодної навіть приблизної дати, не згадано жодного імені історичних реальних осіб. Однак це не означає, що час дії не знали точно сам автор та його перші читачі. Адже час цей, як ми зараз побачимо, – час молодості дідусів та бабусь сучасної Гоголю молоді, і ці дідусі й бабусі, якби вони дожили до глибокої старості, могли б ще жити й у 1835 р. – що ж до легенд про їхню молодість, то вони на слуху у дітей й онуків. У тому числі в самого Гоголя, чий дід приблизно в той самий час, що й Хома Брут, учився у тому ж самому навчальному закладі, що й головний герой «Вія».

Ближчим до сучасності Гоголя час дії «Вія» не може бути ось чому. Одним з персонажів повісті є сотник, а цю посаду, як і весь козацький устрій України, Катерина II скасувала **1784 р.**, отже, дія повісті відбувається не пізніше 1784 р. Якщо час «Тараса Бульби» є сорокаліттям розквіту українського козацтва наприкінці XVI – у першій половині XVII ст. (від Берестейської унії до повстання Остряниці), то час «Вія» є сорокаліттям його повільної, проте неухильної агонії.

Чому саме *сорока* роками слід обмежити історичні обрії «Вія»? Тому що на початку повісті згадується «богослов, ростом мало чем пониже Киевской колокольни» [4, т. 2, с. 389]. У місті, де були десятки, а то й сотні дзвіниць, «Киевской колокольней» з великої літери можна було назвати лише одну. Це є символ нашого міста, видний здалеку при в'їзді до нього ще з-за Дніпра, – велика дзвіниця Печерської лаври заввишки 96,5 м. Її споруджено **1731–1744 рр.** за проектом Й. Шеделя. Протягом не лише другої половини XVIII, а й першої половини XIX ст. вона

була найвищою спорудою Києва. Таким чином, дія «Вія» відбувається не раніше 1744 р.

Зрозуміло, що бурсака з київською дзвіницею порівнює сам автор, а не сучасники бурсака – персонажі повісті. В авторському мовленні цілком можливим може бути порівняння із дзвіницею, збудованою вже після того часу, до якого віднесено події повісті. Крім того, не можна виключати анахронізм. У «Борисі Годунові» згадується шестиярусна дзвіниця Новодевічого монастиря, яку було зведено лише 1689–1690 рр. Таким чином, «нижня рамка» часу дії виглядає не надто переконливо – проте іншої в тексті нема, подякуємо Гоголю хоча б за «Києвську колокольню»!

Взагалі Київ «Вія» – місто гомінке, гучне, дзвінке.

«Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, висевший у ворот братского монастыря...» [4, т. 2, с. 388] – дзвенить уже перша фраза. «Вій» так само, як «Гарас Бульба», починається зі згадки про засновані на початку XVII ст. Київським братством братський монастир та братську школу, яка з 1632 р. стала називатися Києво-Могилянською колегією. З 1701 р. навчальному закладу був присвоєний статус академії. 1817 р. Київську академію закрили, а на її місці відкрили духовну семінарію, якій 1819 р. був присвоєний статус духовної академії.

Таким чином, називати її семінарією було неправильно. Адже у наступній фразі згадуються «грамматики, ритори, філософы и богословы». Але граматичного відділення в семінаріях не було, зате воно було у Київській академії: нижчі граматичні класи (фара та інфіма), середній (клас граматики), вищий граматичний клас (клас синтаксими) і вже після нього класи піітики, риторики, філософії та зрештою богослов'я.

«Філософ» Хома Брут є учнем передостаннього класу, він так і не перейшов в останній, богословський, що в контексті повісті набуває символічного значення. Самий же поділ бурсаків на академічні класи робить події у повісті фактом *міфологічного*, майже античного минулого, коли, як у давніх Афінах, по базарній площі (агорі?) вешталися юрби філософів.

От тільки доля цих простих українських хлопців, які отримували філософську освіту європейського рівня, докорінно змінилася, порівняно з випускниками того ж самого навчального закладу століття тому.

У той, тепер уже легендарний, Золотий Вік Тараса Бульби (XVII) – будь-який справжній філософ мав передусім понюхати пороху. Декарт в юності добровільно пішов у солдати, на Тридцятирічну війну. Гоголь тонко зауважив, що й українські Декарти, виховані в одному з найкращих університетів тодішньої Європи – Києво-Братській школі, – це не тільки сини Тараса, але й він сам:

« – Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоты-то не слишком разумею, то и не помню; Гораций, кажется?

«Вишь, какой батька! – подумал про себя старший сын, Остап, – все, собака, знает, а еще и прикидывается».

2

Ідея гетьмана Петра Сагайдачного, під патронатом якого й виникла Київська братська школа, полягала у вихованні в ній національної еліти, яскравими представниками якої зображені у Гоголя Тарас Бульба та його сини. Отже, бути богословом – це ще не межа бажань справді українського філософа. Його заповітна мрія – бути козаком.

«Да впрочем, что я в самом деле? Чего боюсь? Разве я не казак?» – міркує Хома, готуючись до вирішального поєдинку з нечистою силою. Формально він не є козак і, на відміну від філософів попереднього століття, таких як Бульба та його сини, ніколи ним не стане. Нема вже вільної нації козаків у розумінні попереднього століття; нема й національної еліти. Але душею він *має бути* козак. Проте національна еліта з *військової та урядової* має перетворитися на *духовну* – хоч спокус інших шляхів є багато, і ці спокуси є дуже привабливі й великі.

1734 р. до Києво-Могилянської академії вступив 12-річний Грицько Сковорода. 1742 р. Г. С. Сковорода, 20-річний студент філософського класу (тобто «філософ»), який так і не став

«богословом»), вибув з академії з причини відправки його до Глухова на конкурсний відбір до придворного хору Єлизавети Петрівни. Відбір він пройшов успішно разом із ще п'ятьма успішними кандидатами – а всього конкурсантів було 50.

Такий саме простий український хлопець, Олекса Розум, невдовзі теж успішно пройшов відбір до придворного хору. І після цього піддався високій спокусі й отримав вищу нагороду в особі тоді ще «панночки», а в майбутньому – цариці. Ось яким чином у той авантюрний час оберталася фортуна простих українських хлопців. Ми не знаємо, чи спало на думку щось до цього подібне 20-річному Сковороді. Проте спокуси цього світу він якщо не тоді, то дещо пізніше пізнав у повній мірі, бо чого ж просив написати на могильному камені, що світ його ловив, але не впіймав?..

Ми також не знаємо й ніколи не дізнаємось, результатом подолання якої саме спокуси стало одкровення філософа про «сродний труд». Суть його полягає у ствердженні єдиного й неповторного Божого покликання для кожної людини. Чорт же (а до його слуг Сковорода відносив і тих, хто уповає і, перш за все, тих, хто сіє й підтримує уповання на колективний порятунок на шляху *формальної* релігійності), навпаки, вимагає від людства колективізму. В одному з діалогів Сковороди архістратиг Михаїл так звертається до сатани:

«Силы твоя поют подлое, мирское, мерзкое. Сказать же Петровым в «Деяниях» словом – commune <...> просто сказать, грязь рыночную и обвившую Иезекиилевский оный опреснок мотылу (мотыла есть ветхославянское слово, римски – excrementum). Вежд же и сіе, яко нареченное Петром скверное, лежит в римском commune, сиречь общее <...> Кій же убо предлагаеши хлеб твой? Сам вкушай! Мирская община мерзка мне и тяжка. Сладка же и добра дева есть дивая странность, странная новость, новая дивость. Сію благочестивіи возлюбившие, устраниются міра, не міра – но скверного сердца его».

Цю думку Сковорода ілюструє прикладом десятої глави «Дій апостолів», де оповідається історія навернення до Христа першого язичника. Для нас цікаво, що цим язичником був

римський *сотник* Корнілій. Перед приходом посланих від сотника Бог тричі показав апостолу Петру посудину з нечистою для нього, єврея, їжею, і сказав: «Що від Бога очищене, не вважай за огидне того!» (Дії 10: 15). Академік М. В. Попович коментує це так: «Кероване високими мотивами індивідуальне рішення, очищене від тиску базарного бруду так званої суспільної opinio, уподібнюється ритуальному освяченню нечистої язичницької їжі».

До речі, саме наведена теза сучасного філософа наштовхує на думку про можливе походження прізвиська гоголівського «філософа» саме від **бруду**. Традиційне пояснення цього прізвиська як такого, що має щось спільне з ім'ям римського аристократа, вбивці Цезаря, якось погано в'яжеться з усім його надто вже «демократичним» образом. Невже ж Гоголь серйозно думав про Хому, як юний Пушкін про Чаадаєва: «Он в Риме был бы Брут»?.. Злодійкувато оглядаючи, в юрмі йому подібних «філософів» і навіть «богословів», київський базар, де «бабы <...> – все ведьмы», він являв собою певно ж не базарного Брута, а базарний *Бруд*.

Проте філософ Сковорода, себто справжній філософ, заступається за весь цей демократичний *бруд*:

«Неужель ты думаешь, что премилосердная и попечительная мать наша натура затворила им двери к счастью, сделався для них мачехою? Ах, пожалуй, не клевети на всемогущее ея милосердіе. Она для всякаго дыханія добра, не для некоторых выборных из одного точію человеческого рода; она рачительнейшим своим промыслом все то изготовила, без чего не может совершиться последняго червяка щастіе, а естли чего недостает, то, конечно, лишнаго».

Чи випадково «філософ» Хома стає учасником дивовижних стосунків *сотника*, який шукає істину в яких-то там книжках, і ректора академії, який ці книжки йому посилає «за крупу и яйца», в очікуванні «хорошей осетрины»? Чи можна отримати істину «за крупу и яйца»?.. Але: «Що від Бога очищене, не вважай за огидне того!». І ніби у продовження паралелі з главою «Дій апостолів», Хома перед приходом посланців сотника подібно Петрові «взалкав». Однак «скільки філософ ни шарил

по углам, не отыскал ни сала, ни книша, что по обыкновению запрягиваемо было бурсаками».

Разом з тим не будемо забувати, що на титулах перших видань обох частин «Миргорода» чітко вказано, що ця книжка є продовженням «Вечорів на хуторі біля Диканьки». Якби читачі захотіли зрозуміти це буквально, то доволі легко могли б з'ясувати, продовженням яких саме повістей є «Вій»: «Майської ночі, або Утопленої» та «Страшної помсти». З першої прийшла, вже як легенда, історія про сотника та його дочку; з другої – *ігумен Братського монастиря*, якому, завдяки його тонкому розумінню природи всевітнього зла, багато з того, що відбудеться потім, відкрито заздалегідь.

Отже, час «Вія» – *історико-міфологічний*: минуле й не може бути нічим іншим.

Під *ігуменом Братського монастиря* у «Страшній помсті», можливо, мається на увазі такий знавець різноманітних засобів боротьби з «духами нечистими», як Петро Могила, упорядник «Последования молебного о избавлении от духов нечистых». Він хоч і був архимандритом Києво-Печерського, а не ігуменом Братського монастиря (а потім і митрополитом Київським і Галицьким), однак опікувався й *Братською школою*, з якої потім, як ми вже знаємо, й зросла названа на його честь Києво-Могилянська колегія (у XVIII ст. – академія).

Маючи такого патрона, як Петро Могила, «філософи» та «богослови» з академії звісно ж мали «нести в маси», крім усього іншого, «избавление от духов нечистых». Здається, не зовсім безпідставним було б і припущення, що це саме його книжки посилав сотнику сучасний Хомі ректор, хранитель і продовжувач не так канонічної, як містичної традиції академічного ексурсизму.

З цією проблематикою пов'язана ще ціла низка історичних та історико-міфологічних реалій. «В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами. Иногда разыгрывали комедию, и в таком случае всегда отличался какой-нибудь богослов <...>, представлявший Иродиаду или Пентефрию, супругу египетского царедворца» [4, т. 2, с. 179].

Дружина царя Ірода, яка хитрістю домоглася від нього страти Івана Хрестителя, тут точно співвіднесена з дружиною єгипетського можновладця Потифара або Петефреса, яка марно пробувала спокусити Йосифа Прекрасного. Так само, як Іродіада в Новому, дружина Потифара у Старому Заповіті є символом жіночої підступності й мирської спокуси. Згадка про обох біблійних «антигероїнь» готує появу демонічного образу панночки-відьми, цього «архетипу аніми», зображеного у традиціях українських вертепних інтермедій та бурсацьких драм. До речі, одним із знаменитих авторів подібних інтермедій XVIII ст. був предок Гоголя по матері Василь Танський.

На шляху самопізнання, як пошуку власного покликання, Хома Брут, цей «філософ», заздалегідь готовий *бути як усі*, – неодмінно, *як усі*, зустрівся з проблемами кохання і смерті – випробування «еросом» і «танатосом». Саме у цей вирішальний момент має проявитися його покликання, адже випробовується його ідентичність, відбувається його ініціація.

Як християнин (до того ж такий, що готується прийняти духовний сан), призначений бути прямим продовжувачем діла Ісуса й Петра, – він мусить, коротко кажучи, «піти до сотника». Як українець, козак, він мусить не лякатися чорта, а протидіяти й перемогти його. Зрештою, як студент *Могилянської академії*, він мусить не тільки дбати «о избавлении от духов нечистых», а й володіти відповідною методикою.

Проте він не склав свій іспит, не пройшов ініціацію – тому й пропав. Український **народ** такий саме «чортоборець», як російський – «богоносець». На такі справи є *еліта*, Хома ж до неї так і не потрапив. А міг би потрапити, як *кожен* християнин: «Але ви, – говорить, звертаючись до *всієї* церкви, все той же апостол Петро, – вибраний рід, священство царське <...> колись «ненарод», а тепер народ Божий» (1 Пет. 2: 9–10).

Література:

1. *Борщак І.* Вольтер і Україна / *І. Борщак* // Україна. — 1926. — № 1. — С. 34—42.

2. *Воропаев В.* Гоголь и «русско-украинский вопрос» / В. Воропаев // Московский журнал. — 2002. — № 1. — С. 10—19.
3. *Вольтер Ф. М.* История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России / [пер. и коммент. Д. Соловьева] / Ф. М. Вольтер. — СПб. : Лимбус Пресс, 1999. — 304 с.
4. *Гоголь Н. В.* Полное собрание починений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937—1952.
5. *Н. В. Гоголь*: Материалы и исследования / АН СССР. Ин-т рус. лит. ; под ред. В. В. Гиппиуса; отв. ред. Ю. Г. Оксман. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. — [Т]. 1—2.
6. *Грабович Г.* Гоголь і міф України / Г. Грабович // Сучасність. — 1994. — № 10. — С. 130—160.
7. *Григорович Н.* Канцлер князь Безбородко / Н. Григорович // Русский архив. — 1877. — № 1. — С. 33—48.
8. *Денисов В. Д.* Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н. В. Гоголя) : монография / В. Д. Денисов. — СПб. : Изд-во РГГМУ, 2006. — 276 с.
9. *Дециньський Л.* Дубно. Краєзнавчий нарис / Л. Дециньський, П. Савчук. — Львів, 1973. — 46 с.
10. *Дзира Я.* Вступ / Я. Дзира // Літопис Самовидця / [підгот. Я. Дзира]. — К. : Наукова думка, 1971. — С. 4—45.
11. *Дорошенко Д.* Нариси з історії України : у 2 т. Т. 2 / Д. Дорошенко. — К., 1991.
12. *Звinyaцьковський В. Я.* Николай Гоголь. Тайны национальной души / В. Я. Звinyaцьковський. — К. : Линей, 1994. — 543 с.
13. *Звinyaцьковський В. Я.* «Пасичник Рудый Панько» / В. Я. Звinyaцьковський // Русская речь. — 1990. — № 1. — С. 133—139.
14. История русов, или Малой России. — М., 1846.
15. *Казарин В. П.* Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Вопросы творческой истории / В. П. Казарин. — Киев – Одесса, 1986.
16. *Лазаревский Ал.* Сведения о предках Гоголя / Ал. Лазаревский. — К., 1901.
17. Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и междуособиях, бывших в Малой России по его смерти // Страна казаков ; [сост. А. А. Олейников]. — К., 2004.
18. *Луцький Ю.* Між Гоголем і Шевченком / Ю. Луцький. — К., 1998.
19. *Максимович М. А.* Собр. соч. : в 3 т. Т. 1 / М. А. Максимович. — К. Типография М. П. Фрица, 1877. — 847 с.
20. *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809—1845 / Ю. В. Манн. — М. Аспект Пресс, 2004. — 813 с.

21. *Михед П.* Зауваги на берегах / Павло Михед // Нові Гоголезнавчі студії. — Ніжин : ТОВ «Видавництво «Аспект-Полиграф», 2007. — Вип. 5 (16). — С. 240—247.
22. *Полонська-Василенко Н.* Історія України : у 2 т. Т. 1. / Н. Полонська-Василенко. — [3-те вид.]. — К. : Либідь, 1995. — 672 с.
23. *Субтельный О.* Украина: История / Орест Субтельный ; [пер. с англ. В. Звизняцковского и Г. Касьянова]. — 3-е изд., перераб. и доп. — К., 1994. — 736 с.
24. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 25. Е. х. 173. Л. 400 об.
25. *Чижевський Д.* Історія української літератури / Д. Чижевський. — Нью-Йорк : Українська Вільна Академія Наук у США, 1956. — 511 с.
26. *Чухліб Т.* Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713) / Т. Чухліб. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська Акад.», 2004. — 288 с.
27. *Шевченко Т.* Твори : у 5 т. Т. 1 / Тарас Шевченко. — К., 1970.
28. *Шульгин В.* История университета св. Владимира / В. Шульгин // Русское слово. — 1859. — № 10. — С. 25—30.
29. *Voltaire.* Histoire de Charles XII, Roi de Suede. — Paris : P. et F. Didot, 1817. — 342 p.

References:

1. Borshhak I. Voltaire and Ukraine [Vol'ter i Ukraïna]. *Ukraine [Ukraïna]*, 1926. № 1. P. 34—42.
2. Voropaev V. Gogol and “Russian-Ukrainian Question” [Gogol' i “russko-ukrainskij vopros”]. *Moscow Magazine [Moskovskij zhurnal]*, 2002. № 1. P. 10—19.
3. Vol'ter F. M. History of Charles XII, King of Sweden, and Peter the Great, Emperor of Russia. Per. and a comment. D. Solovyov [Istorija Karla XII, korolja Shvecii, i Petra Velikogo, imperatora Rossii. Per. i komment. D. Solov'eva]. St. Petersburg, Limbus Press Publ., 1999. 304 p.
4. Gogol' N. V. Complete meeting of renovations: in 14 v. [Polnoe sobranie pochinenij: v 14 t.]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1937—1952.
5. N. V Gogol: Materials and Research. Academy of Sciences of the USSR. In-t Russian. Lit ; ed. V. V. Hippus; otv Ed. Yu G. Oksman [N. V. Gogol': Materialy i issledovanija. AN SSSR. In-t rus. lit. ; pod red. V. V. Gippiusa; otv. red. Ju. G. Oksman]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936. T. 1—2.

6. Grabovich G. Gogol and the myth of Ukraine] [Gogol' i mif Ukraïni]. *Contemporary* [*Suchasnist'*], 1994. № 10. P. 130—160.
7. Grigorovich N. Chancellor Prince Bezborodko [Kanceler knjaz' Bezborodko]. *Russian Archives* [*Russkij arhiv*], 1877. № 1. P. 33—48.
8. Denisov V. D. The author's world and the worlds of his heroes (about the early work of N. V Gogol): monograph [Mir avtora i miry ego geroev (o rannem tvorchestve N. V. Gogolja): monografija]. St. Petersburg, Izd-vo RGGMU Publ., 2006. 276 p.
9. Deshhins'kij L., Savchuk P. Dubno. Local studies [Dubno. Kraeznavchij naris]. L'viv, 1973. 46 p.
10. Dzira Ja. Introduction [Vstup]. *Chronicles of Samovydet's. Prepared. Ya Dzira* [*Litopis Samovidcja. Pidgot. Ja. Dzira*]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1971. P. 4—45.
11. Doroshenko D. Essays on the history of Ukraine: in 2 v. V. 2 [Narisi z istorii Ukraïni: u 2 t. T. 2]. Kiev, 1991.
12. Zvinjackovskij V. Ja. Nikolai Gogol. Mysteries of the national soul [Nikolaj Gogol'. Tajny nacional'noj dushi]. Kiev, Linej Publ., 1994. — 543 p.
13. Zvinjackovskij V. Ja. “The beekeeper Rudyj Panko” [“Pasichnik Rudyj Pan'ko”]. *Russian Speech*. [*Russkaja rech'*]. 1990. № 1. P. 133—139.
14. The history of Rus, or Minor Russia [Istorija rusov, ili Maloj Rossii]. Moscow, 1846.
15. Kazarin V. P. The story of N. Gogol “Taras Bulba”. Questions of creative history [Povest' N. V. Gogolja “Taras Bul'ba”. Voprosy tvorcheskoj istorii]. Kiev – Odessa, 1986.
16. Lazarevskij Al. Information about the ancestors of Gogol [Svedenija o predkah Gogolja]. Kiev, 1901.
17. Chronicle of the Samovist about the wars of Bohdan Khmel'nitsky and the internedoes who were in the Minor of Russia after his death [Letopis' Samovidca o vojnah Bogdana Hmel'nickogo i mezhdousobijah, byvshih v Maloj Rossii po ego smerti]. *The Country of the Cossacksio Cons. A. Aleinikov* [*Strana kazakov Sost. A. A. Olejnikov*]. Kiev, 2004.
18. Luc'kij Ju. Between Gogol and Shevchenko [Mizh Gogolem i Shevchenkom]. Kiev, 1998.
19. Maksimovich M. A. Collect. op. in 3 v. V. 1 [Sobr. soch.: v 3 t. T. 1]. Kiev Tipografija M. P. Frica Publ., 1877. 847 p.
20. Mann Ju. Works and days: 1809—1845 [V. Gogol'. Trudy i dni: 1809—1845]. MOSCOW Aspekt Press Publ., 2004. 813 p.
21. Mihed P. Comments on the banks [Zauvagi na beregah]. New studios about Gogol [Novi Gogoleznavchi studii]. Nizhin, TOV “Vidavnictvo “Aspekt-Poligraf” Publ., 2007. Vip. 5 (16). P. 240—247.

22. Polons'ka-Vasilenko N. History of Ukraine: in 2 v. V. 1. [Istorija Ukraïni: u 2 t. T. 1]. 3-te vid. Kiev, Libid' Publ., 1995. 672 p.

23. Subtel'nyj O. Ukraine: History. Translated from english V. Zvi-nyatkovskogo and G. Kasyanova [Ukraina: Istorija. Per. s angl. V. Zvinjackovskogo i G. Kas'janova]. 3-e izd., pererab. i dop. KIEV, 1994. 736 p.

24. *Central State Historical Archive of Ukraine [Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Ukrainy]*. F. 25. E. h. 173. L. 400 ob.

25. Chizhevs'kij D. History of Ukrainian Literature [Istorija ukraïns'koï literaturi]. New York, Ukraïns'ka Vil'na Akademiya Nauk u SSHa Publ., 1956. 511 p.

26. Chuhlib T. Getmans of the Right-Bank Ukraine in the History of Central and Eastern Europe (1663–1713) [Get'mani Pravoberezhnoï Ukraïni v istoriï Central'no-Shidnoï Evropi (1663–1713)]. Kiev, Vid. dim “Kievo-Mogiljans'ka Akad.” Publ., 2004. 288 p.

27. Shevchenko T. Works: in 5 v. V. 1 [Tvori: u 5 t. T. 1], Kiev, 1970.

28. Shul'gin V. History of the University of St. Vladimir [Istorija universiteta sv. Vladimira]. *Russian word [Russkoe slovo]*. 1859. № 10. P. 25—30.

29. Voltaire. [Histoire de Charles XII, Roi de Suede]. Paris, P. et F. Didot Publ., 1817. 342 p.

Анотація

ІСТОРИЧНЕ ЯДРО «МИРГОРОДА» У СВІТЛІ ЖАНРОВО-МІФОЛОГІЧНИХ ОЧІКУВАНЬ ХVІІІ – ПЕРШОЇ ТРЕТИНИ ХІХ СТ. ТА ДОКУМЕНТОВАНОЇ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

У статті розглядаються дві повісті Гоголя, що формують композиційне ядро збірки «Миргород», – «Тарас Бульба» та «Вій». Ці повісті відрізняються від двох інших повістей цієї ж збірки ще й тим, що їхня дія відбувається не за часів Гоголя, а в минулому, а це природним чином збуджує читачку цікавість щодо їхньої історичності. Традиційно вважають історичною повість «Тарас Бульба», тим часом «Вій» відносять до жанру фантастичної повісті, яка ніби й не претендує на історизм. Цьому традиційному підходу автор статті протиставляє низку фактичних аргументів, що доводять історизм «Вія», так само як і наявність свідомо допущених Гоголем елементів історичної фантастики в «Тарасі Бульбі», які працюють на доповнення існуючого в його час «міфу України».

Ключові слова: жанрово-міфологічні очікування, проблема історизму, міф України, проект Україна.

Аннотация

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯДРО «МИРГОРОДА» В СВЕТЕ ЖАНРОВО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОЖИДАНИЙ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. И ДОКУМЕНТИРОВАННОЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

В статье рассматриваются две повести Гоголя, формирующие композиционное ядро сборника «Миргород», – «Тарас Бульба» и «Вий». Эти повести отличаются от двух других повестей этого сборника тем, что действие их происходит не во времена Гоголя, а в прошлом, что естественно возбуждает вопрос об их историчности. Традиционно считают исторической повесть «Тарас Бульба», в то время как «Вий» относят к жанру фантастической повести, как бы не претендующей на историзм. Этому традиционному подходу автор статьи противопоставляет ряд фактических аргументов, доказывающих историзм «Вия», равно как и наличие сознательно допущенных Гоголем элементов исторической фантастики в «Тарасе Бульбе», работающих на досоздание существующего в его время «мифа Украины».

Ключевые слова: жанрово-мифологические ожидания, проблема историзма, миф Украины, проект Украина.

Summary

THE HISTORICAL CORE OF “MIRGOROD” IN THE LIGHT OF GENRE / MYTH EXPECTATIONS IN XVIII AND THE 1ST THIRD OF XIX CENTURIES AND DOCUMENTED HISTORY OF UKRAINE

A proposed article deals with two Gogol’s stories – “Taras Bulba” and “Viy”. These stories tell about some events and heroes of the past and form a composition core of “Mirgorod” collection (respectively two other stories in this collection are devoted to the contemporary heroes and events). The traditional view on “Taras Bulba” and “Viy” is that the first is really “historical” one, but the second is not, because it is “fantastic”. To this traditional approach, the author of the article opposes a number of factual arguments proving the “Viy” historicism, as well as the existence of elements of historical fiction in “Taras Bulba”. Those elements were consciously included by Gogol in order to substantiate already existing “myth of Ukraine”.

Keywords: genre / myth expectations, problem of historicism, myth of Ukraine, project Ukraine.

Владимир Казарин (*Киев*)
Марина Новикова (*Симферополь*)

Н. В. ГОГОЛЬ: «СТРАШНАЯ МЕСТЬ» – КРУГ И ЧАША

1

Во время Международных филологических конференций, периодически проходивших в последние десятилетия в Западном Крыму, в небольшом курортном городке Саки (крымскотатарский топоним – Saq, Сакъ), сложилась добрая традиция: участники возлагали цветы к памятнику Н. В. Гоголю (проект заслуженного художника Украины, почётного гражданина города Саки, киевского скульптора Петра Федосеевича Мовчуна). К 200-летнему юбилею Н. В. Гоголя (далее — Н. Г.) в газете «Слово города» была напечатана на целую полосу статья известного краеведа, многолетнего директора местного музея Л. Д. Юдиной, автора множества публикаций и книг о Саках. В статье были указаны традиционные источники, содержащие сведения о пребывании Н. Г. в Крыму в июне-июле 1835 года (главным образом, письма и воспоминания современников [7; 20]). Другого фактического материала о пребывании Н. Г. в Крыму, по мнению Л. Д. Юдиной, нет. Она же резюмировала: «Посещение Тавриды <...> не отразилось, к сожалению, в его (Гоголя — Авт.) творчестве» [33].

Последнее утверждение, на наш взгляд, столь же неверно, сколь и общеупотребительно. Не будем трогать херсонских отсылок Н. Г. в «Мёртвых душах», хотя степная Херсонщина административно входила в состав Таврической губернии (так называемая, Северная Таврия) [8]. Вспомним фантастическую, но *небезосновательную* «Симферопольскую и Карасубазарскую» епархию в «Беге» М. А. Булгакова [1] и *Корсунский* монастырь на Херсонщине, якобы подчиненный тому же епископу. *Степной* Крым в российском и европейском культурмышлении XVIII–XIX и даже начала XX века явно тяготел к

стенной же Украине-«Малороссии». Вспомнить можно и гоголевские крымские рефлексии: казацкие походы в «Тарасе Бульбе» (особенно походы «былые», ретроспективные [15]), «шаровары, шириною в Чёрное море, с тысячью складок и со сборами», которые надевают перед отъездом в Запорожскую Сечь сыновья Тараса – Остап и Андрий [9, т. II, с. 51] и другое.

Не был Крым забыт писателем и позже. С конца 1840-х годов, когда его здоровье опять пошатнулось, он снова стал думать о поездке на юг. Главной причиной, которая препятствовала осуществлению планов Н. Г., была нехватка денег. 3 октября 1851 года в письме матери он подводит черту под своими планами вновь посетить полуостров: «На прожитьё в Крыму вряд ли бы достало средств» [9, т. XIV, с. 254].

Меньше чем через пять месяцев писателя не стало. Поневоле подумаешь: а не мог ли Крым продлить его жизнь?

Но всё это уже тема для отдельной статьи, и мы надеемся к ней вернуться. Сейчас мы хотим обратить внимание на другой – удивительный – факт: Крым получил «отражение» в творчестве Н. Г. за три-четыре года до того, как писатель его посетил. Речь идёт о повести «Страшная месть». В её XIV главе рассказывается, как после убийства Колдуном своей дочери Катерины – «показалось» за Киевом «неслыханное чудо», посмотреть на которое собирались «все паны и гетманы»: «<...> вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Чёрное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою поднимавшийся из моря, и болотный Сиваш». Видны стали и «земля Галичская», и Карпатские горы, и «самая высокая гора» Криван (фигурирует в повести четыре раза: в главах XII, XIV, XV, XVI) [9, т. I, с. 275].

Показательно, что на Юге «бывалые люди» различают не только синеющий Лиман, а за ним – Чёрное море (ещё трижды будет упомянуто в главах IV, IX и XV) и Крым (он назван также в главе XV), «горою поднимавшийся из моря» (имеется в виду «святая» гора Чатыр-Даг, отражённая в многочисленных преданиях и знаменитом сонете Адама Мицкевича). Видят «бывалые люди», в молодости воины и чумаки, и так называемое море «Гнилое»: Сивашскую затоку со стороны Арабатской стрелки и

Азовского моря¹. Кстати, для Сиваша это также второе упоминание в повести, первый раз он фигурирует во II главе как «Солёное озеро» в рассказе о битве Сагайдачного с ордой. Названо Гнилое море («болотный Сиваш») в повести об истории Украины недаром: это район *многовековых* соляных промыслов и чумачества [19]².

При чем же тут Саки? А при том, что сам Н. Г., вернувшись в Полтаву, своё пребывание в Саках описывал так: «Был <...> в Крыму, где пачкался в минеральных грязях» [9, т. X, с. 369]. Грязи, соль, рапа – вот основные природные особенности Крымского перешейка и омывающих его кос, лиманов, заток и грязевых озер.

В 1835 году Н. Г. на личном опыте познакомится с тем, что он так провидчески, на основании легенд и путевых очерков, описал ранее.

2

О своём пребывании в Крыму Н. Г. оставил ещё несколько не менее таинственных строк.

Вернувшись в родную Васильевку, в письме от 11.07.1835 в Харьков, профессору И. И. Срезневскому, Н. Г. сообщает: «<...> я намерен отдохнуть после поездки моей в Крым, где *странствовал для здоровья и для того, чтобы повидать его* (выделено нами. — Авт.)» [9, т. X, с. 368]. «Его» – это Крым, что ясно из окружающего контекста. Удивляет, что слова эти Н. Г. написал не *до* поездки в Крым (т. е. не в виде плана, мечты, намерения), а *после* таковой поездки. Спрашивается: где же он «странствовал» по Крыму? И почему Н. Г. так важно было «повидать его»?

Уже не из Васильевки, а из не менее родной Полтавы, практически одновременно, с разницей в четыре дня (письмо от 15.07.1835), Н. Г. напишет в Петербург поэту и литературному наставнику многих стихотворцев золотого российского века – В. А. Жуковскому: «*Всё почти мною изведено и узнано <...>* (выделено нами. — Авт.)» [9, т. X, с. 369]. Сказано это о том же Крыме, и сказано словами ответственными и также загадоч-

ными: «почти всё» (!) «изведано» (?!?) и «узвано» (?!). Оставим в покое слово «узвано», его можно объяснить чтением дорожных заметок других путешественников по Крыму. Но «изведано» как понимать? Что мог Н. Г. «изведать» в глухой сакской степи? В том Крыму, куда попал первый и последний раз в жизни?

Правда, ниже прибавлено в ином, шутивно-светском тоне: «Был только в Крыму (Н. Г. собирался ещё на Кавказ. — Авт.), где пачкался в минеральных грязях. Впрочем, здоровье, кажется, уже *от одних переездов* поправилось. *Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество*, так что <...> много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев. Но жар вдыхает страшную лень, и только десятая доля положена на бумагу и жаждет быть прочтённою Вам. Через месяц я буду сам звонить в колокольчик у ваших дверей, крехтя от *дюжей тетради* (выделено нами. — Авт.)» [Там же].

Итак, из второго письма можно извлечь, по меньшей мере, следующую информацию. 1. Н. Г. действительно (а не только в мечтах) собирался путешествовать по Крыму. 2. Он действительно по Крыму пропутешествовал. 3. Плодом этих путешествий стали многочисленные наброски. 4. Наброски эти сделаны не в форме отдельных строк или беспорядочных фрагментов, а в форме «сюжетов и планов», то есть относительно законченных тематико-композиционных «дайджестов» (как сказали бы мы сегодня). 5. Их он уже через месяц собирается представить на суд наставника.

Н. Г. любил мистификации. Может быть, он хотел «поиграть» с В. А. Жуковским, сочинив свои «переезды» по Крыму? Зарезервируем и эту гипотезу. Однако учтём, что В. А. Жуковский вскоре сам побывает в Крыму (1837) и что о Крыме к тому времени накопилась немалая литература путешествий. Розыгрыш был бы в этих условиях делом нелёгким. А если розыгрыша не было? Тогда можно повторить вопросы: где же и когда же всё это с Н. Г. происходило? Неужели в Крыму? В том самом Крыму, о котором «общеизвестно», что Н. Г. ничего о нём не написал? Вдобавок, грязелечение – процедура весьма изнурительная, к тому же идущая под строгим контролем врача.

В Саках все грязевые процедуры курировал тогда заботливый и требовательный доктор – Николя (Николай Антонович) Оже (1800–1853)³. Крайне сомнительно, чтобы пациента, находящегося в полном упадке сил (а именно в таком состоянии приехал в Саки Н. Г.), притом в разгар лечебных процедур, доктор Оже отпустил «повидать» Крым.

Второе недоумение. После Пушкина Крым практически всей русской литературой первой половины XIX века воспринимался как романтический «волшебный край». В Саках «изведать и узнать» об этом крае «почти всё» было, конечно же, немислимо. Каким же образом сумел тогда Н. Г. не просто интеллектуально «узнать» о Крыме «почти всё», но также «изведать» всё таинство этого края? Напомним снова: о своём крымском опыте Н. Г. пишет не кому-либо, а знаменитому поэту, мистика и романтику...

С такими – доселе не решёнными – биографическими загадками мы переходим к загадке следующей, поэтологической. Попробуем разгадать смысл гоголевской «крымской рефлексии» на языке не только романтизма, но и тысячелетней символики.

3

Действие в «Страшной мести» происходит не на Юге. Чтобы увидеть «Гнилое море» из Среднего Поднепровья, нужен глобальный катаклизм Земли. Окоём (украинский «овид») должен окаймить не выпуклый участок шарообразной планеты, а гигантскую *впадину*. Её центр (он же дно впадины) занимает обычная равнина. Зато море (сливаясь с небом) поднимается чудесным образом вверх – на кромку кругозора. То есть перед участниками эпизода и нами, читателями, возникает огромная *чаша*.

Чаша (с окоёмом по краям) – древнейший символ «всесвіту», всего «белого света». В «свёрнутом», вещном виде то же значение (*неметафорическое!*) несёт чаша Причастия (Потир [26]), чаша Евхаристии. Её также поднимают кверху «о всех и за вся». Аналогично, чаша в «Страшной мести» вмещает

в себя всю Украину – с Карпатами на Юго-Западе и *вставшим* не то Чёрным, не то Азовским морем на Юго-Востоке. Возникает откровенная аллюзия на воды Красного («Чермного») моря в Библии. Оно тоже встало и разомкнулось перед евреями во время их Исхода из Египта, а затем сомкнулось и поглотило колесницы фараона⁴. Так и гоголевская Чаша предвещает гибель Колдуна.

В процессе создания данной работы авторы получили немало ценных дополнений и уточнений от своих коллег. Пользуемся случаем выразить им всем нашу признательность. Так, Т. Н. Потницева (Днипро) предложила несколько дополнительных соображений в пользу выдвинутой нами интерпретации гоголевской повести. В частности, она справедливо отмечает, что «одна из первых проекций взгляда <...> снизу вверх» идёт у Н. Г. «с левобережной (низменной) стороны Днепра на сторону гористую, правобережную». Но ведь на тех же горах была заложена Киево-Печерская Лавра и сам Киев, прозванный в древности «новым Иерусалимом». Получается, что в картине мира повести главная святыня православной Киевской Руси и главная священная высота Крыма – гора Чатыр-Даг (или, по-гоголевски, «гора Крым») – увидены одинаково: снизу, из грешного земного мира «оболони», «гнилого моря», «грязи», – вверх, в мир горный и горний, «правый» и святой.

В этой священной, сверхзначимой топографии повести гора Криван (гора Карпатского Всадника) противопоставлена не только святым Киевским горам. Ей противостоит и Чатыр-Даг: гора, которую Адам Мицкевич с формульной точностью и символической мощью назвал в своём сонете «минаретом вселенной». Путешественники, побывавшие в Крыму (будь то поэты или чумаки), все слышали о том, что крымские греки поставили на вершине Чатыр-Дага часовню в честь Богоматери «Всесвятой». Раз в году православные совершали к этой часовне крестный ход. Так сам Крым (как и сама Украина-Русь) неоспоримо становились Чашей, возносимой к Небу «о всех и за вся».

Но и зло пытается овладеть святынями, принудить их «работать» на себя. Проникнув на киевской свадьбе сына есаула Горобца внутрь священной Чаши, Колдун *отравляет* её своим присутствием: «“Беда будет!” – говорили старые, крутя головами» [9, т. I, с. 245]. Инвертируется сам *свадебный обряд* [4]⁵, описанный Н. Г. в главе I повести «Страшная месь». В сердцевине своей он содержит *причастие* брачующихся. Во время заколдованной свадьбы из отравленной чаши выпьют и Данила (он утрачивает смысл своего существования), и Катерина (она не сможет сопротивляться чарам отца).

Для начала, однако, скажем не о собственно чаше, а о круге [29]: о *кругозоре* как рамке картины мира Н. Г. – по крайней мере, в «Страшной мести». Кругозор – и впрямь древний символ всего «белого» (т. е. дневного) света. Объясняется это просто. Кругозор – граница *видимости*, а то, что видимо – оно человеческое, живое, реальное, «своё» [14]. И обратное: всё, что «*невидимо*» (или зрительно *искажено*), как раз потому выглядит нечеловеческим, не живым, ирреальным, «чужим».

В этом смысле гоголевская Чаша – кругозор *нормальный*. Но особый: это кругозор с *высоты*. Так – сверху – видит «долину слез» в Адской части своей «Божественной комедии» Данте⁶.

Дантовское сравнение для мира «Страшной мести» вполне актуально [11, с. 486; 12]. *Правильному* кругозору лучше видно всякую неправильность. Сакские грязи исцеляют, сивашская соль возвращает вкус – обе они работают именно в правильном, *нормальном* направлении. Колдун делается уродливым, старым и горбатым в центре гоголевского мира: именно там и тогда – где и когда уже не может не проступить *истинный* облик, *подлинная* суть всякого человека.

Оттого Чаша у Н. Г. сущностно и функционально *противоположна* зеркалу Азазелло в «Мастере и Маргарите» у М. А. Булгакова. Для Азазелло, демона смерти и зла [2], *реальны* только смерть и зло. Для Н. Г. Чаша-Украина сама по себе не может быть ни ужасом, ни уродством. Функционально она подобна сакским грязям. Те «выпаривают», выводят наружу и тем самым уничтожают внутренние, скрытые слабости и недуги

человека. Чаша, «явившая» миру горбатого Колдуна, тем самым уничтожает одну из самых опасных чар зла – чару чёрной тайны.

Помимо того, Чаша у Н. Г. полным-полна, и полна она особой полнотой. Чтобы уяснить эту полноту, придётся перенестись временно в другой священный центр – британский: на равнинные пустоши Солсбери. Туда, где высится памятник доисторической архаики – Стоунхендж [31].

Стоунхендж – гигантский кромлех, т. е. круг. Образован он двумя дугами вертикальных каменных плит. Те, в свою очередь, сгруппированы по три, составляя ворота-трикамни, – по-научному, трилиты. О каменных чудесах Стоунхенджа можно рассказывать долго. Но не они являются сейчас предметом нашего интереса. И не еще более обширные круги (иногда – из стоячих камней, иногда – изо рвов, валов, курганов или тех же кромлехов) – круги, исчертившие всю Солсберийскую равнину. Вместе со столь же доисторическими дорогами (так называемыми «аллеями процессий») круги эти доходят до британских берегов Атлантики и перешагивают на противоположный берег, во французскую Бретань...

Все эти магические круги (а вдобавок к ним – круги «допотопных» памятников Шотландии и Ирландии) изучали совместно британские геофизики и британские археологи. Геофизики учли, что все «чудеса могучей природы» (А. Н. Островский), породившие на поверхности «чудеса» ландшафта и культурно-исторических памятников, уходят вглубь: к «чудесам» земных недр, хранилищ «предыстории». А археологи, идя вслед за геофизиками, нарисовали карты ожидаемых, прогнозируемых находок. Ибо те залегают не где попало, а выстраиваются вдоль геофизических маркеров Земли: магнитных аномалий, тектонических сдвигов, термических скважин, грязевых вулканов и т. п. Пониманием этого рождён в XII-й главе «Страшной мести» рассказ Н. Г. о том, как по всей Европе через давно обжитые людьми территории Польши и Германских земель, Венгрии и Румынии «идут рядами высоковерхие горы», «каменными цепями» перекидывают они

«вправо и влево землю и обковывают её каменной толщей» [9, т. I, с. 271].

Крым здесь не исключение [24]. Украина тоже [28]. К огорчению филологов и культурологов, подробные геофизические карты до сих пор остаются секретными документами военных и специальных ведомств. Но наметить (по описанной британцами методике) хотя бы *очертания границ* символической гоголевской Чаши – можно. Сделать это можно именно потому, что границы эти символические⁷.

В картине мира «Страшной мести» имеются, как и положено в символической метафизике, три фиксированные точки. Во-первых, это Центр – Киев и Киево-Печерская Лавра. Во-вторых, это ближняя Граница – Черное море и Крым. В-третьих, дальняя Граница – «самая высокая гора» Криван (одна из вершин Высоких Татр – отрогов Карпат на территории Словакии). Легенда гласит: возле этой горы как раз и разверзается «бездонный провал». В гоголевской повести в провал этот злой Брат сбросил доброго Брата вместе с Ребёнком. А на посмертном суде уже добрый Брат запросит у Бога вечное проклятие на всех потомков Брата злого. Бог же выполнит эту просьбу, однако наложит на мстителя судьбу, тоже тяжкую. Отныне и до конца рода злого Брата – его добрый Брат с Ребёнком на руках займёт место на Криван-горе и не сможет ни умереть сам, ни похоронить Сына...

Итак, у нас есть три «роковые» точки гоголевского мира, а отсюда и гоголевского сюжета. Возьмём циркуль. Разведём его на эти расстояния (памятуя, что мир мифа – не мир одних только реалий, но без них он не обходится). И тогда мы очертим два Круга – Малый и Большой. Те, что после гибели Катерины внезапно открылись не только избранным, «панам и гетьманам», но и простому люду. И не забудем: «Страшная месть» (имевшая в первом издании «Вечеров» подзаголовок «Старинная быль») вместе с «Тарасом Бульбой», «Виём» и всем «Миргородом» увенчивает диканьско-петербургско-варшавско-крымскую Вселенную Н. Г.

Для понимания гоголевской символики важно учитывать трактовку Круга и Чаши в православном богословии и иконо-

писании, о чём говорил, обсуждая с нами данную работу, директор Международного института афонского наследия в Украине С. В. Шумило. Издавна круг (сфера), не имеющий ни начала, ни конца, является важным символом в православной иконе, означающим Вечность, вечную жизнь, вечное Царство Небесное (Рай). Круг символизирует и вечную, непреходящую Божественную славу. Нередко на православных иконах в круглую сферу заключено восемь оболочек, что обозначает по числовой христианской символике «преизобилующую полноту» Божественного бытия. Чаша же в православной иконописи, подчёркивал С. В. Шумило, символизирует жертвенную любовь и искупление, таинство Евхаристии. В ней пребывают Тело и Кровь Христовы, через причастие которым человек обретает спасение и жизнь вечную в Боге (Чаша на «Троице» Андрея Рублёва).

4

Как же выглядят на этой символической карте ближние и дальние границы «Украинского края» (Н. Г. использует это именование в самом начале главы XII) – края гоголевской Чаши?

Начнём с Большого Круга. Его границы обозначены в «Страшной мести» сначала в главе IV, когда Н. Г. перечисляет народы, чьё оружие известно Даниле: это турки, крымцы, ляхи, христиане и «славный народ шведский» (жива, жива украинская память о Северной войне!). К христианам, естественно, относятся и запорожцы. Их в главе I представляет приехавший из Сечи после битвы с «королевскими шляхтичами» казак Микитка. В XII главе границу обозначают Польша, «многолюдный город Лемберг» (сегодняшний Львов), Валахия, Седмиградская область, «немалолюдный народ венгерский», в XV главе к ним добавляется «Турецкая земля».

Малый Круг мы будем рассматривать посолонь, с северо-восточных границ Украины. На том же расстоянии, что и Гнилое море, на Северо-Востоке окажется Харьковщина, или иначе – Слобожанщина [16]. Дальше к Югу это будет Донецк [16, с. 61–64]⁸. Ещё дальше окоём пойдёт по землям Войска

Донского и Запорожского казачества, пока не выйдет к Бердянску [16, с. 100–101]⁹. Бердянск – город молодой. Ко временам Н. Г. (точнее, в 1841 году) он только-только получил городские права. Как порт он предназначался прежде всего для вывоза полезных ископаемых: угля, руды – и сельхозпродукции.

Дальше на Юго-Востоке расположено то самое Гнилое море. Окаймляют его соляные промыслы. На Юго-Западе, почти симметрично Бердянску, на гоголевском Кругу находится Измаил [16, с. 179]¹⁰: форпост Оттоманской Порты, ключ к Подунавью (наряду с Аккерманом-Белгородом, ключом к Поднестровью). В военном отношении Измаил был пунктом настолько важным, что заслужил – при его штурме – участие А. В. Суворова; в литературном отношении город заслужил целый эпизод в поэме Джорджа Гордона Байрона «Дон Жуан».

На собственно Западе в гоголевский Круг вплетается Ужгородщина [16, с. 93], ключ к южным Карпатам и Потисью. Тут уже можно в полной мере говорить о замках (ср. замок Колдуна) – на Поднепровье замков, естественно, не было. В двенадцати километрах от Ужгорода доньше стоит исторический памятник – Невицкий замок (XIII в.), а в двадцати километрах – Середнянский замок, основанный орденом тамплиеров (XII–XIII вв.).

На Северо-Западе тот же Круг выходит на земли Беларуси [25] (Витебск, Гродно). Ещё далее Круг захватывает Вильнюс (бывшее Вильно). Применительно к Крыму стоит вспомнить, что в 1810-е годы Виленский университет воспитал плеяду «филоматов» (литовских оппозиционеров с философским уклоном). Оттуда был выслан филомат Адам Мицкевич, попавший позднее в Крым (который принесёт великому поэту и славу, и смерть) [21; 3].

Далее, через Смоленск, Круг выводит нас к Калуге: к местам уже мордовским, лесным – и *топким*. «Калуга» (ср. «кал») означает грязевое, заболоченное место на реке. Завершается эта часть Круга Воронежем: столицей северного Черноземья, важнейшей точкой на международном (и, опять-таки, многовековом) «хлебном пути». Последнее время мы всё внимательней изучаем путь «шёлковый», путь «янтарный», но

почему-то забываем о *главном* евразийском пути, кормильце десятков стран и племён: о пути *хлебном*. Ответвлением этого пути был Северный и Северо-Западный Крым. Крымская пшеница кормила Элладу, с Афинами во главе¹¹...

В конце концов, Круг опять смыкается на Слобожанщине.

О чем же говорит этот Круг? Это – вполне историческая и вполне мифологическая – Чаша! Быть может, о том, что Крым каким-то магическим образом – дистанционно! – «поставил» Н. Г. его панорамное, космическое и метафизическое зрение (как пианистам «ставят» руки)? Разве нечто подобное не случилось и с Пушкиным? И с Лесей Украинкой? И с Адамом Мицкевичем? Вероятно, и со Львом Толстым. (Хотя с ним – Крымская война! – это случилось ещё нагляднее.)

Все они вначале как бы слегка коснулись Крыма (или Крым коснулся их), и ничего особенного не произошло. Но после происходило то, что уместнее всего назвать старинным духовным термином – *преображение*.

Перечитаем вновь поразительные слова Н. Г. о Крыме: «Всё почти мною изведено и узнано». Кем это сказано? Человеком, лежавшим в сакской грязи, затем пившим травяной отвар, затем укрытым и потевшим – а в конце дня приходившим в себя после тяжелейшей процедурной нагрузки? Как и что могло быть при этом не только «*узнано*» (узнавать, как уже сказано, можно по книгам о Крыме или из разговоров о нём), но «*изведено*»? То есть прочувствовано, пережито глубинами существа? Каким образом? Под заботливым присмотром камердинера Якима, под неусыпным контролем доктора Оже?..

Скорее всего, абсолютная разгадка этой крымской загадки Н. Г. останется для филологии недосыгаемой. Но подступы к разгадке всё же возможны.

Обратим внимание на деталь, которую можно было бы счесть литературной метафорой, если бы она не была геологическим фактом. Саки – это рапа и минеральные грязи. Гнилое море – это рапа и соль. Донецк – это уголь и соль. Беларусь – это торфа. Смоленск – это торфа и болотное железо (откуда и пошло название города). Калуга – это снова драгоценные резервы будущих урожаев: болота и торфа. А

Воронеж, Слобожанщина, степной Крым – это хлеб, плод этих подземных богатств, будущее этого древнего прошлого.

Польский поэт Юлиан Тувим написал блестящую «словотворческую фантазию» – «Зелень» (1936) [30; 35]. В ней он продемонстрировал два процесса одновременно. Первый процесс – как из «корнесловий» десятков индоевропейских народов рождалось слово «зелень». Второй процесс – как сам объем понятия «зелень» рождался из реальности: из «алмазного угля», из «пойм», которые «помнят о Кентавре», из болот «подземного Полесья», из «спорости сада», шепнувшему греку слово «хлорос»...

Что-то схожее имеет место в картине гоголевского мира, текстуализировавшейся в образах Круга и Чаши. Зрение, обеспечившее Гоголю эту картину, действительно «поставлено» сверху, с неких надкосмических высот. И оно же выпестовано снизу: из почвы, из глубин народной истории и праистории. *Там и там* – всё и впрямь *узнано и изведено*.

5

Возможен ещё один источник гоголевского «кругового» мотива. Относится он не к пространству, а ко *времени*. Именовался он «зегаром» и водился в украинском обиходе гоголевского периода, как мирском, так и монастырском. Впрочем, упоминают этот предмет и более ранние тексты. К примеру, Иван Величковский, филолог, поэт и священник XVII века (1630–1701), дед знаменитого старца прп. Паисия Величковского, – сочинял стихи специально к «зегарам целым» [5] и к «полузегарикам» [6, с. 255–262; 17, с. 606–607].

Что же представлял из себя упомянутый «зегар» («дзигар»)? Это часы (от польского «zegar») разного времени и разного рода, начиная от песочных и водяных вплоть до сложных механизмов гоголевской поры. При содействии зегара монахи (в том числе затворники) читали молитвы «по часам». Конечно, церковные «часы» не совпадали с часами мирскими. Происходили они от библейского часоисчисления («час первый», «третий» и т. д.) [32].

В эпоху Барокко, в борьбе с протестантизмом, однако и под его влиянием, украинские и белорусские монахи, священники, даже епископы, архиепископы и митрополиты принялись сочинять молитвы рифмованные (и даже строфические). Зегар оказался удобен и тут. Он наглядно «привязывал» тематику молитв либо к цифрам часов, либо к Страстям Господним: событиям Страстной Среды, Четверга и Пятницы, расписанным христианской традицией по библейским часам.

Ночью, с заходом солнца, часы в библейской Палестине начинали отсчитываться чередованием «страж». В Европе ко временам Барокко в городах уже горели фонари; фонарщики тоже уже совмещали должность следящих за освещением и следящих за временем. Ночные часы при обходе города протяжно возглашались нараспев (ср. «Каменного гостя» А. С. Пушкина или «Рюи Блаза» В. Гюго).

Определённую функциональную близость к «зегарам» («дзигарам») обнаруживает описанная Вл. Далем «зыга» («дзыга»): кружок или колодочка, насаженная на стержень, которую вращают пальцами [10, I, с. 4–5]. Сегодня зыгу считают детской игрушкой. Но отчего же она водилась и в монастырях? Оттого, что выполняла совмещённую функцию чётков и часов.

Не исключено, что в Крыму кружальца-«дзыги» Н. Г. мог видеть в натуре – и не обязательно в монастырях. Дело в том, что их конструкция (пришли они явно из Византии – быть может, из Афона) в точности повторяла конструкцию народных греческих пряслиц. У пряслиц была та же деревянная «колодочка», тот же длинный деревянный стержень, продетый в отверстие посередине. Привязанная нитка сама наматывалась на этот стержень, когда пряслице то приподымали, то опускали на весу. Под такое веретено можно было и беседовать, и молиться. «Колодочек» было две, одна на другой, и вдвоём они выполняли роль часовых стрелок.

Каждый «час» имел свой смысл, свою символику, свои молитвы [6]. Если «поставить» Гнилое море и Замок Колдуна у Н. Г. на часах символического гоголевского Круга, по сторонам света, то Гнилое море займёт примерное место современных 5 часов, Замок – примерное место современных 9-ти. По библей-

скому исчислению это будет конец ночи, рассвет – и «первый час» утра. Соответственно, в католической традиции 5 часов утра – время Воскресения Христова. Эта часовая символика была использована Данте, Т. С. Элиотом и др. В православной традиции это также рассвет Воскресения. Но в Страстную Пятницу это ещё и время, когда верные ученики Христа, Иосиф Аримафейский и Никодим, пришли для Его погребения. А в Страстную Субботу это время, когда жёны-мироносицы приходят помазать ароматами Тело Христово и оплакать Учителя.

«Первый час» исторически – начало Страстей (то есть мучений) Господних. В символическом (точнее, в «анагогическом», то есть притчевом) смысле это конец старого мира, старого времени – и начало мира нового, века нового и «народа нового», христиан. Таким образом, гоголевский Круг, охватывающий огромное пространство, обнимает не менее грандиозное время, историческое и метафизическое. Он становится «зегаром» вся Украины-Руси.

Сакский доктор Оже рассказывал о чудесном действии крымской грязи. Она «совершенно исцеляет» больное тело. Оказывается, «низкая» символика грязи может стать «высокой», переключаться со священным, ритуальным веществом: «ливаном и смирной, ладаном и алое» (М. Зеров, сонет «Страстная Пятница»). Это специальный состав, «миро», для ещё одного таинства смерти, но также исцеления – для Миропомазания [13].

В Крыму греческие пряслица дожили не только до Н. Г., но и до авторов настоящего сообщения. Даже после депортации греков с полуострова в 1944 году в крымских домах втайне сберегали эти деревянные крестики-прялочки и вполголоса вспоминали – под их ритмичное вращение – исчезнувших хозяев...

Но какую значимость могло иметь подобное «коловращение времён» (и предельно бытовое, физическое, и предельно сверхбытовое, метафизическое) для мировидения Н. Г.?

Христианское богословие давно придерживается догмата о том, что Библия – книга не просто для всех земных племён, но и для всех земных времён. В библейских текстах спрессовано не

только время конкретно-историческое, ближневосточное, но и время «вечное», вселенское. Отец Павел Флоренский по-научному визуализировал эту идею, говоря о Круге (Крае) Вселенной. Там скорость движения тел доходит до скорости света, и время останавливается. Потому-то на краю ойкумены хранится всё наше прошлое «от сложения времён».

Флоренский был человеком многоплановым. Профессиональным учёным-«точником», притом в нескольких областях. Ярким гуманитарием. Репрессантом, не сломленным, хотя так и не вернувшимся из цепких объятий ГУЛАГа. Однако прежде всего он был священником. Поэтому ему, выходявшему столько раз во время литургии с Книгой (Евангелием) и Чашей (Причастия) [27], ему, столько раз возглашавшему о жертвоприношении «*о всех и за вся*», то есть не только обо всех живущих, но и обо всех умерших, не только за прошлое, но и за настоящее и будущее, – ему, вероятно, мысль о таком «хранилище» всех времён не казалась ни фантастикой, ни риторикой.

Не кажется, по-видимому, подобное мироустройство ни фантастикой, ни «художественной условностью» и Н. Г. Ведь именно Книга в келье Затворника становится кульминацией событий в сюжете «Страшной мести». Именно Книга, Текст изгоняет Колдуна из настоящего: из времени, где Колдуну всё вроде бы удавалось и где он хочет (подобно эйзенштейновскому царю Ивану Грозному) получить индульгенцию за чудовищное прошлое, чтобы можно было безнаказанно повторять его в будущем. В конечном счёте это означает: мировое зло хочет (требует!) договориться с самим Богом.

И тогда гоголевский гений (его дар, а не собственность), гоголевский текст (им записанный, но не «сочинённый») слышат, как пришли в сопротивление Пространство и Время, которые ни при каких обстоятельствах не подвластны злу.

Белорусский филолог и публицист Алесь Адамович две свои книги не считал «литературой». Первая – «Я из огненной

деревни», вторая – «Блокадная книга». Обе состоят из документальных рассказов выживших. Первая говорит голосами чудом уцелевших жителей белорусских деревень, сожженных нацистскими карателями, вторая – голосами ленинградских блокадников. Обе эти книги Алесь Адамович называл «сверхлитературой». В виду он явно имел не только их документальность, невыдуманность, а особые взаимоотношения этих книг (цитируя Пушкина) с «жизнью человеческой, жизнью народной» (подробнее см. [22]).

Есть основания полагать, что в похожих отношениях с жизнью находились тексты Н. Г. Отсюда вытекали, наверно, и «сверхлитературные» ожидания их автора. Одними критиками они списывались на счёт гоголевской гордыни, другими – его нервных расстройств, третьими – на счёт зловредных поповских влияний. Историкам-гоголеведам ещё предстоит разбираться в указанных (и не указанных) гипотезах насчёт «сверхлитературы» Гоголя. Нас более всего интересует сейчас не субъективная сторона вопроса, – а она безусловно присутствует в любых работах о гениях любых эпох и народов, как и в творениях самих гениев.

Давайте, однако, присмотримся, как эти гении (в нашем случае — Н. Г.) сами ощущают и показывают соотношение Жизни и Текста – прежде всего, «сверхтекстов». Таковых, вообще-то, немного. Это тексты *священные*: они «сверхлитературны» заведомо, априорно. Это тексты национального *фольклора* – не все, а те, без которых ни сам народ, ни другие народы – данного народа не мыслят. Наконец, это национальная *классика*. Её критерии те же.

Между этими уровнями сверхлитературы существуют свои взаимопереходы. Скажем больше: иногда один (а то и два) этих «верхних этажа» исторически разрушались. Порой намеренно, порой стихийно. Тогда их духовную нагрузку принимал следующий, «нижний» этаж. Но народа, у которого не сохранился бы ни один из названных уровней национального самосознания, – такого народа история не знает. Его нет – он погиб. Осталось лишь «население» определенной «территории»,

наделённое некоторыми характерными антропологическими признаками.

«Страшная месть» – в известном смысле наиболее модельное произведение Н. Г. Это единственный гоголевский Сверхтекст, действующим (и говорящим!) лицом которого является Бог.

Тем показательней, что именно этот Сверхтекст сам преобразуется в действующее лицо. Сопровождает его целая серия других Сверхтекстов. Одни из них намного выше и могущественней, ибо принадлежат к уровню священного. Таков в повести текст-приговор Верховного Судьи (Бога) братоубийце и детоубийце. Благодаря этому Сверхтексту в мире является Карпатский Всадник и «запускается» вся дальнейшая История, все её исторические сюжеты.

С другой стороны, этот же Сверхтекст становится фольклорной легендой. Подобным способом Гоголь как бы дважды устранился от притязаний на собственное авторство. Его персонажам начертал их будущее Бог. Но будущее это таково потому, что они своими поступками сами выбрали – и продолжают в дальнейшем выбирать – свою жизнь, свою смерть и своё посмертие. Так гласит легенда.

Впрочем, эти акты выбора относятся не только к их собственным биографиям. Современный читатель подрастерял не столько знание, сколько *ощущение* религиозного контекста, в который были погружены читатели-современники Гоголя. А погружены в него были не одни лишь конфессионалы и традиционалисты, но и рьяные атеисты из числа так называемых «революционных демократов». Они могли насмешничать и даже кощунничать над святынями предков, однако при этом они хорошо ещё помнили и чувствовали, что имеют дело именно со святынями, – пускай «не их» святынями. (О разнице между восприятием антирелигиозным и безрелигиозным [см.: 23]).

И что же они видели в гоголевской повести?

Да то, что не Бог, а добрый Брат заказал для своего злого Брата *такую* смерть, *такое* посмертие и – в потомках – *такую* жизнь. Не Бог, а он, по сути, «сотворил» Колдуна. Включая

невозможность для Колдуна раскаяться. Ведь именно добрый Брат не желает, чтобы Колдун спасся.

Но в ответ на это – *самому себе* добрый Брат «сотворил» и два других, наиболее страшных бессмертия. Об одном мы помним, и помним крепко. Настолько крепко, что даже сегодня оно заставляет нас содрогаться. Это бессмертие Жертвы, запросившей для своего Палача такую месть, которая закрыла для неё самой дорогу не только в рай, но даже в простую, «нормальную» человеческую смерть. Не помним мы – очень часто – о ещё одном бессмертии. О бессмертии невинного Ребёнка. Не запрашивавшего никакой мести. Но из-за жуткой изобретательности мстителя-отца разделившего его, отца, участь.

Сплошь да рядом мы забываем, что Карпатских Всадников – *двое*. Отец – и сын. Взрослый – и ребёнок. Убиенный сын убитого, возжелавшего стать Богом и самому вершить судьбу убийцы и всех его потомков. И тем самым уравнившего с их чудовищным бессмертием бессмертие собственного сына.

М. А. Булгаков, вырвавший под «шинелью» Гоголя, не мог не помнить этого «фантазмагорического» пласта гоголевского сюжета. Потому нам так нелитературно страшно, когда в финале «фантазмагорического» романа «Мастер и Маргарита» булгаковский Мастер кричит Пилату: «Свободен!». Страшно, ибо у Мастера *нет полномочий* такую развязку давать, а у Пилата *нет оснований* её получать. Как раз такую – или подобную – развязку требует у Затворника (а через него – у Верховного Судии) гоголевский Колдун. Он страдает. И Пилат страдает. И оба хотят избавиться от страданий. При этом *для них* избавлению не препятствует тот факт, что Пророк останется распятым, а Ребёнок – висящим над пропастью. Впрочем, Пилат упрасивает появившегося Иешуа *отменить Сверхтекст*. Сказать, что «этой пошлой казни» *в жизни* не было. На что Иешуа (сделавшийся неведомо кем) мило соглашается...

Бог Гоголя менее мил, чем пророк М. А. Булгакова. Затворник ещё не успевает ответить Колдуну от своего имени, как за него отвечает Книга. Её буквы наливаются кровью. И

Чаша: она гонит Колдуна по кругу, пока тот не упадёт на самое дно.

Колдун не в состоянии вымолить себе духовную свободу, ибо сам отдал себя в рабство злу. Он (повторим) не раскаивается – он пытается увернуться от наказания. Но разве не сам он снова и снова наводит это наказание на себя? Его не прощает Бог, поскольку сперва его должны простить Брат и Ребёнок. Но простить можно только раскаявшегося. А раскаяться означает отречься от колдовства и от власти, какую оно даёт. Этого не допускает проклятие Брата...

Так смыкаются вокруг исторического сюжета «Страшной мести» метаисторические Сверхтексты, – круг за кругом, шаг за шагом приближая Гоголя к Данте.

7

Сюжет гоголевской повести завязывают и развязывают священные ситуации и тексты: окоём сакрального. Его окаймляет легенда-притча о Карпатском Всаднике: окоёмом фольклора.

А теперь взглянем ещё раз на структуру «Страшной мести», но с высот – или из глубин – её духовного сюжета.

Бегство Колдуна и космическая погоня за ним сил самой природы – сюжет, по структуре своей круговой. Гибель невинного младенца, внука Колдуна (эхо судьбы другого младенца, сына Карпатского Всадника), также составляет круговой сюжет. А сам круговой сюжет может принадлежать только одной картине мира – языческой. Он – отражение её жестокой справедливости, её безоговорочного фатализма.

Разорвать этот круг язычество было не способно. Хотя жажда подобного разрыва заявляла о себе задолго до утверждения христианства. И воплощает её тоже символ и тоже многовековой: по горизонтали подкова (или иначе – *меандр*), по вертикали – спираль (или *парабола*) [34].

В письме-отклике на нашу работу Т. Н. Потницева вела разговор о том, как отразился символ разорванного круга в пейзажах гоголевской повести: в излучинах Днепра, в образе словацкой горы Кривань (у Н. Г. Криван – гора Карпатского

Всадника). Мало того, подкова не только отражена, она прямо названа в «Страшной мести» в уже цитированном фрагменте XII главы: «Идут каменные цепи в Валахию и в Седмиградскую область и громадою стали в виде *подковы* между галичским и венгерским народом (выделено нами. — Авт.)» [9, т. I, с. 271]. Ограничить распространение этого символа нельзя ни во времени, ни в пространстве. Добавим: во времени – знак разорванного круга появился в творениях культуры раньше, чем «в жизни» стали подковывать лошадей. Связывают этот знак с сюжетом выхода из лабиринта [18].

Перемещения персонажей в гоголевском «мир-городе» (или «чар-городе», заимствуя формулу у Б. И. Антонича) действительно подобны скитанию в лабиринте. Перемещения в историческом лабиринте напоминают походы-поездки-погоны в «Тарасе Бульбе». Его же моделируют вакационные странствия-полёты Хомя Брута в «Вие». О кружащем маршруте в «Страшной мести» неоднократно говорилось выше...

Но есть у этого мотива в гоголевском контексте и своя эволюция.

Круговращение в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» ещё дышит языческой, природной радостью «вечного возврата», вечного возобновления вегетативной и человеческой жизни. Возврат этот как бы «отменяет» там вылазки Большой Истории, пытающейся затащить «природных» героев в своё антиприродное царство-государство.

В миргородском универсуме трагичен уже сам отгороженный «город» Истории. Утопична и беспечна здесь лишь Степь, да ещё Сечь: пространство, где История становится Мифом, где необозримые шаровары спящего казака разливаются Чёрным морем (как Степью и Морем раздвигается казацкая свадьба в «Страшной мести»). Но в мире Истории множество украинских и польских городов, которые взаимно разрушаются воюющими сторонами, уже не беспечны и не радостны. Ужас замкнутого круга замещает радость круговорота в «Страшной мести». И тогда одно лишь жертвенное добро становится выходом из лабиринта.

Не бессмысленна гибель ребёнка Катерины (равно как и гибель детей Годуновых у Пушкина). Колдун (как и пушкинские политические заговорщики) смог убить детское *тело* – он не властен над бессмертной детской *душой*. Но главное: он и не подозревает, что в момент убийства Ребёнка снимается вековое проклятие, перестаёт действовать Страшная Месть. Последний из рода детоубийцы погиб, оплатив собою, безвинным, первое преступление, с которого и начиналась повесть.

Круг – исторический, легендарный, космический – разомкнулся. Вместо ожидаемого языческого возврата, ввысь к небесам взлетает финальная парабола, свидетельствующая: смерть – финал временный; смысл её (жизнеутверждение любви и добра) – финал вечный. Это же можно сказать о финале «Тараса Бульбы», где распятый отец – Тарас – не теряет, а *обретает* вечных своих сыновей-казаков. И даже финал «Вия» повествует не о бесполезной гибели Хомя, а об *убийстве* – *через гибель* – *страха* перед злом (заключительный разговор о ведьмах).

Страшная месь, давнее проклятие, фатальное зло как бы замкнули в кольцо круг Киева, круг Украины-Руси, круг всего земного окоёма. Но святыня Лавры разрывает этот фатализм анти-любви. А с Юга, через историческую Руину, через Дикое Поле, открывается ширь и свобода Чёрного моря, возникает на краю горизонта «минарет вселенной» – «гора Крым». И тогда, словно остров Буян, вырастает из пучины бедствий стольный град Киев, в котором «блещут маковки церквей и святых монастырей». Его златоглавая Лавра, его Святая София, его Михайловский монастырь размыкают роковой круг страшного мира.

И посредине этого обновлённого, – золотого, белого и зелёного, – света «вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои» Главная река, славянский Иордан – Днепр. Разделяющая (но и связующая) мир живых и мёртвых, предков и потомков, людей и нелюдей, добро и зло. И пишет обо всём этом классик, сначала отыскавший заочно и своё, национальное, и общечеловеческое в рассказах чумаков и казаков о далёких «брегах Тавриды», а потом поехавший убедиться в их правоте в

маленькую грязелечебницу¹² маленького степного крымского посёлка Саки.

Классик, сделавший привычное – чудом, малое – великим, а тексты – Сверхлитературой, внутри которой мы живём и будем ещё жить не одну сотню лет.

Примечания:

¹ Сиваш берёт начало на Северо-Западе Перешейка, у с. Малый Чакрак, и продолжается на Восток, вплоть до так называемого Чонгарского Моста (косы). Сразу же от Чонгара начинается Гнилое море. С Востока оно ограничено Арабатской косой. На картах и в быту эти два названия (Сиваш, Гнилое море) часто взаимозаменялись.

² Соляной промысел в Присивашье восходит к VIII–V вв. до н. э. Основные участки соледобычи занимали север Арабатской стрелки. См. карту: [19, с. 46].

³ О Николае (Николае Антоновиче) Оже, «добром докторе» Сакской грязелечебницы в гоголевские годы, см.: Стома А. Н. Очерки Евпатории – Кто вы, доктор Оже? [Электронный ресурс] / А. Н. Стома. — Режим доступа :

<http://evpatoriya-history.info/book/ocherki-evpatorii/kto-vi-doctor-oze.php> (дата обращения: 25.11.2017).

⁴ Исход, XIV, с. 21—22. Об этом эпизоде как о центральном чуде всего Ветхого Завета см.: Аверинцев С. С. Моисей / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира : Энциклопедия. Т. 2. / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Советская энциклопедия, 1992. — С. 164—168; Beyerlin W. *Origins and History of the Oldest Sinaitic Traditions* / W. Beyerlin — Oxford : Oxford University Press, 1966.

⁵ Хождение жениха и невесты вокруг аналоя в центре храма символизирует и всё земное время (мотив Круга-Часов), и всё земное пространство (мотив Круга-Окоёма), которое они обещают пройти совместно. В свидетели же этого обета они берут Книгу – Евангелие, которое лежит на аналое. В гоголевском сюжете обета не исполняют оба персонажа. Ни Катерина, ни Данила не делятся своими чёрными думами со своим духовным отцом, не советуются с ним, не исповедуются ему. Не советуются они и с Небесным Отцом, чье Слово лежало перед ними и ждало их. Обряд остался для них обоих «обычаем», а не мироустройством.

⁶ «Долина слёз» – образ, возникающий у Данте в I части «Божественной комедии». С одной стороны, эта долина – воронка Ада.

С другой стороны, она перевернётся, как песочные Часы, после того, как Поэты (Данте и Вергилий) достигнут её дна. Воронка превратится в Гору Чистилища: в дорогу духовного восхождения, ведущую к Земному Раю. А Рай Земной станет преддверием на пути к Раю Небесному. Столь же диалектична символика Круга и Чаши у Гоголя.

⁷ О том, насколько символика евхаристической Чаши пронизывала всё европейское мышление от Средневековья до XIX века включительно, см.: Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Джеймс Холл; пер. с англ. А. Майкапара. — М.: Крон-Пресс, 1999. — С. 651 (с отсылками на другие страницы).

⁸ В конце XVII в. Донецк – поселение реестровых (оседлых) казаков. С середины XIX в. – рабочий посёлок угледобытчиков Юзовка (по имени владельца шахт, англичанина Джона Юза). Ко времени пребывания Гоголя в Крыму, Юзовка – «угольная кормилица» всего Юго-Востока Украины.

⁹ К концу 1820-х годов Бердянск – посёлок на побережье Азова. В 1841 г. он приобрёл статус города. Специализировался как порт на вывозе полезных ископаемых и сельхозпродуктов Востока и Юго-Востока Украины, а также как грязелечебный курорт.

¹⁰ Во время действия «Страшной мести» Измаил – турецкая крепость, ныне – город Одесской области. Находится в гирле (протоке) Дуная, в 80 км от Чёрного моря. В гоголевском Круге Измаил зеркально-симметричен Бердянску (на оси Юго-Восток – Юго-Запад Украины). Центр Южного Подунавья.

¹¹ Об импорте зерна в античных Греции и Риме см.: Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей / Ф. Любкер; под ред. Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского [и др.]; пер. с нем. — СПб.: Издание общества классической филологии и педагогики, 1885. — С. 536, 1052.

¹² Следует отметить, что популярность Сакской грязелечебницы быстро росла. По данным Сакского музея, в 1844 году в ней прошли лечение уже 163 пациента.

Литература:

1. *Абрамова Е. Ю.* Символика Исхода в русской литературе XX века: (На материале пьесы М. Булгакова «Бег») / Е. Ю. Абрамова, М. А. Новикова // Вопросы русской литературы. — Симферополь, 2015. — № 3. — С. 61—71.

2. *Аверинцев С. С.* Азазель / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2 т. Т. 1. / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Советская энциклопедия, 1992. — С. 50—51. (Азазелло – итальянская форма этого имени).

3. *Адам Міцкевич.* 1798–1855 // Антологія польської поезії : у 2 т. Т. 1. / ред. кол. : М. Бажан (голова) та ін.; ред. та приміт. Д. Паламарчука. — К. : Дніпро, 1979. — С. 109—111.

4. *Брак* // Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 1. — М., 1992 [Репринт]. — Стлб. 396—405.

5. *Величковський І.* Зегар целый, содержащ в себе часов 24 / Иван Величковський // Українська поезія. Середина XVII ст. / упоряд. В. І. Кречотень, М. М. Сулима. — К. : Наукова думка, 1992. — С. 258—260. — (Серія «Пам'ятки давньої української літератури»).

6. *Величковський І.* Полузегарик, содержащ в себе особ часы дневныя, а особно часы ночныя / Иван Величковський // Українська поезія. Середина XVII ст. / упоряд. В. І. Кречотень, М. М. Сулима. — К. : Наукова думка, 1992. — С. 260—262. — (Серія «Пам'ятки давньої української літератури»).

7. *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни / В. В. Вересаев. — Москва-Ленинград : Academia, 1933.

8. Генеральная карта полуострова Крым. Составлена и гравирована в Военно-топографическом депо. 1847 г. Подготовлена к печати НПП «Картография» и А. П. Павленко в 1997 г. — К. : Государственная картографическая фабрика, 1997.

9. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. — М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1937–1952.

10. *Даль В. И.* Дзига // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 1. / В. И. Даль. — СПб ; М. — С. 4—5.

11. *Данте Алигьери.* Божественная Комедия ; [пер. с итал. М. Лозинского] / Данте Алигьери. — М. ; Л. : ГИХЛ, 1950.

12. *Данте Алиг'єрі.* Божественна Комердія: Пекло / Данте Алиг'єрі ; [пер. Максим Стріха]. — Львів : Вид-во «Астролябія», 2013. — (Схема Пекла: с. 349).

13. *Елей* // Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 1. — М., 1992 [Репринт]. — Стлб. 856—857.

14. *Иванов В. В.* Глаз / В. В. Иванов // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 1. / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Советская энциклопедия, 1992. — С. 306—307.

15. *Казарин В. П.* Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории / В. П. Казарин. — Киев-Одесса : Вища школа, 1986. — 127 с.

16. *Ковтун В. В.* Города Украины. Экономико-географический справочник / В. В. Ковтун, А. В. Степаненко. — К. : Вища школа, 1990. — 278 с.

17. *Крекотень В. І.* Иван Величковский. Примітки / В. І. Крекотень, М. М. Сулима // Українська поезія. Середина XVII ст. / упоряд. В. І. Крекотень, М. М. Сулима. — К. : Наукова думка, 1992. — С. 606. — (Серія «Пам'ятки давньої української літератури»).

18. *Лаевская Э. Л.* Мир мегалитики и мир керамики / Э. Л. Лаевская. — М. : Издание Свято-Андреевского института, 1997.

19. *Магомедов Б. В.* Соляний промисел в пізноримський час на Присивашші / Б. В. Магомедов, А. І. Кубишев // Старожитності Русі-України : зб. наук. праць. — К., 1994. — С. 44—48.

20. *Маркевич А. І.* Н. В. Гоголь и В. А. Жуковский в Крыму / А. І. Маркевич // ИТУАК. — Симферополь, 1902. — № 34. — 17 с. — (Отдельный оттиск).

21. *Мицкевич Адам* // Литературный энциклопедический словарь / под. общ. ред. В. М. Кожекинкова, П. А. Николаева. — М. : Советская энциклопедия, 1987. — С. 633—634.

22. *Новикова М.* Интеркультура: когда огонь соединяется с огнем // Новикова М. Міфи і місія / Марина Новикова. — К. : Дух і літера, 2005. — С. 223—257.

23. *Новикова М. А.* Соблазны: возрождение или вырождение / М. А. Новикова // Пути просвещения и свидетели правды : сборник статей. — К. : Дух і літера, 2004. — С. 86—98.

24. *Новикова М. А.* Загадки Криму: Джуфт-Кале і «кримські прямі» / М. А. Новикова // Мова та історія : періодичний збірник наукових праць. Вип. 72. — К., 2004. — С. 40—46.

25. *Поспелов Е. М.* Топонимический словарь / Е. М. Поспелов. — М. : Просвещение, 1988. — (Вильнюс, с. 40; Витебск, с. 48; Воронеж, с. 48—49; Гродно, с. 58; Калуга, с. 82—83; Смоленск, с. 175).

26. Потир // Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 2. — М., 1992 [Репринт]. — Стлб. 1867—1868.

27. Причащение // Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 1. — М., 1992 [Репринт]. — Стлб. 1911—1913.

28. *Тищенко К.* Етномовна історія прадавньої України / К. Тищенко. — К. : Аквілон-Плюс, 2008. — 480 с.

29. *Топоров В. Н.* Круг / В. Н. Топоров, М. Б. Мейлах // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Советская энциклопедия, 1992. — С. 18—19.

30. *Тувим Ю.* Зелень / Ю. Тувим ; [пер. с польск. М. Новиковой] // С Богом и платочек. Книга стихотворных Переводов / сост. и пер. Марины Новиковой. — М. : МХТ, 2000. — С. 7—12.

31. *Фарлонг Д.* Стоунхендж и пирамиды Египта / Д. Фарлонг ; [пер. с англ. В. Медникова]. — М. : Вече, 2000. — 398 с. — (Серия «Тайны древних цивилизаций»).

32. Час // Библейская энциклопедия : в 2 кн. Кн. 2. [Репринт]. — М., 1891—1990. — С. 292.

33. *Юдина Л. Д.* «Был ... в Крыму, где пачкался в минеральной грязи» / Л. Д. Юдина // Слово города : городская газета. — 2009. — 27 марта. — С. 5.

34. *Brewer's Book of Myth and Legend* / ed. by J. C. Cooper. — Ind. : Cassell Publishers Ltd., 1992. — P. 132.

35. *Tuwim Julian.* Wiosny i jesienie / Julian Tuwim. — Warszawa : Iskry, 1955. — S. 69—75.

References:

1. Abramova E. Ju. Symbolism of the Exodus in the Russian literature of the twentieth century: (Based on the play by M. Bulgakov “Running”) [Simvolika Ishoda v russkoj literature HH veka: (Na materiale p'esy M. Bulgakova “Beg”)]. *Questions of Russian Literature [Voprosy russkoj literatury]*. Simferopol, 2015. № 3. P. 61—71.

2. Averincev S. S. Azazel [Azazel']. *Myths of the peoples of the world. V. 1. [Mify narodov mira. T. 1]*. P. 50—51. (Azazello – ital'janskaja forma jetogo imeni)

3. Adam Mickevich. 1798–1855. Anthology of Polish poetry [Antologija pol'skoj poezii]. Red. kol., M. Bazhan (golova) ta in.; red. ta primit. D. Palamarchuka, Kyiv, Dnipro Publ., 1979. T. 1. P. 109—111.

4. Marriage [Brak]. *Full Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary [Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij jenciklopedicheskij slovar']*. T. 1. P. 396—405.

5. Velichkovs'kij I. Zegar is whole, containing (So — Auth.) In itself hours 24 [Zegar celyj, sodержashh v sebe chasov 24]. *Ukrainian poetry. Middle of the XVII century [Ukraïns'ka poezija. Seredina XVII st.]*. Uporjad. V. I. Krekoten', M. M. Sulima. (Serija «Pam'jatki davn'oï Ukraïns'koï literaturi»). Kyiv, Naukova dumka Publ., 1992. P. 258—260.

6. Velichkovs'kij I. [Vin zhe. Poluzegarik, sodержashh v sebe osob chasi dnevnija, a osobno chasi noshhnija]. *Specified work [Ukaz. tvir]*. P. 260—262.

7. Veresaev V. V. Gogol in life [Gogol' v zhizni]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1933.

8. General map of the Crimea peninsula. Compiled and engraved in the Military Topographic Depot. 1847. Prepared for publication by NPP Cartography and AP Pavlenko in 1997. [General'naja karta poluoostrova Krym. Sostavlena i gravirovana v Voенno-topograficheskom depo. 1847 g. Podgotovlena k pečati NPP “Kartografija” i A. P. Pavlenko v 1997 g.]. Kiev, Gosudarstvennaja kartograficheskaja fabrika Publ., 1997.

9. Gogol' N. V. Complete works: in 14 volumes. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1937—1952.

10. Dal' V. I. Whirligig [Dziga]. Dal' V. I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Volume 1. [Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. T. 1]*. Moscow. P. 4—5.

11. Dante Alig'eri. The Divine Comedy [Bozhestvennaja Komediya]. Perevod s ital'janskogo M. Lozinskogo. Moscow; Leningrad, GIHL Publ., 1950.

12. Dante Alig'eri. Divine Comedy: Hell [Bozhestvenna Komediya: Peklo]. Per. Maksim Striha. Lviv, “Astroljabija” Publ., 2013. (Shema Pekla, p. 349)

13. Oil [Elej]. *Full Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary [Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij jenciklopedicheskij slovar' Volume 1]*. P. 856—857.

14. Ivanov V. V. Eye [Glaz]. *Ibid. [Tam zhe]*. T. 1. P. 306—307.

15. Kazarin V. P. The story of N. V. Gogol “Taras Bulba”: Questions of creative history. [Povest' N. V. Gogolja “Taras Bul'ba”: Voprosy tvorcheskoj istorii]. Kiev-Odessa, Vishha shkola Publ., 1986. 127 p.

16. Kovtun V. V., Stepanenko A. V. Cities of Ukraine. Economic-geographical reference book [Goroda Ukrainy. Jekonomiko-geograficheskij spravochnik]. Kyiv, Vishha shkola Publ., 1990.

17. Krekoten' V. I., Sulima M. M. Ivan Velichkovsky. Notes [Ivan Velichkovs'kij. Primitki]. *Specified work [Ukaz. tvir]*. P. 606.

18. Laevskaja Je. L. The world of megalithics and the world of ceramics [Mir megalitiki i mir keramiki]. Moscow, Izdanie Svjato-Andreevskogo instituta Publ., 1997.

19. Magomedov B. V. Salt fishing in Late Roman times at Prisivash [Soljanij promisel v pizn'orims'kij chas na Prisivashshi]. *Antiquities of Russia-Ukraine: a collection of scientific works. [Starozhitnosti Rusi-Ukraini : zb. nauk. prac']*. Kyiv, 1994. P. 44—48.

20. Markevich A. I. N. V Gogol and V. A Zhukovsky in the Crimea [N. V. Gogol' i V. A. Zhukovskij v Krymu]. *The Letter Of The Tavric Academy of The Archival Commission [Izvestija Tavricheskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii]*, Simferopol. 1902. № 34. 17 p. (Otdel'nyj ottisk).

21. Mickevich Adam. Literary Encyclopedic Dictionary [Literaturnyj jenciklopedicheskiy slovar']. Pod. obshh. red. V. M. Kozheknikova, P. A. Nikolaeva. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1987. P. 633—634.

22. Novikova M. A. Interculture: when fire connects with fire [Interkul'tura: kogda ogon' soedinjaetsja s ognem]. *Novikova M. Myths and Mission [Novikova M. Mifi i misija]*. Kyiv, Duh i litera Publ., 2005. P. 223—257.

23. Novikova M. A. Seduces: Rebirth or degeneration [Soblazny: vozrozhdenie ili vyrozhdzenie]. *Ways of enlightenment and witnesses of righteousness: a collection of articles [Puti prosveshhenija i svideteli pravdy. Sbornik statej]*. Kyiv, Duh i litera Publ., 2004. P. 86—98.

24. Novikova M. A. The mysteries of Crimea: Juput Kale and Crimean straight lines [Zagadki Krimu: Dzhuft-Kale i "krims'ki prjami"]. *Language and History: A Periodical Collection of Scientific Papers [Mova ta istorija: periodichnij zbirnik naukovih prac']*, 2004. Vip. 72. P. 40—46.

25. Pospelov E. M. Toponymic Dictionary [Toponimicheskiy slovar'], Moscow, Prosveshhenie Publ., 1988. (Vil'njus, p. 40; Vitebsk, p. 48; Voronezh, p. 48—49; Grodno, p. 58; Kaluga, p. 82—83; Smolensk, p. 175).

26. Pot [Potir]. *Full Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary [Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij jenciklopedicheskiy slovar']*. T. 2. Moscow, 1992 [Reprint]. P. 1867—1868.

27. Communion [Prichashhenie]. *Full Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary [Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij jenciklopedicheskiy slovar' Volume 1]*. P. 1911—1913.

28. Tishhenko K. Ethno-Language History of Ancient Ukraine [Etnomovna istorija pradavn'oi Ukraïni]. Kyiv, Akvilon-Pljus Publ., 2008.

29. Toporov V. N. Mejlah M. B. A circle [Krug]. *Myths of the World [Mify narodov mira]*. T. 2. P. 18—19.

30. Tuvim Ju. Greenery [Zelen']. Per. s pol'sk. M. Novikovej. *With God and a handkerchief. Book of verse translations [S Bogom i platochek. Kniga stihotvornyh Perevodov]*. Sost. i per. Mariny Novikovej. Moscow, MHT Publ., 2000. P. 7—12.

31. Farlong D. Stonehenge and pyramids of Egypt [Stounhendzh i piramidy Egipta]. Per. s angl. V. Mednikova. Moscow, Veche Publ., 2000. (Serija "Tajny drevnih civilizacij".)

32. Time [Chas]. Biblical Encyclopedia: in 2 books. Book. 2. (Reprint) [Biblejskaja jenciklopedija: v 2 kn. Kn. 2. (Reprint). Moscow. 1891–1990. P. 292.

33. Judina L. D. “I was ... in the Crimea, where I got dirty in the mineral mud” [“Byl ... v Krymu, gde pachkalsja v mineral'noj g'jazii”]. *City's word: city newspaper [Slovo goroda: gorodskaja gazeta]*, 2009. 27 marta. — P. 5.

34. Brewer's Book of Myth and Legend. Ed. by J. C. Cooper. Ind., Cassell Publishers Ltd. Publ., 1992. P. 132.

35. Tuwim Julian. Wiosny i jesienie. Warszawa, Iskry Publ., 1955. P. 69—75.

Аннотация

Н. В. ГОГОЛЬ: «СТРАШНАЯ МЕСТЬ» – КРУГ И ЧАША

Статья посвящена поездке Н. В. Гоголя в Крым (1835) и отражению «крымского текста» Украины в повести «Страшная месьть» (1832). Рассмотрены символы Круга, Чаши, Книги, а также символическая композиция повести и её религиозно-философский контент. Собраны и проанализированы документальные данные, связанные с пребыванием Гоголя в Западном Крыму, в посёлке Саки, где он лечился от депрессии. Рассмотрены крымские аллюзии в гоголевской повести. Параллельно сопоставлено историческое и космическое время повести. По-новому интерпретирован её сюжет в национальном и кросс-культурном аспектах.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, поездка в Крым (1835), «крымский текст» Украины, повесть «Страшная месьть» (1832), Данте, символы, Круг, Чаша, Книга, композиция, религиозно-философский контент.

Анотація

М. В. ГОГОЛЬ: «СТРАШНА ПОМСТА» – КОЛО І ЧАША

Статтю присвячено подорожі М. В. Гоголя до Криму (1835) і рефлексіям «кримського тексту» України в повісті «Страшна помста» (1832). Розглянуто символи Кола, Чаші, Книги, а також символічну композицію повісті та її релігійно-філософський контент. Зібрано та проаналізовано документальні відомості щодо перебування Гоголя в Західному Криму, в селищі Саки, де він лікувався від депресії. Розглянуто кримські аллюзії в гоголівській повісті. Паралельно

зіставлено історичний та космічний час цього тексту. Дано нову інтерпретацію його сюжету в національному і крос-культурному аспектах.

Ключові слова: М. В. Гоголь, подорож до Криму (1835), «кримський текст» України, повість «Страшна помста» (1832), Данте, символи, Коло, Чаша, Книга, композиція, релігійно-філософський контент.

Summary

NIKOLAI GOGOL': "A TERRIBLE VENGEANCE" – THE CIRCLE AND THE CUP

The paper deals with NykolaI Gogol's trip to the Crimea (1835) and the reflection of the "Crimean text" of Ukraine in his tale "A Terrible Vengeance" (1832). The symbols of the Circle, the Bowl, the Book, as well as the symbolic composition of the story and its religious and philosophical content are considered. Collected and analyzed documentary data related to the stay of Gogol in the Western Crimea, in the village of Saki, where he was treated for depression. Crimean allusions in his text are put under analysis. In parallel, the historical and cosmic time of the story is compared. The plot of the story is given a new interpretation in the national and cross-cultural aspects.

Keywords: Nikolai Gogol, Crimean trip (1835), "Crimean text" of Ukraine, "A Terrible Vengeance" (1832), Dante, structure, symbolic system, religious and philosophical content.

НІЖИНСЬКЕ ГОГОЛЕЗНАВСТВО НА СУЧАСНОМУ ЕТАПІ: НАПРЯМИ І МЕТОДОЛОГІЯ ДОСЛІДЖЕНЬ

Свого часу «Гоголезнавчі студії» вже пропонували аналітичний огляд проблематики і методології сучасного гоголезнавства [2]. Сформульовані у статті П. В. Михеда проблеми залишаються безперечно актуальними, особливо у світлі національних пріоритетів гоголівського світовідчуття: дискусії щодо витоків формування художньої свідомості Гоголя окреслюють досить широке коло методологічних пошуків у сферах історії, літературознавства, релігії (див., наприклад, відповіді С. Д. Абрамовича на анкету «Гоголезнавчих студій»: випуск VI (23), 2017. — С. 268—269).

Гоголівський ювілейний 2009 рік відкрив нову сторінку української гоголіани. Підсумком ювілею традиційно стала озвучена на численних конференціях нова наукова проблематика гоголезнавства, котра, зокрема, і визначає роботу безперечного кваліфікованого осередку вивчення творчості Гоголя на межі XXI століття – Ніжинської літературознавчої школи. Її досягнення відомі далеко за межами України і завдяки роботі гоголівського наукового центру давно вже стали своєрідною візиткою Ніжинського державного університету, факультету філології, кафедри слов'янської філології, компаративістики та перекладу. Сьогодні імена Г. В. Самойленка, П. В. Михеда, Т. В. Михед, О. Г. Ковальчука, Н. М. Жаркевич, Ю. І. Бондаренка, Л. М. Остапенко, Ю. В. Якубіної, К. П. Ісаєнко, Н. М. Сквіри, О. С. Морозова, Є. О. Прохоренко, О. О. Костенко, І. О. Стребкової, О. В. Чоботька складають потужний фонд потенційних філологічних розвідок у царині гоголезнавства.

Мета пропонованої статті – огляд останніх прикметних гоголезнавчих розвідок у межах Ніжинської школи, окреслення шляхів пошуку нової гоголезнавчої практики, літературознавчої методології і теорії.

У сфері теоретико-методологічних пошуків Ніжинської школи сьогодні пунктирно проступають чотири напрями, котрі послідовно і продуктивно розробляє школа протягом останніх десятиліть: текстологія, біографічна методологія (особливо стосовно раннього ніжинського періоду гоголівської творчості), поетика, компаративний аспект досліджень. Так чи інакше ці напрями взаємопов'язані: різноманітна методологія тут проростає з одного матеріалу і «працює» на визначення типологічних рис гоголівської поетики і художньої філософії.

Відповідно формулюються актуальні стратегічні проблеми ніжинської гоголіани:

1) Гоголь і його ніжинське літературне і культурне оточення;

2) вплив української культури на формування пріоритетів Гоголя-митця і власне його остаточної української культурної самоідентифікації;

3) вплив Гоголя на українську літературну традицію XIX–XX століть;

4) проблеми поетики і поетичної рецепції у Гоголя (міфолокморної, романтичної, історичної, біблійної тощо);

5) Гоголь і європейська культура: проблема «сходжень» і «розмежувань» Гоголя з європейською літературною традицією у компаративному висвітленні.

Пропонована проблематика, звичайно ж, не претендує на вичерпність, проте окреслює, на наш погляд, тематичне й методологічне коло пошуків Ніжинської школи сьогодні¹. Якими постають у цьому випадку окремі результати ніжинських гоголезнавчих студій?

Проблемі текстології другого тому «Мертвих душ» присвячена книга Г. В. Самойленка – актуальна, цікава і дискусійна розвідка про знайдену у Ніжині версію другого тому гоголівської поеми. Г. В. Самойленко публікує цей текст з власним текстологічним коментарем і пропонує його прочитання як свого роду компіляцію ймовірно кількох рукописних джерел [5]. Дуже специфічна проблема джерельної ідентифікації тексту виявляє кілька аспектів, окреслених автором у монографії. Наприклад, до сьогодні ми не маємо повного «зводу»

рукописних редакцій другого тому, хоча їх існує уже понад десяток; не всі вони хронологічно ідентифіковані (власне, коли і з якою метою переписувалися); насамкінець, якою мірою ці редакції доповнюють одна одну?

Завдання хронологічної ідентифікації Г. В. Самойленко вирішує на користь «ранньої» рукописної версії. «...Текстологический анализ «нежинской» редакции второго тома «Мёртвых душ» позволяет сделать вывод о его достаточно близком совпадении с изданной академической версией (ніжинський список ретельно звірений автором з текстами двох академічних редакцій, опублікованих у VII томі Повного зібрання творів Гоголя 1951 року, а також з редакціями другого тому «Мертвих душ» у виданні П. Куліша 1857 року. — О. К.). Фактическое наличие в составе нового списка последнего слоя с дополнениями и уточнениями позволяет сделать капитальное предположение о том, что найденный список и есть тот вариант рукописи, который послужил основой для первоначальной публикации глав второго тома «Мёртвых душ» [5, с. 162]. Як висновок, «...нежинский вариант второго тома отличается от всех других своей полнотой и отредактированностью текста и может служить основой для нового издания Полного собрания сочинений Гоголя» [5, с. 183].

У історико-літературному плані ця проблема збігів і розмежувань різних версій твору виходить на рівень рецепції канонічного тексту другого тому поеми. Г. В. Самойленко завершує книгу констатацією факту меж тексту (вони традиційні: чотири розділи, плюс один із останніх розділів ранньої редакції поеми), його тяжінням до канонічного тексту. Вочевидь, другий том не відкриває секретів свого «продовження», і більше того – свого завершення. Судячи з ніжинської рукописної версії, «логіки продовження» другого тому переписувачі не знали і обмежувалися каноном пізньої редакції другого тому «Мертвих душ».

Так специфічна текстологічна робота виходить на рівень історико-культурних проблем гоголівської творчої еволюції, пояснює окремі факти його пізньої творчості, особливості пізньої поезики Гоголя. Уся вона свідчить про зміну творчого

регістру Гоголя від сатири до моралі, від естетики до релігійної етики. Наприклад, у книзі про поетику другого тому «Мертвих душ» Н. М. Сквіра тонко аналізує окремі моменти дистанціювання Гоголя від художньої творчості, коли публіцистика здається реалізацією проекту другого тому поеми, його віддзеркаленим планом [6]. Не випадково у центрі книги – аналітика біблійного слова Гоголя, символіко-алегоричного плану твору, а загалом – його нової естетичної парадигми, заснованої на «...можливості прочитання тексту не тільки як сатири на існуючий поміщицький уклад, а як своєрідної програми відродження всього суспільства» [6, с. 315]. Дослідження Н. М. Сквіри загалом стосується нової естетики Гоголя, інтенсивне формування якої у 1840-і роки стало, власне кажучи, визначальною причиною «не-завершення» другого тому «Мертвих душ».

Пізній період творчості Гоголя – цікава тема, що інтенсивно розробляється у кількох аспектах, найчіткіше сформульованих у працях П. В. Михеда. Гоголь і традиції українського бароко, історіософія Гоголя 1840-х років, «апостольський проект» пізнього Гоголя, Гоголь і його рецепція європейського літературного і культурного контексту – коло питань, котрі останнім часом найчастіше висвітлюються дослідником. Європейський орієнтир Гоголя цікавить П. В. Михеда як проблема культурологічна. Протягом останніх років на сторінках «Гоголезнавчих студій» з'являються розвідки про відносини Гоголя з польською діаспорою, про вплив польської літературної традиції на гоголівську творчість, про ідейні й мистецькі зв'язки Гоголя з А. Міцкевичем, Ф. Р. Ламенне, П. Меріме – усі ці аспекти поступово укладаються у П. В. Михеда у ґрунтовну монографічну проблему компаративної реконструкції творчого світогляду пізнього Гоголя, його діалогу з культурною Європою 1840-х років.

Для компаративної реконструкції такого типу характерна теоретична ідея «трансформації літературних текстів» європейського зразка, їхнє «переосмислення і адаптування принагідно своїх ідей і концепцій» [3, с. 245]. Скажімо, есей Гоголя про П. Меріме «...утримує досить цікаву і важливу інформацію для

розуміння творчого розвитку письменника у 1840-ві роки. ... Цей твір про Меріме – самовисловлювання Гоголя, що має стосунок до творення митцем свого образу письменника» [3, с. 234]. Отже, компаративна аналітика подібного зразка відтворює не лише очевидні контекстуальні паралелі (наприклад, «Маттео Фальконе» і «Тарас Бульба», або «Душі чистилища» і другий том «Мертвих душ»), а й універсальні ситуації моделювання тексту, гоголівські підтекстові колізії (зокрема, проаналізовані П. В. Михедом на прикладі «Вибраних місць» і листування Гоголя 1840-х років).

Вочевидь, питання рецепції європейського контексту завжди полівалентне. З одного боку – це закономірний вплив європейської культури на гоголівську творчість. З іншого боку постає проблема зворотного зв'язку. Дослідження П. В. Михеда підказують можливість пошуку точок впливу постаті Гоголя на літературно-естетичні пошуки його європейських сучасників і вивчення міри цього впливу. Проблема, гадаємо, важлива і пріоритетна, оскільки стосується специфіки культурного діалогу України і Європи середини ХІХ століття.

Окрема цікава тема, що постає у зв'язку з компаративними розвідками П. В. Михеда, – Гоголь-перекладач. Йдеться про пошуки можливих джерел творчості пізнього Гоголя, про прийоми гоголівської рецепції й адаптації європейського контексту, про збіг/розбіжність текстових моделей у літературній ситуації 1840-х років.

Елементи компаративної реконструкції та її вихід на моделювальний рівень спостерігаються на різному матеріалі у працях Л. М. Остапенко, Є. О. Прохоренко, і особливо – К. П. Ісаєнко у книзі «Микола Гоголь і Пантелеймон Куліш: два українські світи (типологія художньої свідомості)» [1]. Тут компаративна методика скерована на виявлення феномену авторського «художнього світогляду», «моделі світу», «картини світу» двох українських митців. Дослідниця цікаво пише якраз про моменти розбіжності моделей, зокрема, у їх національно-історичному виявленні. Подібний рівень «порівняльної типології художньої свідомості обох письменників» [1, с. 13] дійсно не мав до сьогодні окремого комплексного висвітлення. Підхід

К. П. Ісаєнко (авторка визначає специфіку своєї методики як «інтегральну компаративістику») типологічний, адресований до національної орієнтації двох митців.

Який методологічний результат цього і подібних підходів? Усім ходом свого дослідження К. П. Ісаєнко доводить, що крізь призму компаративістики, завдяки її моделювальним можливостям, прокреслюється вихід до проблеми національного характеру творчості, національної історіософії, і, насамкінець, національної ідентифікації. Гоголь і Куліш як «два українські світи» – проблема різних етапів історичного розвитку художньої національної свідомості, «відмінності» епохальних національних форм буття. У цьому сенсі питання щодо національної культурної пам'яті Гоголя – чи не найголовніший висновок книги К. П. Ісаєнко.

Важливою і безперечно продуктивною на шляхах вивчення національно-культурної специфіки постаті Гоголя є біографічна методологія. Особливо, коли біографічний дискурс скеровується на контекст певної історичної ситуації, як, скажімо, у К. П. Ісаєнко – середини ХІХ століття (обґрунтування біографічного методу див.: [1, с. 91–94]). Інший період гоголівської біографії, період навчання у Ніжинській Гімназії вищих наук, складає традиційну тему ніжинської філологічної школи (праці Є. М. Михальського, Н. М. Жаркевич, Г. В. Самойленка, Ю. В. Якубіної). Показовим для біографічної методики Ніжинської філологічної школи є останнє за часом підсумкове дослідження Ю. В. Якубіної «Гоголь і Гімназія вищих наук: біографічний та ейдологічний виміри» [7]. Ніжинський період творчості Гоголя як період його творчого визрівання чи не вперше стає тут матеріалом системного культурологічного дослідження.

Біографічний метод інтерпретується у дослідженні в його класичних межах – не в узагальнюючих формулах «життя і творчості», а в експлікації факторів і форм укладання художнього світогляду, формування творчого погляду на світ, програми гоголівського життєустрою. Етнокультурний простір Ніжина, ситуація «літературного урочища» Гімназії вищих наук – елементи, що складають національне світовідчуття

Гоголя. «Попри помітні кроки у розробці означеної теми, вона все ще вимагає заповнення певних лакун ... про характер середовища, яке стало наснажувальним джерелом творчих витоків Гоголя і відлуння якого зберегла його творчість» [7, с. 92].

Намагання «зосередити увагу на історико-літературних концептах» формування творчих пріоритетів Гоголя [7, с. 94] складає основний зміст книги і її наскрізну ідею. Ю. В. Якубіна вирішує дослідницьке завдання завдяки аналітиці фундаментальних архівних матеріалів Ніжинської Гімназії вищих наук, котрі, виявляється, далеко не вичерпані і містять значний потенціал для біографа й історика літератури. Книга Ю. В. Якубіної – поле інтерпретації біографії на основі архівних фактів. При цьому у поле зору дослідниці потрапляє передусім до-літературний період життя Гоголя: якщо, наприклад, Н. М. Жаркевич у циклі своїх праць аналізує форми і результати безпосередньої літературної творчості юних ніжинців, то Ю. В. Якубіна зосереджує увагу на так би мовити «перед-літературній діяльності», етапові оформлення картини світу молодого Гоголя у специфічному етнокультурному, географічному і історичному середовищі Ніжина і Ніжинської Гімназії 1820-х років.

Ситуація культурного (ейдологічного) простору Ніжина заактуалізована Ю. В. Якубіною у зразковій, як для такого жанру, монографії, проте зовсім не завершальній. (Див. подібні зауваження щодо перспектив вивчення біографії молодого Гоголя також у книзі Г. В. Самойленка: [4]). Цікаво і перспективно у Ю. В. Якубіної сформульована проблема «ейдологічного виміру» і «змістових домінант» біографії юного Гоголя. Культурологічний і філософський ракурс проблеми адресує до природи гоголівського художнього світу: молодий Гоголь навчався і виховувався у ситуації етнокультурної і історичної дихотомії «Василівки» і «Ніжина», «козацького» і «імперського» світів. Увесь його до-літературний ніжинський період – це період усвідомлення цієї дихотомії й укладання власної ієрархії історико-культурних цінностей.

Якщо уважно прочитати ранній етап гоголівської біографії, легко помітити його ейдологічну перевагу. Юний Гоголь перебуває в Ніжині на периферії структури імперської історико-культурної свідомості – принципово ієрархічної і догматичної. Звідси усі переваги і вади його лицейської освіти, його вічна екзистенційна проблема крайнощів. Наприклад, у Ніжині картина гоголівського світу однозначно «імперська», «столично-петербурзька», у Петербурзі – «ніжинська» і «диканська», «провінційно-козацька». Молодий Гоголь еволюціонує шляхом усвідомлення природи цієї дихотомії й поступового позбавлення від імперського імперативу. Його художня творчість – фундаментальний фактор як самопізнання, так й історичної національної самоідентифікації.

Книги К. П. Ісаєнко і Ю. В. Якубіної, кожна зі своїх тематичних площин, доводять, що проблеми історіософії й художньої філософії Гоголя постають сьогодні в повний зріст, особливо у зв'язку з необхідністю переосмислення картини гоголівського національно-культурного світогляду².

Проблематика, пов'язана з національним фактором формування художнього світу Гоголя, – лише частина загальної стратегії Ніжинського гоголезнавства останніх років. У цілому теоретико-методологічні й культурологічні перспективи тут очевидні: біографічна методологія, текстологічна практика, поетика, компаративна й історико-функціональна методики далеко не вичерпали свого потенціалу і продовжують формувати коло завдань сучасного українського гоголезнавства.

Примітки:

¹ Якщо оглянути результати роботи школи двох останніх десятиліть, картина виявиться, безумовно, рельєфнішою: варто згадати лише перші випуски «Гоголезнавчих студій», «Літератури і культури Полісся», українське зібрання творів Гоголя у семи томах з першими в Україні перекладами «Вибраних місць», публіцистики і релігійних творів (переклади Т. В. Михед).

Знаковими подіями у гоголезнавстві стали книги О. Г. Ковальчука «Буття і страх», П. В. Михеда «Пізній Гоголь і бароко», Н. М. Жаркевич «Гоголь глазами XX века», Г. В. Самойленка «Николай Гоголь и

Нежин», Н. М. Сквіри «Проблеми поетики другого тому «Мертвих душ» Миколи Гоголя». Тематика і проблематика цих розвідок не «закриває», а, скоріше, «відкриває» низку гоголезнавчих проблем – біографічних, історичних, філософських, культурологічних. Перспективи тут вбачаються мало не на кожному кроці: йдеться, скажімо, про уточнення питань художньої філософії Гоголя. Після концептуальної філософської книги О. Г. Ковальчука («Буття і страх») і деяких зауважень П. В. Михеда («Пізній Гоголь і бароко») філософська проблематика «затухає» у контексті ніжинських досліджень, модифікується у проблему синтезу гоголівської поетики і релігійності (праці Н. М. Сквіри).

² Вперше, як здається, у контексті Ніжинської гоголезнавчої школи проблему сформулював П. В. Михед у статті про перспективи русистики в Україні: «Процесс возрождения национальных культур – украинской и русской – закономерно разводит условные координаты центра, прежде искусственно сближаемые историческими схемами, учреждавшимися государством со второй половины XVII века, а затем «интернационалистским пафосом» предыдущей эпохи. *Сегодня можно прогнозировать с большой степенью вероятности дальнейшее дистанцирование двух культур: возможно, процесс будет замедляться либо ускоряться под воздействием политических и экономических факторов, однако вектор сохранится и в том, и в другом случае.* Познавая себя, культуры осознают свою индивидуальность, свою особость, выявляя историческую предопределенность и естественность самого процесса» [2, с. 5–6].

(Не могу сьогодні не звернути увагу читача на виокремлені й наголошені мною думки щодо факторів дистанціювання культур, а надто ж – щодо історичної невідворотності процесів культурного самопізнання. — О. К.).

Література:

1. *Ісаєнко К. П.* Микола Гоголь і Пантелеймон Куліш: два українські світи (типологія художньої свідомості): монографія / К. П. Ісаєнко. — Ніжин : НДУ ім. М. В. Гоголя, 2015. — 264 с.

2. *Михед П. В.* Творчество Гоголя в свете украинской русистики: о некоторых проблемах изучения / П. В. Михед // Гоголезнавчі студії : Випуск сьомий. — Ніжин, 2001. — С. 5—14.

3. *Михед П. В.* Гоголь і Меріме: «<Заметки о Меріме>» Миколи Гоголя в контексті духовно-естетичних шукань 1840-х років /

П. В. Михед // Гоголезнавчі студії : Вип. V (22). — Ніжин, 2015. — С. 232—250.

4. *Самойленко Г. В.* Николай Гоголь и Нежин / Г. В. Самойленко. — Нежин : «Аспект-Поліграф», 2008. — 316 с.

5. *Самойленко Г. В.* Нежинский список второго тома «Мёртвых душ» Н. Гоголя / Г. В. Самойленко. — Нежин : НГУ им. Н. В. Гоголя, 2012. — 360 с.

6. *Сквіра Н.* Проблеми поетики другого тому «Мертвих душ» Миколи Гоголя / Наталія Сквіра. — К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. — 328 с.

7. *Якубіна Ю. В.* Гоголь і Гімназія вищих наук: біографічний та ейдологічний виміри : монографія / Ю. В. Якубіна. — Ніжин : НДУ ім. М. В. Гоголя, 2012. — 368 с.

References:

1. Isaenko K. P. Mykola Hohol and Panteleimon Kulish: two Ukrainian worlds (typology of artistic conscience): monograph [Mikola Gogol' i Pantelejmon Kulish: dva ukraïns'ki sviti (tipologija hudozhn'oï svidomosti): monografija]. Nizhyn, NDU im. M. V. Gogolja Publ., 2015. 264 p.

2. Mihed P. V. Hohol's literary work in the context of Ukrainian studies of Russian philology: considering several problems of investigation [Tvorchestvo Gogolja v svete ukraïnskoj rusistiki: o nekotoryh problemah izuchenija]. *Hohol Studies [Hoholeznavchi studii]*. Nizhyn, 2001. № 7. P. 5—14.

3. Mihed P. V. Hohol and Mérimée: “Notes on Mérimée” by Mykola Hohol in the context of spiritual and esthetic findings of 1840 s. [Gogol' i Merime: “<Zametki o Merime>” Mikoli Gogolja v konteksti duhovno-estetichnih shukan' 1840-h rokiv]. *Hohol Studies [Hoholeznavchi studii]*. Nizhyn, 2015. № 5 (22). P. 232—250.

4. Samojlenko G. V. Nikolai Gogol and Nezhyn [Nikolaj Gogol' i Nezhin]. Nezhyn, “Aspekt-Poligraf” Publ., 2008. 316 p.

5. Samojlenko G. V. Nezhyn list of the second volume of “The Dead Souls” by N. Gogol [Nezhinskij spisok vtorogo toma “Mjortvyh dush” N. Gogolja]. Nezhyn, NGU im. N. V. Gogolja Publ., 2012. 360 p.

6. Skvira N. Poetic issues of the second volume of “The Dead Souls” by M. Hohol [Problemi poetiki drugogo tomu «Mertvih dush» Mikoli Gogolja]. Kyiv, Vidavnicij dim Dmitra Burago Publ., 2010. 328 p.

7. Jakubina Ju. V. Hohol and Higher sciences gymnasium: biographical and eidological dimensions: monography [Gogol' i Gimnazija vishih nauk: biografichnij ta ejdologichnij vimiri: monografija]. Nizhyn, NDU im. M. V. Gogolja, 2012. 368 p.

Анотація

НІЖИНСЬКЕ ГОГОЛЕЗНАВСТВО НА СУЧАСНОМУ ЕТАПІ: НАПРЯМИ І МЕТОДОЛОГІЯ ДОСЛІДЖЕНЬ

Мета статті полягає в спробі висвітлення проблем сучасного гоголезнавства у розвідках Ніжинської філологічної школи. Протягом двох останніх десятиліть вивчення художньої й історико-публіцистичної спадщини Гоголя концентрується навколо питань національного характеру його творчості. Ця загальна культурологічна проблема формує сьгодні проблематику українського гоголезнавства.

У статті зазначаються напрями досліджень Ніжинської школи, їх методологічна і теоретична складові. Аналізуються методологічні настанови біографічних, текстологічних, поетичних, компаративних досліджень останніх років. У результаті аналізу формулюється думка про потенційні можливості і перспективи традиційних літературознавчих практик. Помічається еволюція у контексті Ніжинської філологічної школи у бік компаративних студій: вивчення факторів впливу Гоголя на українську літературну традицію ХІХ–ХХ століть, проблеми «Гоголь і європейська культура», контекстуального історико-культурного діалогу Гоголя з європейською літературою. Основою висновків слугують праці Г. В. Самоїленка, П. В. Михеда, Ю. В. Якубіної, К. П. Ісаєнко та інших дослідників Ніжинської школи.

Ключові слова: біографічний метод, гоголезнавство, компаративістика, контекст, методологія, Ніжинська гоголезнавча школа, поетика, текстологія, теорія літератури.

Аннотація

НЕЖИНСКОЕ ГОГОЛЕВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цель предлагаемой статьи заключается в попытке освещения проблем современного гоголеведения в работах представителей Нежинской филологической школы. Последние два десятилетия изучения художественного и историко-публицистического наследия Гоголя связаны с проблемой национального характера его творчества. Эта общая культурологическая проблема формирует сегодня тенденции и проблематику украинского гоголеведения.

В статье освещены основные направления исследований Нежинской школы, их методологическая и теоретическая составляющие. Анализируются методологические установки биографических, текстологических, поэтических, компаративных исследований последних

лет. Результатом анализа является замечание о значительном потенциале и перспективе традиционных литературоведческих практик. Отмечается эволюция исследовательского контекста Нежинской школы в сторону компаративных исследований: изучения факторов влияния Гоголя на украинскую литературную традицию XIX–XX веков, проблемы «Гоголь и европейская культура», контекстуального историко-культурного диалога Гоголя с европейской культурой и литературой. Основанием для выводов послужили работы Г. В. Самойленко, П. В. Михеда, Ю. В. Якубиной, К. П. Исаенко и других исследователей Нежинской школы.

Ключевые слова: биографический метод, гоголеведение, компаративистика, контекст, методология, Нежинская гоголеведческая школа, поэтика, текстология, теория литературы.

Summary

MODERN HOHOL STUDIES IN NIZHYN: DIRECTIONS AND METHODOLOGY OF RESEARCHES

The purpose of the proposed article is to try to cover the problems of modern Hohol studies in the works of the representatives of Nizhyn philological school. The last two decades of studying the artistic and historical publicistic legacy of Gogol are connected with the problem of the national character of his work. This general cultural issue forms today the trends and problems of Ukrainian Hohol studies.

This article focuses on the main research trends of Nizhyn school, their methodological and theoretical components. The methodological approaches of biographical, textological, and comparative studies of recent years are analyzed. As a result, this analysis postulates considerable potential and perspectives of traditional literary practical studies. The author emphasizes the evolution of the Nizhyn school context towards comparative studies.

To be more precise, this research presupposes the investigation of Hohol's influence on Ukrainian literary tradition of 19th – 20th centuries, as well as the issue of “Hohol and European culture”, namely the contextual historical and cultural dialogue between Hohol and European culture and literature. Conclusions provided by the author are based on the works by H. V. Samojlenko, P. V. Mykhed, Yu. V. Yakubina, K. P. Isaienko and other scholars of the Nizhyn school.

Keywords: biographical method, Hohol studies, comparative studies, context, methodology, Nizhyn school of Hohol studies, poetics, textual study, literary theory.

ПУТЕШЕСТВИЕ В «ДРУГОЙ» МИР В ПРОЗЕ ГОГОЛЯ

Обращение к теме путешествия в «другой» мир в прозе Гоголя и описание этого путешествия тесно связаны с усвоением им, что проявилось уже в ранних повестях, схемы волшебной сказки (ср.: [3, с. 755]). Для писателя, чье мышление «...все время включает в себя модус: «а если бы произошло иначе» [5, с. 11], освоение сюжетики волшебной сказки кажется весьма органичным, так как именно «то самое «если» порождает здесь структуру мира, «в котором происходят вещи необычайные» [6, с. 70]. Именно путешествие в «другой» мир, служащий сюжетным аналогом сказочного иного царства и рисуемый в таких повестях, как «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Тарас Бульба» и «Рим», особым образом соотносит мир Гоголя с миром волшебной сказки. С волшебной сказкой эти повести сближает как сопутствующие путешествию и накладывающие на происходящее сказочный отпечаток *вещи необычайные*, так и значимая роль пути в схеме сюжета и строго определенная последовательность перемещений из исходного пункта в «другой» / иной мир (ср.: [10, с. 145]). Подобно иному царству в сказке, «другой» мир, куда стремятся попасть гоголевские герои, воспринимается ими – в сопоставлении со *своим* – как *чужой*; при этом характер «чужести» и ее оценки в разных повестях существенно различаются.

В волшебной сказке исходную сюжетную ситуацию определяют такие ее признаки, как беда, несчастье или нехватка (см.: [14, с. 203]). У Гоголя ситуация, отмеченная подобными признаками, также является исходной для путешествия, включенного в сюжетную схему названных повестей в качестве одного из ключевых ее элементов.

Герою в «Пропавшей грамоте» необходимо вернуть похищенную у него шапку с зашитой в нее грамотой, которую он должен вручить царице. Шапкой он накануне поменялся с запорожцем, давно продавшим душу нечистой силе; вот

последняя и взяла его ночью, когда срок истек, вместе с конем, так как «до пекла не близко», и с шапкой: «Кому больше утащить, как не нечистому» [2, I, с. 185]. Так герой разом недосчитался и коня, и шапки, и грамоты.

В «Ночи перед Рождеством» Вакула обещает достать Оксане «славные черевички», какие она увидела у одной из девушек; надменная красавица дает слово, что «если он принесет те самые черевички, которые носит царица», то «тот же час» выйдет «за него замуж»: только такие черевички она готова «надеть на свою ногу» [2, I, с. 216]. И Вакуле предстоит раздобыть недостающий для счастливой развязки свадебный подарок.

Тарас Бульба, решив «разведать во что бы то ни стало» [2, II, с. 149], какова участь Остапа, плененного поляками, является к спасенному им от расправы Янкелю, чтобы просить об ответной услуге: отвезти его в Варшаву: «Что бы ни было, а я хочу еще раз увидеть его, сказать ему хоть одно слово» [2, II, с. 150]. Сказать слово ободрения, способное нравственно поддержать попавшего в беду сына.

Наконец, в «Риме» слишком узкий «горизонт сведений», полученных героем в рамках домашнего воспитания, побуждает старого князя, возжелавшего «дать сыну образование европейское», отправить его сначала «в Лукку, в университет» [2, III, с. 220], а затем предписавшего «ехать в Париж», чтобы «окончить ученье в тамошнем университете» [2, III, с. 221]. Именно там, в Париже, герой, как ему представляется, сможет по-настоящему приобщиться к европейской жизни и европейской культуре, чтобы восполнить недостаток воспитания и образования.

Действия персонажей, вовлеченных у Гоголя в путешествие в «другой» мир, имеют, как и в сказке, сюжетное значение (см.: [12, с. 25]). К таким действиям относится прежде всего переправа в «другой» мир, способы которой непосредственно соотносятся со способами пространственного перемещения героя в сказке [12, с. 49].

Сказочным способом переправы является, например, полет по воздуху в «Ночи перед Рождеством». Оседлав черта, Вакула приказывает тому:

«“Вези меня сей же час на себе! слышишь, неси как птица!”

“Куда?” произнес печальный чорт.

“В Петембург, прямо к царице!” и кузнец обомлел от страха, чувствуя себя подымающимся на воздух» [2, I, с. 225–226].

Полет Вакулы служит формой осуществления чертом функций сказочного чудесного помощника, обещающего все сделать «для товарища и друга», если тот заключит с ним «контракт» [2, I, с. 225]. Но кузнец, в соответствии с фольклорными представлениями о черте, который может не только вредить, но и оказывать «невольное содействие сказочному герою» [7, с. 78], делает его чудесным помощником «насильно», чтобы выполнить задание «строптивой невесты» [8, с. 77].

В повестях Гоголя героев доставляют в нужное место или они сами туда попадают и другими способами, также предусмотренными сказкой, где «полет по воздуху – не единственная форма переправы»; переправиться в иное царство можно на коне, на корабле, даже «пешком» [14, с. 216]. Пешком, например, отправляется в пекло герой «Пропавшей грамоты»; следуя, согласно наставлению шинкаря, взявшегося ему помочь, через лес (сказочный лес «окружает иное царство» и служит входом «в царство мертвых» [12, с. 58]), он находит сначала «дорожку, пробиравшуюся промеж мелким кустарником», далее перед ним «мелькнула и речка» [2, I, с. 186], затем возникает и «мостик», ступив на который оказался он «на другом берегу» [2, I, с. 187].

Тарас буквально навязывает Янкелю роль чудесного помощника, полагая, что тот, будучи чужаком-иноверцем, находится, согласно распространенным верованиям, в особых отношениях с нечистой силой: «Так вези же меня хоть на чорте, только вези!» [2, I, с. 152]. И Янкель действительно придумывает способ доставки Тараса в Варшаву, заложив его кирпичом на дне воза.

На конном транспорте переправляется через горный перевал в Швейцарию и далее в Париж и молодой князь в «Риме»; в роли чудесного помощника выступает здесь его отец, благодаря которому он получает возможность выбраться из Италии: «Когда переехали Симплон, приятная мысль пробежала в голове его: он на другой стороне, он в Европе!» [2, III, с. 221].

«Другой» мир у Гоголя, как и иное царство в сказке, предстает в разных формах. В «Пропавшей грамоте» это пекло, аналог того света в сказке (ср.: [4, 1994, с. 45–47]), где герой видит «такие смазливые рожи, что в другое время, Бог знает, чего бы не дал, лишь бы ускользнуть от этого знакомства» [2, I, с. 187]. В остальных повестях это город, что не противоречит представлениям сказки об ином царстве, которое может быть «представлено городом» [14, с. 217].

В «Ночи перед Рождеством» Петербург кажется Вакуле чудным и странным городом, где дома «будто подымались из земли», «мосты дрожали» [2, I, с. 232], а «мостовая, гремя, казалось, сама катилась под ноги лошадям» [2, I, с. 234]. В таком волшебном-сказочном месте он только и может получить в подарок для своей «жинки» от царицы «башмаки самые дорогие, с золотом» [2, I, с. 237].

Варшава в «Тарасе Бульбе» наделяется чертами сказочного того света, хотя обитают в ней не демонические существа, а иноземцы и иноверцы. Янкель привозит Тараса «в темную узенькую улицу», где всякий швырял «что только было у него негодного» [2, II, с. 153]. В волшебной сказке темнота есть первое впечатление на «том свете», только затем возникают «опять свет и жизнь» [4, 1994, с. 44]. Однако последующий ход событий, несмотря на выход Тараса в свет, только усиливает впечатление о Варшаве как о том свете, принявшем вид демонического города.

Приметы демонического города, поражающего своею «чудовищною наружностью» [2, III, с. 222], отличают и Париж. Герой «Рима» не может поначалу распознать их, так как Париж, затягивая его в свою хтоническую утробу, обладает способностью *оглушать* и *ослеплять*: «Как ошеломленный, не в силах собрать себя, пошел он по улицам...» [2, III, с. 223].

Понадобилось время, чтобы в обманувшем его облике Парижа зримо выступили для героя такие инфернальные свойства, как видимость и кажимость, фиктивность и фантомность; только тогда город «показался ему много, много не тем, чем был прежде» [2, III, с. 227]. На пути в «другой» мир и в самом «другом» мире гоголевским героям предстоит пройти испытание и решить ожидающие их трудные задачи. Как и в волшебной сказке, они последовательно проходят предварительное испытание в форме приобретения чудесного помощника, а затем и главное испытание, отвечающее цели их путешествия в «другой» мир (см.: [9, с. 53]). Так, в «Ночи перед Рождеством» Вакула сначала подчиняет себе черта, доставляющего его в Петербург, после чего добывает подарок для невесты, решив таким образом свадебную задачу.

В «Тарасе Бульбе» предварительное испытание принимает, как в сказке, форму «услуги», оказываемой героем, который приобретает благодаря ей «волшебного помощника» [12, с. 235]. Таким помощником и становится спасенный Тарасом Янкель; встреча Тараса с Остапом должна стать его ответной услугой. Переодевшись с помощью Янкеля «иностранным графом», Тарас, подобно герою сказки, так изменяет облик, что даже молодеет, поскольку ему теперь «казалось не более тридцати пяти лет» [2, II, с. 157], что усиливает сказочный характер произошедшей «трансфигурации» [12, с. 58].

Проследим подробнее, как связаны в повести Гоголя главное испытание героя и решение им трудной задачи. Тарас, чтобы встретиться с сыном, вынужден продвигаться в самую глубь «другого» мира, пока не оказывается у входа в подземелье, который охраняет «гайдук с усами в три яруса», делавшими его «очень похожим на кота» [2, II, с. 159]. Путь, которым идут Янкель с Тарасом, ассоциируется с посещением *того света* в волшебной сказке и с дорогой в мифологическую преисподнюю, куда вход охранялся стражами, имевшими облик мифических животных (см.: [11, с. 453]).

Тарас, как и сказочный герой в аналогичной ситуации, проявляет пассивность, так как за него «все выполняет его помощник»; совпадает он с героем сказки и в том, что, как

иногда поступает последний, «даже скорее портит дело, чем способствует ему» [14, с. 216]. Янкель просит гайдука, чтобы тот позволил *графу* «посмотреть на казаков», но бранная характеристика казацкой веры вызывает негодование Тараса: «Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? Это вашу еретическую веру не уважают!» [2, II, с. 160]. Вступив в спор со стражником и сведя таким образом на нет усилия своего помощника, Тарас отправляется на место казни, служащее «картиною адских мук» [2, II, с. 164], которым подвергаются казаки. Вопрос Остапа, слышит ли его *батя*, и утвердительный ответ последнего обнажают значимую для встречи отца с сыном тему спасения; нравственно поддержав Остапа, Тарас решает стоявшую перед ним трудную задачу.

В «Риме» главным испытанием для героя становится встреча с демоническим городом; в Париже ему предстоит решить для себя трудную задачу: вновь стать римлянином. Окружающее пространство воздействует здесь на его состояние самым неблагоприятным образом: «Тоскливое расположение духа им овладело» [2, III, с. 228]. Переживаемый им кризис резко обнажает его духовное сиротство: «Тут-то он сильно почувствовал свое одиночество» [2, III, с. 229]. Париж начинает восприниматься героем как царство мертвых, где он пережил метафорическую смерть: «Как убитый останавливался он над Сенной... тоска необъятная жрала его и безыменный червь точил его сердце» [2, III, с. 229–230]. Следствием испытания оказывается разочарование героя в Париже и парижской жизни и решение возвратиться в Рим, где он заново рождается в качестве *римского князя*.

В волшебной сказке возвращение героя из иного царства «...обычно совершается в тех же формах, что и прибытие» [12, с. 53]. В повестях Гоголя, за исключением «Ночи перед Рождеством», где черт быстро несется «с кузнецом назад», так что «мигом очутился Вакула около своей хаты» [2, I, с. 241], формы возвращения отличаются от форм прибытия, но сохраняют в той или иной мере сказочный характер.

В «Пропавшей грамоте» герой возвращается из пекла на коне, выпрошенном у чертей, чтобы выбраться из их «гнезда»:

«Чорт хлопнул арапником – конь, как огонь, взвился под ним, и дед, что птица, вынесся наверх», очнувшись после бешеной скачки на «сатанинском животном» уже «на крыше своей же хаты» [2, I, с. 190]. Конь, который выносит героя из пекла, представляется, как и в сказке, «заупокойным животным» [13, с. 173]; благодаря своей «огненной природе», конь является, подобно огню, посредником как «между двумя царствами» [13, с. 176] в сказке, так и между двумя мирами в гоголевской повести.

В «Тарасе Бульбе» способ, избранный Тарасом для возвращения из Варшавы в Сечь, не указан и не описан. Неожиданное для Янкеля исчезновение Тараса с площади, так что его «и след простыл» [2, II, с. 165], сопоставимо с *незаметным* возвращением сказочного героя с *того света*, «откуда можно вернуться самыми разнообразными путями» [4, с. 45]. Повествователь поэтому и не объясняет, каким образом Тарас вновь оказался в Сечи, но лишь констатирует: «Отыскался след Тарасов» [2, II, с. 165].

В «Риме» князь возвращается из Парижа в Рим морским путем; способ возвращения знаменательным образом связан с пересечением *морской* границы. Франция, находящаяся по отношению к Италии по ту сторону моря, воспринимается прозревшим героем как *тот* свет (в архаических представлениях *тот* свет располагается как раз по ту сторону моря или вообще водного пространства; см.: [16, с. 56, 257]). Ср. чувства героя, спешащего покинуть Париж, чтобы сесть на пароход в Марселе: «Казалось, страшная тягость свалилась с души его, когда скрылся из вида Париж...» [2, III, с. 230].

Уже в «Ночи перед Рождеством» Гоголь раскрывает сказочную семантику возвращения: если «путешествие героя в чужое пространство (Петербург) приравнивается к смерти (ср. слухи о гибели Вакулы, распространившиеся в Диканьке)», то «возвращение домой – к воскресению» [3, с. 770–771]. В «Риме» происходит значимое обновление этой семантики. В аспекте воскресения существенна связь моря с мотивом освобождения от смерти (ср.: [15, с. 586–587]). Возвращение домой морским

путем призвано подчеркнуть ожидаемое воскресение героя в Риме, где ему предстоит обрести самого себя.

Приведем в заключение еще два примера путешествия в «другой» мир в прозе Гоголя; связь со сказочным путешествием в иной мир здесь затушевана и не столь очевидна.

В «Шинели» Акакий Акакиевич, будучи приглашенным на «вечер» к помощнику столоначальника и проходя сначала «кое-какие пустынные улицы с тощим освещением» [2, III, с. 158], совершает путь с окраины в центр. Переправа в «другой» мир совершается пешком и обходится без чудесного помощника. Центральная часть города воспринимается героем как «другой» мир, где не только попадаются «дамы красиво одетые» и «лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками», но и вообще встречаются *вещи необычайные*, вроде картины в окошке магазина, на которой «изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную» [2, III, с. 158–159].

Между тем приметы демонического города открываются герою не в центре, а когда он движется тем же путем назад: на площади, «которая глядела страшную пустынею», у него отбирают шинель «какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить» [2, III, с. 161]. Грабители, обладающие неуловимой внешностью, уподобляются бесам (ср.: [1, с. 179]); чужой оказывается для героя как центральная, так и окраинная часть города, где степень *чужести* даже возрастает. Ситуация, отмеченная признаками беды и несчастья, взята в «Шинели» не как исходная для путешествия, но как завершающая; главное испытание совершается не в «другом» мире, а на пути домой, соответственно по возвращении домой ему предстоит решать внезапно возникшую трудную задачу.

В «Повести о капитане Копейкине» рассказывается, как герой, получивший на войне тяжелое увечье и нуждающийся в пенсионе, отправляется в столицу, на необычном облике которой лежит сказочный отпечаток: «Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми! или там эдакая

какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чортом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения, — словом, Семирамида, судырь, да и полно!» [2, VI, с. 200].

В мире демонического Петербурга, по всем приметам «другом» для героя, его ожидает испытание, с которым он не справляется; решение вставшей перед ним трудной задачи, как выясняется, не зависит от его усилий. В результате героя насильственным образом возвращают «на место», хотя «...куда именно привезли, ничего этого неизвестно» [2, VI, с. 205]. Поскольку рассказ почмейстера, успевшего поведать о превращении Копейкина в атамана разбойничьей шайки, неожиданно обрывается, сюжет повести также остается оборванным; в результате сказка сменяется анекдотом.

И все же проступающие в тексте и «Шинели», и «Повести о капитане Копейкине» следы семантической памяти пусть и не так явно, как в рассмотренных ранее повестях, но отсылают читателя к сюжетной схеме волшебной сказки и к структуре воссозданного в волшебной сказке иного мира, который оборачивается у Гоголя «другим» миром, куда совершают свое путешествие герои писателя.

Литература:

1. *Аверинцев С. С.* Бесы / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. — [2-е изд.]. — М. : Советская Энциклопедия, 1987. — Т. I. — С. 169—170.

2. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937—1952.

Т. 1 : Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки. — 1940. — 556 с.

Т. 2 : Миргород. — 1937. — 764 с.

Т. 3 : Повести — 1938. — 728 с.

Т. 6 : Мертвые души. Том первый. — 1951. — 924 с.

3. *Дмитриева Е. Е.* Комментарий / Е. Е. Дмитриева // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем : в 23 т. — М. : Наука, 2003. — Т. 1. — С. 750—791.

4. *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор, колдовство / Е. Н. Елеонская. — М. : Индрик, 1994. — 272 с.
5. *Лотман Ю. М.* О «реализме» Гоголя / Ю. М. Лотман // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II (Новая серия). — Тарту : ТГУ, 1997. — С. 11—35.
6. *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / Д. Н. Медриш. — Саратов : Изд-во СГУ, 1980. — 296 с.
7. *Медриш Д. Н.* Путешествие в Лукоморье. Сказки Пушкина и народная культура / Д. Н. Медриш. — Волгоград : Перемена, 1992. — 144 с.
8. *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. — М. : РГГУ, 1994. — 136 с.
9. *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе / Е. М. Мелетинский. — М. : РГГУ, 2009. — 168 с.
10. *Новик Е. С.* Система персонажей русской волшебной сказки / Е. С. Новик // Структура волшебной сказки. — М. : РГГУ, 2001. — С. 122—162.
11. *Петрухин В. Я.* Загробный мир / В. Я. Петрухин // Мифы народов мира : в 2 т. — [2-е изд.]. — М. : Советская Энциклопедия, 1987. — Т. I. — С. 452—456.
12. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. — [2-е изд.] / В. Я. Пропп. — М. : Наука, 1969. — 168 с.
13. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — СПб. : Изд-во СПбУ, 1996. — 366 с.
14. *Пропп В. Я.* Русская сказка / В. Я. Пропп. — М. : Лабиринт, 2000. — 416 с.
15. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — 624 с.
16. *Успенский Б. А.* Избранные труды / Б. А. Успенский. — М. : Гнозис, 1994. — Т. 1. — 432 с.

References:

1. Averintsev S. S. The Demons [Besy]. *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vol. 2-nd ed. [Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t. 2-e izd.]*. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1987. Vol. I. P. 169—170.
2. Gogol' N. V. Complete Works in 14 volumes [Polnoe sobranie sochinenij v 14 t.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937—1952.

- Vol. 1: Ganz Küchelgarten. Evenings on the Farm Near Dikanka [Gants Kyukhel'garten. Vechera na khutore bliz Dikan'ki]. 1940. 556 p.
- Vol. 2: Mirgorod [*Mirgorod*]. 1937. 764 p.
- Vol. 3: Stories. [*Povesti*]. 1938. 728 p.
- Vol. 6: Dead Souls. Volume one [*Mertvye dushi. Tom pervyy*]. 1951. 924 p.
3. Dmitrieva E. E. Commentary [Kommentariy]. *Gogol N. V. Complete Works and letters: in 23 volumes. [Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 23 t.]*. Moscow, Science Publ., 2003. Vol. 1. P. 750—791.
4. Eleonskaya E. N. Fairy tale, conspiracy, witchcraft [*Skazka, zagovor, koldovstvo*]. Moscow, Indrik Publ., 1994. 272 p.
5. Lotman Yu. M. About the “realism” of Gogol [O “realizme” Gogolya] *Proceedings of Russian and Slavic philology. Literary studies. II (The New Series) [Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie. II (Novaya seriya)]*. Tartu: TSU Publ., 1997. P. 11—35.
6. Medrish D. N. Literature and folklore tradition. Questions of poetics [Literatura i fol'klornaya traditsiya. Voprosy poetiki]. Saratov, Publishing house of SSU Publ., 1980. 296 p.
7. Medrish D. N. Travel to Lukomorye. Pushkin's fairy tales and folk culture [Puteshestvie v Lukomor'e. Skazki Pushkina i narodnaya kul'tura]. Volgograd, The Change Publ., 1992. 144 p.
8. Meletinsky E. M. About literary archetypes [O literaturnykh arkhetypakh]. Moscow, RGGU Publ., 1994. 136 p.
9. Meletinsky E. M. From myth to literature [Ot mifa k literature]. Moscow, RGGU Publ., 2009. 168 p.
10. Novik E. S. System of characters of Russian volle tale [Sistema personazhey russkoy volebnoy skazki]. *Structure of a fairy tale [Struktura volshebnoy skazki]*. Moscow, RGGU Publ., 2001. P. 122—162.
11. Petrukhin V. Ya. The Eternal World [*Zagrobnyy mir*]. *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vol. 2-nd ed. [Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t. 2-e izd.]*. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1987. Vol. I. P. 452—456.
12. Propp V. Ya. Morphology of the fairy tale. 2-nd ed. [Morfologiya skazki. 2-e izd.]. Moscow, Science Publ., 1969. 168 p.
13. Propp V. Ya. Historical roots of a fairy tale [Istoricheskie korni volshebnoy skazki]. St. Petersburg, Publishing House of SPbSU Publ., 1996. 366 p.
14. Propp V. Ya. Russian fairy tale [Russkaya skazka]. Moscow, Labyrinth Publ., 2000. 416 p.

15. Toporov V. N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic [Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo]. Moscow, Progress-Culture Publ., 1995. 624 p.

16. Uspenskiy B. A. Selected Works. [Izbrannye trudy]. Moscow, Gnosis Publ., 1994. Vol. 1. 432 p.

Аннотация

ПУТЕШЕСТВИЕ В «ДРУГОЙ» МИР В ПРОЗЕ ГОГОЛЯ

В статье речь идет о соотносительности путешествия в «другой» мир у Гоголя с сюжетной схемой волшебной сказки. Автор рассматривает ряд повестей Гоголя, в которых «другой» мир служит аналогом сказочного иного царства. С волшебной сказкой эти повести сближает роль пути в схеме сюжета и определенная последовательность перемещений из исходного пункта в «другой» мир. И в волшебной сказке, и в повестях Гоголя исходную сюжетную ситуацию для путешествия в «другой» мир маркируют такие признаки, как беда, несчастье или недостача. Как иное царство в сказке, «другой» мир предстает в формах «того» света или демонического города. Действия героев, вовлеченных в путешествие, имеют, как и в волшебной сказке, сюжетное значение. Как результат, следы семантической памяти в гоголевских текстах отсылают к сюжетной схеме волшебной сказки и к структуре сказочного иного мира, который оборачивается у Гоголя «другим» миром.

Ключевые слова: Гоголь, волшебная сказка, иной мир, иное царство, путешествие, другой мир.

Анотація

ПОДОРОЖ В «ІНАКШИЙ» СВІТ У ПРОЗІ ГОГОЛЯ

У статті йдеться про зіставлення подорожі в «інший» світ у Гоголя з сюжетною схемою чарівної казки. Автор розглядає низку повістей Гоголя, в яких «інший» світ слугує аналогом казкового іншого царства. З чарівною казкою ці повісті зближує роль шляху в схемі сюжету і певна послідовність переміщень з вихідного пункту в «інший» світ. І в чарівній казці, і в повістях Гоголя початкову сюжетну ситуацію для подорожі в «інший» світ маркують такі ознаки, як лихо, нещастя або скрута. Як інше царство в казці, «інший» світ постає у

формах «того» світу або демонічного міста. Дії героїв, які беруть участь у подорожі, мають, як і в чарівній казці, сюжетне значення. Як наслідок, сліди семантичної пам'яті в Гоголевих текстах відсилають до сюжетної схеми чарівної казки і до структури казкового іншого світу, який обертається у Гоголя «інакшим» світом.

Ключові слова: Гоголь, чарівна казка, інший світ, інше царство, подорож, інакший світ.

Summary

JOURNEY TO THE “OTHER” WORLD IN GOGOL’S PROSE

The article deals with the question of travel to the “other” world in Gogol’s works in correlation with the plot scheme of a fairy tale. The author considers a number of Gogol’s stories in which the “other” world appears as an analogue of a fairy-tale other kingdom. With a fairy tale, these stories bring together the role of the path in the plot scheme and a certain sequence of movement from the starting point to the “other” world. And in the fairy tale, and in the stories of Gogol, the initial plot situation for traveling to the “other” world is marked by such signs as misfortune, unhappiness or shortage. Like another kingdom in a fairy tale, the “other” world appears in the forms of the Underworld or the demonic city. The actions of the heroes involved in the journey have, as in a fairy tale, a plot meaning. As a result, traces of semantic memory in Gogol’s narrative refer to the plot scheme of a fairy tale and to the structure of a fairy-tale world which turns into the “different” world in Gogol’s works.

Keywords: Gogol, fairy tale, other world, fairy-tale kingdom, journey, different world.

**«ГАЙДАМАКИ» Т. ШЕВЧЕНКА VS «ТАРАС БУЛЬБА»
М. ГОГОЛЯ: МЕТАІСТОРИЧНИЙ ВИМІР
(стаття перша)**

Винесена в заголовок проблема не потрапляла в поле зору дослідників, а між тим її осмислення, на мою думку, дозволить з'ясувати важливу інформацію в контексті історії еволюції української національної самосвідомості.

На початку ХІХ ст. українська спільнота живе, постійно озираючись у минуле, що видається сповненим звитяги, на протигагу якому сучасність – це доля упосліджених, неспроможних до сильних вчинків. І ностальгія за великим минулим постійно проривається в голосах української ліри. Вона актуалізує й закріплює в українській свідомості історичне мислення, крізь призму якого формується і реалізується рефлексування про світ сучасний і майбутній. Ця вкоріненість в історію, яка відчутно має деформовану сутність в силу природної ідеалізації минулого, витворює недовіру до реального існування, оскільки останнє не витримує конкуренції з історією.

Повість «Тарас Бульба» (1835) постала на основі активних студій Миколи Гоголя з історії України на початку 1830-х років. Вже в 1834 році склався концептуальний погляд письменника на історію козацької України, викладений в «Об'явленні про видання Історії Малоросії».

Для Гоголя Україна відійшла в минувшину. Повість «Тарас Бульба» – це своєрідна тризна за тією «страшною республікою», яка була «именно потребою того века». Рід Бульбенків не має майбутнього, всі його представники гинуть. Про художнє зображення історії роду-народу і свій історичний метод Гоголь обмовився в рецензії на «Исторические афоризмы Михайла Погодина», в якій, виокремивши Погодіна з-поміж письменників-істориків, відзначив найпосутніше: «Он первый у нас сказал, что «история должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека, и представит биографию этого человека чрез все степени его возраста»; что «многочисленные народы, жившие и действовавшие в продолжение тысячелетий,

доставлять в такую биографию, может быть, по одной черте. Черту сию узнают великие историки» [2, VIII, с. 191]. Історія роду Бульбенків, за Гоголем, є історією козацької України з її молодечею і не завжди розсудливою звитягою, з жертвним відстоюванням християнської віри і спокусою Польщею, демонстрацією високої шляхетності і зневажливим ставленням до смерті. Зазначу, що відспівування Гоголем минулого було одночасно і геніальним оживленням міфу, що є осердям української ідентичності, а повість супроти волі автора виказала потужний вплив на багато поколінь українців, формуючи національну свідомість.

Немає сумніву в тому, що Шевченко вдумливо читав «Тараса Бульбу» і збагнув історію загибелі роду Бульбенків. Ілюстрація до повісті, як і вірш «Гоголю», документує цей інтерес. Чи розрізняв Шевченко редакції повісті Гоголя, відомості про це відсутні. Тож проросійський пафос 2-ї редакції, де з'являється «русской земли свой царь», навряд чи знайшов відгук у Шевченка. Найбільш проникливі слова про Гоголя Шевченко напише в листах із заслання.

Одне з великих завдань, яке Шевченко ставить услід за Гоголем, полягає в необхідності відкрити Україну світові. Позірно промовистою стане Шевченкова «Живописна Україна», а в «Гайдамаках» поет відкриє іншу іпостась історичної України. Козацька Україна, буремне життя якої так яскраво і переконливо вирувало на сторінках «Тараса Бульби», відійшла в минуле, але для Шевченка, на відміну від Гоголя, вона не вмерла: постала інша Україна, затиснута в чужих лещатах соціального й політичного гніту, але нескорена, здатна чинити опір, готова на жахливі жертви і криваву помсту.

В. Яременко слушно зауважує: «З 11 структурних одиниць поеми майже в половині містяться роздуми про минуле з позицій сучасності, а «Інтродукція», «Свято в Чигирині», «Епілог» є справжньою амальгамою минулого та сучасного з проекцією на майбутнє та вкраплення особистого в історичний контекст» [4, с. 163]. Це створює особливе плетиво часових означень, в якому домінуючими є сучасне і майбутнє, а минуле – найважливіший аргумент при осмисленні вибору

шляху. Вся увага поета прикута до пошуку засобів відродження історичної слави народу. Шевченко переносить свої надії на наступників козацтва, яке і в його поезії, й у творах його сучасників складає осердя славної минувшини. Варто наголосити, що Шевченко розширює суспільну базу описаних подій: у криваве повстання втягнуті не лише козаки, як це бачимо в Гоголя, а й інші соціальні верстви та етнічні групи. Широка репрезентація українського соціуму дає підстави говорити про те, що поема представляє всю Україну. Цей топос постійно звучить у поемі, його конотація стає більш глибокою й утримує вже сучасну семантику.

Повість «Тарас Бульба» занурена в пісенний епос. Шевченко ж піклувався про достовірність повіданого. В центрі уваги автора конкретний історичний епізод – Коліївщина. Промовисті «Приписи», які Шевченко знімав у наступних прижиттєвих рукописах (1844) і виданнях (1860), вони проливають світло на його підхід до історії. Якщо говорити про історизм обох творів, то треба визнати, що «Гайдамаки» стоять ближче до модерного історизму. Історики і літературознавці сформували джерельну базу історичних свідчень, а також літературних традицій про Коліївщину і аргументували навіть увагу автора до топографії подій¹. Що ж до «Тараса Бульби», то говорити варто про символічний історизм повісті, де подібні деталі навіть не передбачені, хоч ми і зустрічаємось у творі з географічними назвами і поняттями.

У «Приписах» Шевченко акцентує увагу на гоголівському конфлікті, але, полемізуючи, надає йому дещо іншого виміру: «До унії козаки з ляхами мирилися і якби не езуїти, то, може б, і не різалися» [2, I, с. 511].

Шевченко свідомо посилює мотив помсти-відплати, правди-мсти, який присутній у першій редакції «Тараса Бульби»: «Будьте здоровы, паны-браты, товарищи! Да глядите, прибывайте на следующее лето опять! да погуляйте хорошенько ... Черт побери! Да есть ли что на свете, чего побоялся козак?». І дещо виразніше звучить у другій редакції: «Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Чтó взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь

на свете, чего бы побоялся козак? Постоите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера!» [2, II, с. 172]. Що ж до «Гайдамаків», то ця тема є однією з центральних, а апофеозом стає епізод «свята ножів». Вона, на думку Ю. Барабаша, перетворилася на правдивий головний біль для дослідників [1, с. 102].

В інтерпретації цієї кривавої масакри «Гайдамак» Шевченко ніде не демонструє тої біблійної грані свого поетичного слова, яка присутня вже в ранній поезії. Як поет-месія, уподібнений біблійному пророку, він має право на власний суд. І творить його. Саме в цій іпостасі веде Шевченко і діалог з Богом (богоборство), який теж має силу-силенну інтерпретацій, залишаючи підставу для постійного сумніву.

Підсумовуючи, зауважу, що поема «Гайдамаки» утримує полемічний пафос, що був спровокований повістю «Тарас Бульба». Він – у спільності тем і мотивів, які знаходять відмінне вирішення, він – в утвердженні думки про могутню національну потугу України, яку відспівує Гоголь, вважаючи, що Україна «наконець совершенно слилась с Россией» [2, IX, с. 76].

Примітки:

¹ Б. Навроцький переконаний, що твір «є до певної міри навіть історичним документом». Див.: Навроцький Б. Гайдамаки Тараса Шевченка: Джерела. Стиль. Композиція / Б. Навроцький. — Х., 1928. — С. 277.

Література:

1. *Барабаш Ю.* Тарас Шевченко: імператив України. Історіо- й націософська парадигма / Ю. Барабаш. — К., 2004.

2. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н. В. Гоголь. — М.; Л., 1937–1952.

3. *Шевченко Т. Г.* Повне зібрання творів: у 12 т. / Т. Г. Шевченко. — К., 2001. — Т. 1.

4. *Яременко В.* Історіософський зміст Шевченкових «Гайдамаків» (до 170-річчя виходу поеми) / В. Яременко // Український історичний журнал. — 2011. — № 11.

References:

1. Barabash Ju. Taras Shevchenko: imperative of Ukraine. Historical and nationalistic paradigm [Taras Shevchenko: imperativ Ukraïni. Istorio- j naciosofs'ka paradigma]. K., 2004.

2. Gogol' N. V. Complete works: in 14 vol. [Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t.]. M.; L., 1937–1952.

3. Shevchenko T. G. Complete collection of works: 12 vol. [Povne zibrannja tvoriv: u 12 t.]. K., 2001. V. 1.

4. Jaremenko V. Histo-osophical content of Shevchenko's "Haydamaky" (to the 170th anniversary of the release of the poem) [Istoriosofs'kij zmist Shevchenkovih «Gajdamakiv» (do 170-richchja vihodu poemi)]. *Ukrainian Historical Magazine [Ukraïns'kij istorichnij zhurnal]*, 2011. № 11.

Анотація

«ГАЙДАМАКИ» Т. ШЕВЧЕНКА VS «ТАРАС БУЛЬБА» М. ГОГОЛЯ: МЕТАІСТОРИЧНИЙ ВИМІР

Стаття присвячена діалогу Шевченка з Гоголем, що виразно помітно в поемі «Гайдамаки». У ранній творчості Шевченка відчутний полемічний пафос, який становить важливий елемент задуму поеми. Гоголь у «Тарасі Бульбі» оспівує козацьку історію України, яка, на думку автора, відійшла назавжди в минуле. Він захоплений козацькою звитягою, жертвовною боротьбою за віру. Гоголь надав нового життя міфу, який є осердям української ідентичності, і повість справила потужний вплив на багато поколінь українців, формуючи національну свідомість. Якщо для Гоголя козацька Україна «совершенно слилась с Россией», то Шевченкова ідея ґрунтувалась на непокірності і нездоланності національно-визвольних змагань за Україну. Він вірив у те, що сформувалася нова соціальна сила, здатна в нові часи чинити опір і відстоювати національну гідність.

Ключові слова: історичне мислення, міф, національна свідомість, козаки, гайдамаки, помста.

Аннотация

«ГАЙДАМАКИ» Т. ШЕВЧЕНКО VS «ТАРАС БУЛЬБА» Н. ГОГОЛЯ: МЕТАИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Статья посвящена диалогу Шевченко с Гоголем, что отчетливо заметно в поэме «Гайдамаки». В раннем творчестве Шевченко ощутим полемический пафос, составляющий важный элемент замысла поэмы. Гоголь в «Тарасе Бульбе» воспевает казацкую историю Украины, которая,

по мнению автора, отошла навсегда в прошлое. Он увлечен казацкой доблестью, жертвенной борьбой за веру. Гоголь дал новую жизнь мифу, ставшему сердцевиной украинской идентичности, и повесть произвела мощное воздействие на многие поколения украинцев, формируя национальное сознание. Если для Гоголя казацкая Украина «совершенно слилась с Россией», то идея Шевченко основывалась на непокорности и стойкости национально-освободительной борьбы Украины. Он верил в появление новой социальной силы, способной в новые времена сопротивляться и отстаивать национальное достоинство.

Ключевые слова: историческое мышление, миф, национальное сознание, казаки, гайдамаки, месть.

Summary

“HAYDAMAKY” T. SHEVCHENKO VS “TARAS BULBA” M. HOHOL: METASTASTIC MEASUREMENT

The article is devoted to Shevchenko's dialogue with Hohol, which is clearly expressed in the poem “Haydamaky.” An important element in the idea of the poem was its polemical pathos, which was characteristic of the early works of the poet. Hohol in “Taras Bulba” praises the Cossack history of Ukraine, which, he believed, was forever a thing of the past. Hohol admired the courage of the Cossacks, their sacrificial struggle for the Christian faith. Hohol revived that old myth that became the center of Ukrainian identity, and his novel had a huge impact on many generations of the Ukrainians, it contributed to the formation of national identity. In Hohol's artistic vision Cossack Ukraine completely merged with Russia. Shevchenko, unlike Hohol, was convinced of the continuity of the existence of national liberation traditions and moods of the Ukrainian people. Shevchenko believed that a new social force had been formed that could resist and defend national dignity in modern times.

Keywords: historical thinking, myth, national consciousness, Cossacks, Haydamaky, revenge.

Н. В. ГОГОЛЬ В ВОСПРИЯТИИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Интерпретаторы творческого наследия Гоголя в современной науке акцентируют внимание на барочном типе художественного мышления писателя (С. Абрамович, Е. Дмитриева, П. Михед), видят в Гоголе религиозного мыслителя (В. Воропаев, И. Виноградов). Возможность интерпретации всего творчества писателя (в том числе и религиозных произведений) с точки зрения христианского неоплатонизма, представляющей это творчество как обобщенный образ материи, предлагает М. Оклот [16]. Однако актуальным для исследователей творчества Гоголя остается замечание Веры Белоусовой о том, что оказываются «недостаточно увиденными не дальние (религиозные, мифологические, архетипические), а близкие к конкретно-исторической действительности смыслы, люди, факты, намеки на которые можно использовать в качестве интерпретанты гоголевских фикций» [1]. Подобный подход к изучению творчества Н. В. Гоголя обнаруживаем в критических статьях польского компаративиста межвоенной эпохи Рафала Маркела Блюта [8; 9]. Итоговая статья Р. Блюта «Трагикомедия снобизма в жизни и творчестве Николая Гоголя» (1929) и будет предметом нашего анализа.

Авторитетный польский историк литературы Богдан Гальстер отмечал, что польская историко-литературная русистика как специализированная дисциплина появилась после второй мировой войны [12, с. 3], в то время как в предшествующий период в отношении восточного соседа велась политика сознательной культурной изоляции. Однако с точки зрения сегодняшнего дня представляется правомерным тезис о том, что интенсивные компаративные исследования польско-русских контактов следует связывать с именами Мариана Здеховского, Вацлава Ледницкого, Рафала Маркела Блюта. Автор современной статьи, посвященной принципам

литературной критики Р. Блюта, замечает, что его суждения актуальны сегодня, поскольку «много говорят о польской специфике понимания и отношения к России» [21, с. 77]. Межвоенный период для польско-русских литературных связей был эпохой расцвета переводов из русской литературы, о чем свидетельствует фундаментальная библиография, изданная в 1950 г. Марианом Топоровским. Автор называет межвоенный период переломным в истории польско-русских переводов: «W okresie międzywojennym nastąpił zasadniczy przełom w zakresie poziomu i techniki przekładów z literatury rosyjskiej. Stało się to dzięki znakomitemu tłumaczeniu «Jeźdźca miedzianego» przez Juliana Tuwima. <...> Przekłady Tuwima cieszyły się wielkim powodzeniem i nakłady ich były bardzo szybko wyczerpywane. Obok przekładów Tuwima należałoby również zwrócić uwagę na tłumaczenia Włodzimierza Słobodnika («Mozart i Salieri» i «Domek w Kołomnie»), Teodora Bujnickiego, Kazimierza Andrzeja Jaworskiego, Eugeniusza Morskiego (nie dokończony niestety przekład «Fontanny»), Jerzego Lieberta i wielu innych» [22, с. 26–27].

Одновременно с формированием нового отношения к русской литературе, по замечанию историка религиозной философии Генриха Папроцкого, совершалась интенсивная рецепция русской религиозной мысли, особая роль в этом процессе принадлежит «великому пропагандисту русской философии» М. Здзеховскому [16, с. 193]. Изучению русской религиозной мысли и русской литературы в межвоенный период посвятил свое творчество Р. М. Блют, который, по словам Э. Славенцкой, «прокладывал дорогу развитию научной русистики» [20, с. 312].

Задачей нашей статьи является описание особенностей критической рецепции творчества Н. В. Гоголя в польской литературной критике 20–30 гг. XX в. на примере работы Р. Блюта «Трагикомедия снобизма в жизни и творчестве Николая Гоголя». Для достижения данной цели необходимо выявить универсальные, национальные, конфессиональные свидетельства рецепции, проявляющиеся как на уровне выраженных идей, так и в ткани текста.

Р. Блют – литературный критик считается автором одной из лучших статей о Гоголе, вышедших в межвоенную эпоху. Историк русской литературы Ф. Селицкий писал: «Среди работ о Гоголе, опубликованных в журналах [в 1918–1939 гг.], на первое место следует поместить статьи Рафала Блюта» [19, с. 22]. Следует отметить, что в статье, являющейся предметом нашего анализа, нашел свое отражение польский взгляд на творчество Гоголя межвоенного двадцатилетия. В предшествующую эпоху польскому читателю могли быть доступны немногочисленные критические работы современников Гоголя, посвященные отдельным аспектам творчества: Антония Марчинковского, известного под псевдонимами Альберта Грифа и Антония Новосельского, «О юморе» (1846) и «Письмо о произведениях Гоголя» Михала Грабовского Пантелеймону Кулишу (1846), опубликованное в польском переводе в региональном альманахе «Рубон» (1847). М. Здзеховский, посвятивший свою книгу «Мессиянисты и славянофилы. Наброски о психологии славянских народов» (1888) сравнительному описанию воплощения национальной идеи в славянских литературах, в разделе «Шевченко и Гоголь» описывает Гоголя как возможного украинского национального пророка, что могло представить писателя в глазах польского читателя в более выгодном свете. Сравнивая Гоголя и Мицкевича как носителей идеальных стремлений, имеющих религиозно-патриотическую основу, М. Здзеховский противопоставляет их как «гиганта духа» [23, с. 304] и «оторванного от мира монаха» [23, с. 304]. Поэтому исследование Р. Блюта, придерживавшегося принципа избегать в компаративных исследованиях биполярности – полонофобии и полонофилии – следует рассматривать как важный этап в польском гоголеведении.

Следует обратить внимание на культурно-исторический контекст, в котором появилась статья, и представить самого критика как новый тип исследователя. Рафал Блют (1891–1939) – католический публицист, критик и историк литературы, компаративист, автор работ о Мицкевиче, Пушкине, католических течениях в России в эпоху Александра I. Первая

его работа, посвященная русской мысли, была о Владимире Сергеевиче Соловьеве, позднее обратился к литературе. Главной темой его исследований была эпоха романтизма, Р. Блют был автором диссертации «Мицкевич в России» (1933), а главным содержанием его творчества, говоря словами Гж. Пшебинды, было «сближение России и Европы». Целью своего творчества Р. Блют считал написание книги о Ф. М. Достоевском – авторе путешествия по аду, чистилищу и раю человеческой души. Замысел критика не осуществился, но принцип понимания души автора стал творческим методом Р. Блюта, в котором психологизм соединялся с этикой. Ряд своих работ Рафал Блют посвятил проблеме обращения русских в католицизм (портреты кн. Зинаиды Волконской, Владимира Сергеевича Печерина, декабриста Михаила Лунина) [8; 10]. Сотрудничая с русской межвоенной эмиграцией, критик стал активным участником польско-русской литературной жизни 20–30-х гг. как один из руководителей литературно-исторического кружка «Домик в Коломне», созданного в Варшаве литературным критиком Дмитрием Философовым. Кружок появился по причине потребности русской эмиграции влиять на общественное мнение в Польше, из стремления преодолеть антироссийские настроения, межконфессиональные различия. Кружок стал также реакцией русской межвоенной эмиграции на претензии советской власти к бездеятельности, что невыгодно отличало ее от Великой польской эмиграции [15, с. 34]. Дмитрий Философов, вдохновленный примером Великой эмиграции и ее лидера Адама Мицкевича, продолжая традицию литературно-философских товариществ XIX в., создает в 1934 г. варшавский «Домик в Коломне». Как пишет Петр Митцнер, особенностью русских литературных сообществ в Польше была открытость для польских писателей и польской публики [15, с. 30]. Рафал Блют вместе с Ежи Стемповским и Юзефом Чапским стал одним из руководителей кружка.

В своих исследованиях критик, как отмечают исследователи, придерживался объективности и фактографической точности [21, с. 74]. В 20-е гг. Р. Блют опубликовал несколько работ о Гоголе, в которых впервые познакомил польского

читателя с историей сближения писателя с польскими монахами-воскресенцами, пытавшимися обратить Гоголя в католицизм [8; 9]. Подтверждением этих дружеских контактов является сонет И. Кайсевича, посвященный Гоголю:

*I ty, wieszczu, niezdrowej odejmiesz się suszy
I pieśń górniesz silniej pierś braci poruszy
Tylko rosie niebieskiej nie zamykaj duszy.*

Статья Р. Блюта «Трагикомедия снобизма...» посвящена проблеме психологии творчества, взаимозависимости комического в творчестве писателя и его жизненной трагедии. Фактором, объясняющим эту взаимозависимость, Р. Блют называет внутренний психологический конфликт писателя, который он определяет как снобизм в духовной жизни, нежелание в момент кризиса сделать усилие, соблазн, который подстерегает каждого человека. Одной из составляющих, завязкой трагедии Гоголя Блют называет национальную двойственность Гоголя-человека, претендующего после первых литературных успехов в Петербурге на роль всероссийского пророка. Статья была написана в эпоху увлечения психоанализом, поэтому требует уточнения метод «реконструкции психической биографии», который критик называл «психогенетическим» [14, с. 118]. Ключевым для интерпретации биографического сюжета Гоголя критик называет гордыню, описываемую понятием «снобизм». В системе оценок критика «трагический снобизм» становится понятием этическим: «Обычно мы не осознаем пагубных последствий снобизма. В любой сфере духовной жизни этот притаившийся враг подстерегает нас» [9, с. 210]. С точки зрения психоанализа, Р. Блют характеризует снобизм как «проявление душевной трусости и душевной лени» [9, с. 210]. Вместо совершения конечного усилия, необходимого для того, чтобы подняться на более высокий уровень, сноб хочет перепрыгнуть через себя. Главными вехами так интерпретируемой биографии являются переломные моменты в жизни писателя. Такowymi Р. Блют считает моменты испытания славой, соблазн карьеры,

апостольский проект писателя. Поиск в России претендентов на роль пророка среди ученых и поэтов Блют оценивает настолько негативно, что объясняет необыкновенную популярность Адама Мицкевича в России 1827–1829 гг. главным образом исторической потребностью в славянских пророках [9, с. 194]. Встречи Гоголя в Риме в 1837 г. и сближение с католическими священниками, новообращенными украинцами Иеронимом Кайсевичем и Петром Семененко, а также влияние русских католиков из круга княгини Зинаиды Волконской склоняли Гоголя, как отмечает Р. Блют, к размышлениям о разрыве с родиной и возвращении к Украине, объединенной с Польшей на условиях федерации [9, с. 191]. Среди причин духовно-религиозных переживаний Гоголя Блют выделяет осознание «национальной двойственности» и утраченные возможности создания украинской литературы [9, с. 207]. Интерпретация жизни Гоголя как «трагического зрелища» [9, с. 189] было обусловлено, по словам критика, «небывалым снобизмом» [9, с. 210].

Сурово оценивая Гоголя-человека, критик изучает его биографию с привлечением культурного контекста. Современником Р. Блюта в русской филологической науке, занимавшимся изучением биографии писателя в контексте культуры, был Г. О. Винокур. По нашему мнению, обнаруживается неожиданная переключка в их взглядах. Субъективный взгляд Р. Блюта, который не использовал в своем анализе научной методологии, можно объяснить с точки зрения теории Г. О. Винокура, который предлагал изучать биографию как стилистику поведения, учитывающую все стилистические формы личной жизни, в том числе и явление стилизации, которая «имеет место всякий раз, когда собственное поведение становится событием в личной жизни и как событие переживается» [2, с. 56]. Возможно, Р. Блют трактовал первоначальные пророческие стремления Гоголя как стилизацию. Заимствованная у Дмитрия Мережковского характеристика Гоголя как трагикомической фигуры, на что указывает сам Р. Блют [9, с. 208], не служит умалению великого писателя, но трактуется в этическом ключе как отсутствие настоящего

смирения. В конце статьи раскрывается морально-этическое содержание понятия «снобизм»: «...пример трагедии Гоголя, обдуманной до конца, пускай внесет элементы, необходимые для переживания *katarsis* – освобождения от подстерегающего отовсюду соблазна снобизма» [9, с. 210].

Исследование Р. Блюта характеризуется особой структурой. Написанное в форме критической статьи, состоящей из трех разделов, оно в то же время словно бы повторяет структуру драматического произведения, представляя в рамках трех действий всю творческую историю писателя. Трехчастная структура эссе соответствует трем обязательным сюжетно-композиционным элементам трагедии: события в жизни и творчестве Гоголя до 1836 г. – завязка трагедии, премьеры комедии «Ревизор» – кульминация, последующие события готовят развязку. Таким образом, подбирая исследовательский аппарат, подходящий объекту исследования, критик приближает текст читателю, выступая интерпретатором биографии и творчества писателя во вступительной и заключительной частях и предлагая глубокий литературоведческий анализ комедии «Ревизор» в главной части статьи.

Гоголя-художника Р. Блют оценивает очень высоко. Отмечает, что настоящий юмор, как и трагическое видение мира, является «даром Божиим, который дается только людям глубокой веры» [9, с. 197]. По словам автора, можно «говорить о юморе в Евангелии, юморе апостолов, святых» без опасений быть обвиненным в святотатстве [9, с. 197], только следует различать основные виды юмора. Р. Блют приводит описание категории трагического с точки зрения теории литературы, прослеживает развитие представлений о трагическом в европейской культуре от греческого трагизма до теории трагического у Ф. Шиллера и Макса Шелера, который, по словам критика, анализирует понятие трагизма «в категориях греческого пессимизма» [9, с. 198]. В контексте обсуждаемой проблематики рождается концепция «христианского трагизма» Р. Блюта. Автор напоминает читателю, что трагическое и комическое суть категории возвышенного, поэтому Р. Блют предлагает ввести иерархию комического.

Юмор, понимаемый как моральная ценность, принадлежит к шиллеровской категории возвышенного. Описать категорию комического можно по аналогии с теорией трагического. Трагики сталкивают зрителя с судьбой и Провидением. Поэтика Аристотеля объясняет, как избежать трагической вины, как бороться с соблазнами. Традиционно трагизм понимается в категориях греческого пессимизма. Польский романтик Зигмунд Красиньский предлагает разделение на два вида трагизма: греческий, где человек погибает в борьбе с судьбой, и христианский, трагизм побежденной катастрофы, не признающий безвыходных положений [13]. И зритель, и герой трагедии переживали катарсис. И здесь, по словам автора, «христианство «дополняло античную философию» [9, с. 198], поскольку самый глубокий парадокс христианства состоит в симбиозе пессимистического отношения к миру и оптимистического взгляда на потусторонний мир, а также к объединяющему тот и этот свет причину бытия – Бога [8, с. 198].

Р. Блют показал, что возможно ввести подобную иерархию и в сферу смешного: в то время как цель трагического – вызвать у зрителя «страх и сочувствие», цель комического – вызвать «смех и сопереживание» [9, с. 198]. Христианский юмор (со стороны субъекта) и комизм (с точки зрения предмета) заставляют зрителя смеяться и объединяться. Это сильное оружие в руках моралиста. Блют называет юмор Гоголя объективным: грусть необходима, поскольку очищает нас, позволяя правильно оценивать действительность. Юмор, который не уничтожает грусть, а только побеждает, учит нас смотреть прямо в глаза тому, что нам угрожает, подстерегает, чтобы сделать смешными. Христианский юмор и христианский трагизм дополняют друг друга, в обоих случаях мы имеем дело с верой в человека со строгой оценкой его грехов, недостатков, подлости [9, с. 199].

Комедию «Ревизор» критик оценивает как актуальное на десятилетия вперед произведение: «В Европе может измениться обстановка, но не изменится то, что существенно: трагикомедия провинциального снобизма» [9, с. 199]. Гоголю удалось

осветить трагикомедию своим добродушным юмором. Р. Блют оценивает мастерство Гоголя, сумевшего снизить моральный уровень своих героев, изобразив простейших, мелких, едва ли людей. Автор подчеркивает понимание Гоголем человека как смесь божественного и животного начал, поэтому, если «трагизм разыгрывается на границе бытия и надбытия (судьбы и Провидения)», то настоящий комизм рождается на границе «недо-бытия и самой действительности» [9, с. 200]. Поэтому критик считает, что в комедии «Ревизор» поставлен вопрос о недо-человечестве. В столкновении недо-людей с их антагонистом – Хлестаковым – рождается трагическая перипетия. После пережитой катастрофы простейшие люди поняли, это оказались обмануты судьбой, что возвращает их в нормальную действительность, в которой может родиться трагедия. Гоголь почувствовал, что комедия всегда является вступлением для столкновения с действительностью. Поэтому жанр «Ревизора» – трагикомедия, как настаивает критик, «трагикомедия провинциального снобизма» [9, с. 199]. В результате размышлений о проблематике комедии Р. Блют приходит к выводу о том, что Гоголь впервые заговорил о проблеме недо-людей, трагически мелких, существующих «едва на пороге человечества» [9, с. 200].

Примечательно, что В. А. Воропаев в одном из недавних интервью называет актуальной темой своих исследований проблему сопряжения смеха и христианства в творчестве Гоголя, поскольку «Гоголь, по-видимому, не считал смех несовместимым с христианской позицией» [3].

Вышеприведенные наблюдения позволяют утверждать, что понятия «снобизм» и «трагикомедия» становятся приметамы стиля, к которым Р. Блют часто прибегает, чтобы реконструировать мотивы, которыми руководствовались его герои, что свидетельствует о системе идей критика.

Еще одним важным аспектом статьи является упоминание о протесте Гоголя-писателя против удушья николаевской эпохи. Р. Блют одним из первых указал на симметричные факты духовной жизни России 1836 г. – общественную реакцию на «Философические письма» Петра Чаадаева, побег из Москвы

поэта Владимира Сергеевича Печерина, отъезд после премьеры «Ревизора» Гоголя. Несколькими годами раньше публикации статьи о Гоголе на страницах католического журнала «Przegląd Powszechny» была опубликована монография Р. Блюта о В. Печерине [10], представляющая интересное свидетельство восприятия проблемы изолированности русской интеллигенции, о чем неоднократно писал критик Р. Блют [11]. Задачей критика было обнаружение конструктивных моментов, объясняющих интерес в России 30-х гг. XIX в. к «новому христианству» и к католицизму. Не располагая сведениями о том, что Н. В. Гоголь и В. С. Печерин были знакомы лично, можно предположить возможность опосредованного знакомства Гоголя с идеями Печерина в 40-е гг. посредством Федора Васильевича Чижова, публициста-славянофила, математика, промышленника, благотворителя, близкого друга В. Печерина. Ф. Чижев, будучи стипендиатом в Риме, в течение зимы 1843 года проживал в одном доме с Н. Гоголем, через него познакомился с поэтом Николаем Михайловичем Языковым. Позднее Ф. Чижев писал Н. М. Языкову из Парижа 29 июня 1844 г.: «Вы спрашиваете, когда я буду в Риме. <...> Вот вам план моего путешествия. <...> Из Брюсселя через Ганд и Брюж заеду к Гоголю в Остен. Потом через Льеж заверну к Печерину» [6, с. 124–125].

Современный историк о знакомстве Гоголя и Чижова пишет: «Почти ровесники, они встретились осенью 1834 года в Санкт-Петербургском университете, куда как раз накануне по протекции Пушкина и Жуковского 25-летний Гоголь был назначен адъюнкт-профессором кафедры всеобщей истории. На два года младше него, Чижев, талантливый выпускник физико-математического факультета того же столичного университета, в качестве адъюнкт-профессора уже читал в своей alma-mater курс начертательной геометрии. <...> В зиму 1842–1843 годов судьба вновь свела Чижова и Гоголя – на этот раз под одной крышей в центре Рима, неподалеку от площади Испании, на Via Felice, в доме под № 126. Второй этаж занимал поэт Языков, третий – Гоголь, в четвертом жил Чижев» [7]. Впоследствии Ф. В. Чижев стал душеприказчиком наследства Гоголя, издателем первого посмертного собрания сочинений писателя.

Зафиксированные факты обращения русских к католицизму подтверждают выводы современных литературоведов о роли западного вектора – политической религии Сен-Симона как источника художественной мысли Гоголя [5, с. 359]. Работу Р. Блюта можно назвать интересным примером параллельных поисков в этом направлении. Если в случае с Гоголем Р. Блют был солидарен с его идеями, то в истории В. Печерина критик был ведом верой и любовью к человеческому типу, который он представлял. «С аналогичной тоской за монастырским спокойствием <...> мы встречаемся в случае обращенных романтиков очень часто. Мицкевич завидует монастырю. Ведь он сам кладет краеугольный камень под «домик Яньского», из которого позднее вырастет отчий дом воскресенцев» [10, с. 81]. Как отмечал в программной статье Ю. М. Лотман, способность подкрепить авторитет слова мученическим подвигом дает писателю право на место пророка [4, с. 258]. Р. Блют прочитывает у Печерина предостережения, созвучные апокалиптическим настроениям человека XX века, живущего в эпоху «побеждающей большевистской цивилизации». Сам Р. Блют не выбрал монашескую стезю, но был подвижником русской культуры в межвоенной Польше.

Приведенные выше замечания позволяют сделать вывод о том, что статья Р. Блюта предлагает новый взгляд на биографию писателя. Автор указывает испытание славой и национальную двойственность Гоголя как причины его жизненной трагедии. Глубоко по-христиански понимая суть комического, критик относит комическое к категории возвышенного, а задачу автора комедии считает не менее сложной, чем автора трагедии. Христианский комизм заставляет читателя и зрителя задуматься о моральности личных поступков.

Интеллектуальная ценность критических работ Р. Блюта о Н. Гоголе состоит в авторитетности автора, глубоко знавшего русскую литературу, принимавшего активное участие в польско-русском сотрудничестве, обогатившего биографический контекст свидетельствами об интересе Н. Гоголя к католицизму, впервые обратившего внимание на проблему недо-людей в творчестве писателя. Перспектива дальнейших

исследований представляется нам в сравнительных исследованиях критического наследия Р. Блюта и эссеистики русских символистов, посвященной Гоголю.

Литература:

1. Белоусова В. «Он в Риме был бы Брут» [Электронный ресурс] / В. Белоусова // *Studia Rossica Posnaniensia*. — 2003, vol. XXXI. — P. 19—23. — Adam Mickiewicz University Press, Poznan. — Режим доступа :

http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Studia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia-r2003-t31/Studia_Rossica_Posnaniensia-r2003-t31-s19-23/Studia_Rossica_Posnaniensia-r2003-t31-s19-23.pdf (дата доступа : 15.03.2017)

2. Винокур Г. О. Биография и культура / Г. О. Винокур // Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. — М. : Русские словари, 1997. — С. 15—91.

3. Голованов В. Время понять Гоголя [Электронный ресурс] / В. Голованов // *Русский мир*. Ru. — 2016. — № 3. — Режим доступа :

<https://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/203687/> (дата доступа : 15.11.2017)

4. Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. — С.-Петербург : Искусство — СПб, 1996. — С. 254—266.

5. Михед П. В. Гоголь и сен-симонизм / П. В. Михед // *Феномен Гоголя*. — СПб. : Петрополис, 2011. — С. 359—373.

6. Н. М. Языков и Ф. В. Чижов: Переписка 1843—1844 гг. / [публ. И. Розанова] // Из неизданной переписки Н. М. Языкова / Литературное наследство. — М. : Жур.-газ объединение. — Т. 19—21. —1935. — С. 105—142.

7. Симонова И. С душой вашей роднится душа беспрестанно...Чижов и Гоголь (К 135-летию кончины Федора Васильевича Чижова) [Электронный ресурс] / И. Симонова. — Режим доступа :

<http://www.pravoslavie.ru/57717.html> (дата доступа : 12.08.2016)

8. Blüth R. M. Kartka z dziejów katolicyzmu w Rosji w pierwszej połowie XIX wieku (Księżna Zinaida Wołkońska) / R. M. Blüth // *Bluszcz*. — 1925. — nr 49. — S. 1445—1446 ; nr 50. — S. 1475—1476.

9. *Blüth R. M.* Tragikomedia snobizmu w życiu i twórczości Gogola / R. M. Blüth // Rafał Marceli Blüth. Pisma literackie / [oprac. P. Nowaczyński]. — Kraków, 1987. — S. 189—210.
10. *Blüth R. M.* Rosyjski romantyk nawrócony. O. Włodzimierz Peczerin / R. M. Blüth // Przegląd Powszechny. — 1926. — T. CLXXIX. — S. 304—322 ; T. CLXX. — S. 68—86, 200—217.
11. *Blüth R. M.* Tragizm inteligencji rosyjskiej / R. M. Blüth // Droga. — 1933. — № 12. — S. 1183—1195.
12. *Galster B.* Badania nad literaturą rosyjską pierwszej połowy XIX wieku w XXX-leciu Polski Ludowej / B. Galster // Studia Rossica Posnaniensia. — 1975. — № 7. — S. 3—22.
13. *Kraśński Z.* Listy wybrane. [Електронний ресурс] / Z. Kraśński. — Режим доступу : <http://wolnelektury.pl/katalog/lektura/listy-wybrane.html#s13> (data dostępu : 15.11.2017)
14. *Lubański M.* Rafała Blütha spotkanie z psychoanalizą / M. Lubański // Teksty Drugie : teoria literatury, krytyka, interpretacja. — 1998. — № 1/2 (49/50). — S. 109—123.
15. *Mitzner P.* Warszawski «Domek w Kołomnie» / P. Mitzner // Biblioteka «Więzi». — Warszawa Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2014 — 236. s.
16. *Okłot M.* Phantasms of Matter in Gogol (and Gombrowicz) / Michał Okłot. — Dalkey Archive Press, 2009. — 411 p.
17. *Paprocki H.* Recepcja rosyjskiej myśli religijnej w Polsce / H. Paprocki // Elpis. — 2005. — № 11—12, T. 7 — S. 193—203.
18. *Sielicki F.* Mikołaj Gogol / F. Sielicki // Pisarze i krytycy. Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce ; [pod red. B. Galstera, J. Kamienkowej, K. Sierockiej]. — Wrocław, 1975. — S. 95—98.
19. *Sielicki F.* Z dziejów sławy Gogola w Polsce (1918—1939) / F. Sielicki // Slavia Orientalis. — 1970. — № 1. — S. 3—35.
20. *Sławęcka E.* Spojrzenie na literacką tradycję dziewiętnastowieczną w działalności rusycystycznej Rafała Marceliego Blütha (1891—1939) / E. Sławęcka // Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu ; [pod red. Bohdana Galstera i Janiny Kamionkovej]. — Wrocław, 1973. — S. 297—312.
21. *Szczepan-Wojnarska Anna M.* Przeczytać duszę – założenia krytyki literackiej Rafała Marceliego Blütha // Colloquia Litteraria. — 2011. — № 1/10. — S. 73—85.
22. *Toporowski M.* Puszkina w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki / M. Toporowski. — Warszawa, 1950. — 319 s.

23. Zdziechowski M. Mesjaniści i słowanofile. Szkice z psychologii narodów słowiańskich / M. Zdziechowski. — Kraków : G. Gebether i Spółka, 1888. — 339 s.

References:

1. Belousova V. “He would be Brutus in Rome...” [On v Rime byl by Brut]. [*Studia Rossica Posnaniensia*], 2003. Vol. XXXI: 2003. P. 19—23. ISBN 83-232-1345-3. ISSN 0081-6884. Poznan. Adam Mickiewicz University Press Publ. Available at:

http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Studia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia-r2003-t31/Studia_Rossica_Posnaniensia-r2003-t31-s19-23/Studia_Rossica_Posnaniensia-r2003-t31-s19-23.pdf (accessed 15 March 2017)

2. Vinokur G. O. Biography and culture [Biografija i kul'tura]. Vinokur G. O. *Biography and culture. Russian stage pronunciation [Biografija i kul'tura. Russkoe scenicheskoe proiznošenie]*. Moscow. Russian dictionaries Publ., 1997. P.15—91.

3. Golovanov V. Time to understand Gogol [Vremja ponjat' Gogolja]. *The Russian world.ru [Russkij mir.ru]*. 2016. March. Available at:

<https://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/203687/> (accessed 15 November 2017)

4. Lotman Yu. M. Russian literature of the post-Petrine era and the Christian tradition [Russkaja literatura poslepetrovskoj jepohi i hristianskaja tradicija]. *About poets and poetry [O pojetah i poezii]*. Saint-Petersburg, Iskusstvo SPB Publ., 1996. P. 254—266.

5. Mykhed P. V. Gogol and Saint-Simonism [Gogol' i sen-simonizm]. *Phenomenon of Gogol [Fenomen Gogolja]*. Saint-Petersburg, Petropolis Publ., 2011. P. 359—372.

6. N. M. Yazykov and F. V. Chizhov: Correspondence 1843–1844 [N. M. Jazykov i F. V. Chizhov: Perepiska 1843–1844 gg]. *From unpublished correspondence of N. M. Yazykov. Literary heritage [Iz neizdannoj perepiski N. M. Jazykova. Literaturnoe nasledstvo]*. Moscow. Zhur.-gaz obedinenie Publ. — V. 19—21. —1935. — P. 105—142.

7. Simonova I. With your soul, the soul is unchanged ... Chizhov and Gogol (To the 135th anniversary of the death of Fedor Vasilyevich Chizhov). [S dushoj vashej rodnitsja dusha besprestanno... Chizhov i Gogol' (K 135-letiju konchiny Fedora Vasil'evicha Chizhova)]. Available at:

<http://www.pravoslavie.ru/57717.html> (accessed: 12 August 2016)

8. Blüth R. M. Blüth R. M. A page on the history of Catholicism in Russia in the first half of the 19th century (Księżna Zinajda Wołkońska)

[Kartka z dziejów katolicyzmu w Rosji w pierwszej połowie XIX wieku (Księżna Zinaida Wołkońska)]. *Ivy [Bluszcz]*, 1925. № 49. P. 1445—1446; № 50. P. 1475—1476.

9. Blüth R. M. Tragicomedy of snobbery in the life and work of Gogol [Tragikomedia snobizmu w życiu i twórczości Gogola]. *Rafał Marceli Blüth. Literary magazines, ed. P. Nowaczyński [Rafał Marceli Blüth. Pisma literackie, oprac. P. Nowaczyński]*. Kraków, 1987. P. 189—210.

10. Blüth R. M. Russian romantic, converted. Father Włodzimierz Peczerin [Rosyjski romantyk nawrócony. O. Włodzimierz Peczerin]. *Universal Review [Przegląd Powszechny]*, 1926. V. CLXXIX. P. 304—322. V. CLXX. P. 68—86, 200—217.

11. Blüth R. M. The tragedy of the Russian intelligentsia [Tragizm inteligencji rosyjskiej]. *Road [Droga]*, 1933. № 12. P. 1183—1195.

12. Galster B. Research on Russian literature of the first half of the 19th century in the XXX anniversary of People's Poland [Badania nad literaturą rosyjską pierwszej połowy XIX wieku w XXX-lecie Polski Ludowej]. *Studio Rossica Posnaniensia [Studia Rossica Posnaniensia]*, 1975. № 7. P. 3—22.

13. Krasieński Z. Selected lists [Listy wybrane]. Available at:
<http://wolnelektury.pl/katalog/lektura/listy-wybrane.html#s13>
(accessed 15 November 2017)

14. Lubański M. Rafał Blüth's meeting with psychoanalysis [Rafała Blütha spotkanie z psychoanalizą]. *Second texts: theory of literature, criticism, interpretation [Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja]*, 1998. № 1/2 (49/50). P. 109—123.

15. Mitzner P. Warsaw's "Cottage in Kolomna" [Warszawski "Domek w Kołomnie"]. *Library "Ties" [Biblioteka "Więzi"]*. Warszawa. Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie Publ., 2014. 236 p.

16. Okłot M. Phantasms of Matter in Gogol (and Gombrowicz). Dalkey Archive Press Publ., 2009. 411 p.

17. Paprocki H. Reception of Russian religious thought in Poland [Recepcja rosyjskiej myśli religijnej w Polsce]. *Elpis [Elpis]*, 2005. V. 7. № 11/12. P. 193—203.

18. Sielicki F. Nikolai Gogol [Mikołaj Gogol]. *Writers and critics. From the reception of modern Russian literature in Poland [Pisarze i krytycy. Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce]*. Pod red. B. Galstera, J. Kamienkowej, K. Sierockiej. Wrocław, 1975. P. 95—98.

19. Sielicki F. From the history of fame Gogol in Poland (1918—1939) [Z dziejów sławy Gogola w Polsce (1918—1939)]. *Slavia Orientalis [Slavia Orientalis]*, 1970. № 1. P. 3—35.

20. Sławęcka E. A Look at the Literary Tradition of the Nineteenth Century in the Russianist Activity of Rafał Marcelego Blüth (1891–1939) [Spojrzenie na literacką tradycję dziewiętnastowieczną w działalności rusycystycznej Rafała Marcelego Blütha (1891–1939)]. *Literary meetings. From the history of Polish-Russian relations in the era of romanticism and neo-romanticism* [Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rusyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu]. Pod red. Bohdana Galstera i Janiny Kamionkowej. Wrocław, 1973. P. 297—312.

21. Szczepan-Wojnarska Anna M. Reading the soul – assumptions of literary critic Rafał Marcel Blüth [Szczepan-Wojnarska Anna M. Przeczytać duszę – założenia krytyki literackiej Rafała Marcelego Blütha]. *I wrote conversations* [Colloquia Litteraria], 2011. № 1/10. P. 73—85.

22. Toporowski M. Pushkin in Poland. Bibliographic and literary outline [Puszkina w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki]. Warszawa, 1950. 319 p.

23. Zdziechowski M. Messianic and Slavophiles. Sketches from the psychology of Slavic nations [Mesjaniści i słowanofile. Szkice z psychologii narodów słowiańskich]. Kraków, G. Gebether i Spółka Publ., 1888. 339 p.

Аннотация

Н. В. ГОГОЛЬ В ВОСПРИЯТИИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

В статье рассмотрена рецепция творчества Н. В. Гоголя в польской литературной критике межвоенного двадцатилетия. Цель статьи – на примере работы Р. М. Блюта «Трагикомедия снобизма в жизни и творчестве Николая Гоголя» изучить национальные и конфессиональные особенности восприятия и проследить их выражение в авторской образности. Р. Блют предпринял попытку оценить творчество Гоголя как писателя и религиозного мыслителя с точки зрения христианской этики. Жизненная трагедия литератора трактуется как трагедия гордыни, спровоцированная испытанием славой и национальной двойственностью. Критик ставит вопрос о противоречивости целей писателя и пророка, который станет ключевым в современных исследованиях. С другой стороны, оценивая комедию «Ревизор» как вершину творчества Гоголя, критик глубоко по-христиански понимает суть комического и относит его к категории возвышенного, а задачу автора комедии считает не менее сложной,

чем автора трагедии. Христианский комизм заставляет читателя и зрителя задуматься о моральности личных поступков.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Ревизор», Р. М. Блют, трагическое, комическое, литература и религия, литературная критика.

Анотація

М. В. ГОГОЛЬ У СПРИЙНЯТТІ ПОЛЬСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ МІЖВОЄННОГО ДВАДЦЯТИЛІТТЯ

У статті розглянута рецепція творчості М. В. Гоголя в польській літературній критиці міжвоєнного двадцятиліття. Мета статті – на прикладі праці Р. М. Блюта «Трагікомедія снобізму в житті і творчості Миколи Гоголя» вивчити національні та конфесійні особливості сприйняття і простежити їхнє втілення в авторській образності. Р. Блют зробив спробу оцінити творчість Гоголя як письменника і релігійного мислителя з погляду християнської етики. Життєва трагедія митця трактується як трагедія гордині, спровокована випробуванням славою і національною двоїстістю. Критик ставить питання про суперечливість цілей письменника і пророка, що стане ключовим у сучасних дослідженнях. З іншого боку, оцінюючи комедію «Ревизор» як вершину творчості Гоголя, критик глибоко по-християнськи розуміє суть комічного і відносить його до категорії величного, а завдання автора комедії вважає не менш складним, ніж автора трагедії. Християнський комізм змушує читача і глядача замислитися над моральністю особистих вчинків.

Ключові слова: М. В. Гоголь, «Ревизор», Р. М. Блют, трагічне, комічне, література і релігія, літературна критика.

Summary

N. V. GOGOL IN PERCEPTION OF POLISH LITERARY CRITICS OF THE INTERWAR TWENTIETH CENTURY

The article deals with the specificity of Nikolai Gogol's perception of creativity in the Polish literary criticism of the interwar period. The purpose of the article is to study the national and confessional features of perception and trace their expression in the author's imagery, using on the example of Rafał Marceł Blüth (1891–1939) critical heritage in particular his article “Tragicomedy of snobbery in the life and work of Nikolai Gogol”. R. Blüth made an attempt to assess the work of Gogol as a writer and religious

thinker from the point of view of Christian ethics. The writer's life tragedy is treated as a tragedy of pride provoked by a test of glory and national ambiguity.

The critic raises the question of the inconsistency of the goals of the writer and prophet, which would become crucial in modern studies. On the other hand, when assessing the comedy "Revizor" as the peak of Gogol's creative work, the critic understands the essence of the comic in Christian terms and classifies it as a sublime, and considers the task of the author of the comedy to be no less complicated than the author of the tragedy. Christian comedy makes the reader and the viewer think about the morality of personal actions.

The article shows that the intellectual value of the critical works of Rafal Bluth about N. Gogol consists in the authority of the author, who is proficient in Russian literature, who took an active part in Russian-Polish collaboration of the interwar period. It is shown that R. M. Bluth enriched Gogol's biographical context that revealed Nikolai Gogol's interest in Catholicism.

Keywords: N. V. Gogol, "Revizor", R. M. Blüth, tragic, comic, literature and religion, literary criticism.

Сергей Шульц (*Ростов-на-Дону*)

**ПУШКИН, ГОГОЛЬ, Л. ТОЛСТОЙ
(ОТ «БАРЫШНИ-КРЕСТЬЯНКИ» К «ВИЮ» И
«ДЬЯВОЛУ»)**

Пушкин задает в «Барышне-крестьянке» парадоксальный «двуединый» образ главной героини, трансформация и развитие которого в аспекте исторической поэтики в повестях Гоголя («Вий») и Л. Толстого («Дьявол») приводят к «демонизации» фигуры возлюбленной.

В константах образного мира «Барышни-крестьянки» Пушкин эксплицирует устоявшиеся литературно-культурные каноны, маски, стереотипы, амплуа, то подчеркивая, то развивая, то дезавуируя их [9, с. 204]. Все пушкинские персонажи исполняют определенные роли, в соответствии с заданными архетипами: играют персонажи, играет автор и послушный ему нарратор Белкин.

Общеизвестные связи «Барышни-крестьянки» с «Бедной Лизой» Карамзина подчеркнуты Пушкиным уже хотя бы через общее имя главных героинь, и связи эти переосмыслены в игровом ключе. Пушкинский финал, в отличие от карамзинского, позитивен: карамзинская крестьянка погибает, пушкинская «крестьянка» превращается в госпожу и счастливо выходит замуж.

Одна из возможных составляющих интертекста «Барышни-крестьянки» – опера итальянского композитора Дж. Б. Перголези «Служанка-госпожа» (1733). Она считается первым классическим образцом оперы-буффа (комической оперы). Название произведения Перголези прямо перекликается с названием повести Пушкина и, возможно, служит «основой» пушкинского названия. Вместе с тем у Перголези реальная (не воображаемая) служанка становится реальной госпожой только после брака со своим бывшим хозяином, в финале. Таким путем она в действительности меняет свое социальное «амплуа».

Налицо игровой, комический момент у обоих авторов. Опера Перголези, проникнутая эгалитарными идеями

Просвещения, предвосхищая сентиментализм, утверждает морально-экзистенциальное равенство сословий, подчеркивает единство человеческой природы, одинаковое значение чистых чувств для всех индивидов.

В целом архетип родственных диад «служанки-госпожи»/«барышни-крестьянки» так или иначе восходит к мифологическому архетипу единства и слитности «царя» и «раба», «господина» и «слуги», «хозяина» и «работника». Существовал архаический ритуал временной замены царя (господина) рабом (слугой) – например, во время болезни правителя, при смене власти или по другим причинам. Претерпев временное умаление «в» подданном, властитель возрождался для новой жизни, уже в новом качестве. Здесь – черты посвятительного обряда инициации.

Так и Лиза, превращаясь в Акулину, временно «умирает» для жизни, чтобы выйти замуж, что акцентирует именно инициальную основу сюжета повести. В структуру образа Лизы вложен мотив постоянной игры на переходах от одного ее статуса к другому: например, она специально спрашивает мнение Алексея о себе как о «барышне», получая отрицательную характеристику. Так «раздвоение» статусов предельно усиливается и форсируется.

Лиза соединяет ипостаси «барышни» и «служанки» (если вспомнить обозначение статуса героини у архетипического для Пушкина Перголези), причем последней как именно крестьянке приданы черты естественности, простодушия, искренности – т. е. всего того, что затем Алексей не обнаруживает в предмете своей страсти, увидев «Акулину» в реальной личине Лизы: «Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурьмлена пуще самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали как фигмы у Madame de Pompadour; талия была перетянута, как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах. Алексей не мог узнать свою Акулину в этой смешной и блестящей барышне. <...> Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза жеманилась,

говорила сквозь зубы, нараспев, и только по-французски» [7, VI, с. 110–111].

Не угадав свою возлюбленную, Алексей видит во «впервые» явившейся ему барышне прямо противоположные «Акулине» черты: чопорность, жеманство.

Узнав в начале перипетии повести о «крестьянском» статусе «Акулины», Алексей предпочитает представиться ей камердинером барина, чтобы уравнять статусы. Когда Алексей, наконец, опознает в Лизе барышню, это приводит к комическому диалогу, во время которого Алексей говорит по-русски, а Лиза отвечает ему по-французски.

У Пушкина налицо просветительский и сентименталистский мотив критики «цивилизации», «света», «культуры», выдвижение идеи «естественного человека». «Крестьянская» ипостась Лизы, сам пространственно-временной континуум повести задает существенные элементы идиллии и идилличности вообще; готовность Алексея принять Лизу как «Акулину» закрепляет их.

«Алексей не влюбляется ни в барышню, ни в крестьянку, ему нравится их оксиморальное смешение», – считает В. Шмид [11, с. 55], с чем в основном нельзя согласиться, т. к. Алексей не только «очарован», но еще и «околпачен», «одурачен» Лизой в ее инициативах, в навязываемом ею имидже. Недаром В. И. Тюпа рассуждает о «плутовской» «роли» Лизы [10, с. 51], что эксплицирует вполне пикарескные коллизии. Такое «околпачивание» предвещает демонизированные трансформации образа возлюбленной в «Вие» и в «Дьяволе». Ср. также последующее блоковское о «Прекрасной Даме»:

*Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты [1, с. 94].*

В приведенном пассаже Блока на фоне торжествующей высокой «идилличности» появляются мрачные предчувствия негативной метаморфозы возлюбленной. Особенно отметим принципиальное в развитии рассматриваемого интертекстуального сюжета наречие «страшно».

С пушкинским мотивом придания персонажу некоей «театральной» роли, вообще превращения персонажа в роль, у Гоголя коррелирует общий «театральный код» «Вия». В частности, Гоголь подчеркивает участие Хома и других бурсаков в театральных представлениях, один из сюжетов которых – о св. Иосифе и Пентефрие – намекает на будущую трагическую участь Хома: «В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами. Иногда разыгрывали комедию, и в таком случае всегда отличался какой-нибудь богослов, ростом мало пониже киевской колокольни, представлявший Иродиаду или Пентефрию, супругу египетского царедворца. В награду получали они кусок полотна, или мешок проса, или половину вареного гуся и тому подобное» [2, II, с. 416]. Последнее предложение цитаты комически контрастно описанным ранее Гоголем высоким вертепным сюжетам.

В церкви Хома в соответствии с отмеченным «театральным кодом» «Вия» действует согласно «ролевому поведению»: пытается принять все необходимые меры против нечистой силы.

Подобно тому как непосредственно сама Лиза выступает у Пушкина инициатором любовных отношений, так и панночка в «Вие» сама соблазняет Хому, являясь зачинщицей сюжетных перипетий (Ср.: [8, с. 67]). В плане исторической поэтики заметен своеобразный переход пушкинской героини-любви в «Вий», где героиня донельза трансформируется и демонизируется: инфернальное обнаруживается Гоголем внутри самого идиллического (см.: [13]).

Л. А. Софроновой глубоко подмечено «отсутствие признаков окультуренной природы вокруг дома сотника» [8, с. 219], что соотнесено с некоей «хтонизированной» идиллическостью хронотопа «Вия», с властью в «Вие» природы как «падшей», подпавшей под воздействие дьявола силы. Это во многом антишеллингианский момент: для Шеллинга природа была «самопознающей», «самопонимающей» [5, с. 46, 47], т. е. чем-то позитивно-духовным. Ср., с другой стороны, наличие в гоголевском мире и вполне шеллингианских построений: [12].

В случае «Вия» мы сталкиваемся с борьбой негативно-духовного (природа как «антиприрода» инфернального) и позитивно-духовного (спиритуалистическое карнавальное мировоззрение школярства).

У Пушкина Алексей в определенный момент чувствует, что он весь «во власти» «Акулины». Буквально фантастический регистр «власти» панночки над собой ощущает Хома, стремясь освободиться от нее. «Власть» панночки проявляется также после ее смерти, когда она и ее покровители во время бдений Хома над ее телом в церкви пытаются умертвить бурсака и завладеть его душой. Во «власти» безудержного влечения к «дьявольской» Степаниде оказывается у Толстого Иртнев.

Л. А. Софронова справедливо указала, что главная героиня в «Вие» существует даже больше, чем в двух ипостасях (не только в личинах молодой красавицы и старухи): она и в скирду превращается, и в собаку, и в «мертвеца». Насчет выделения Л. А. Софроновой статуса «мертвеца» можно ответить, что это лишь панночка после своей смерти, т. е. это не столько статус, сколько состояние.

Примечателен в этом плане образ из раннего «Ганца Кюхельгартена»:

*Подымается протяжно
В белом саване мертвец.
Кости пыльные он важно
Оттирает, молодец [2, VII, с. 37].*

Далее следует мотив, предвосхищающий эпизоды «оживания» мертвой панночки (ее перемещения в гробу и т. п.):

*И покойники с покоем
Страшной тянутся толпою [2, VII, с. 37].*

Хотя умершей панночке «покой только снится» (т. е. она, может быть, и надеется на него, как предположил отец-сотник в разговоре с Хомой), но она именно «страшно» «тянется» из

своего постыбления в дольний мир, апеллируя при этом к силам ада – к власти «князя мира сего».

Гоголь пишет об умершей панночке именно «мертвец», а не «мертвая», что весьма многосмысленно и может подразумевать, в том числе, скорее именно статус, а не просто состояние.

Ср., впрочем, словоупотребление «мертвец» в поэме Пушкина «Полтава», здесь нет никакой двусмысленности:

*И дева падает на ложе,
Как хладный падает мертвец* [7, IV, с. 206].

Постулируемая Гоголем близость мотивики ведьмы мотивике старухи соответствует мифологическо-фольклорным представлениям. Но вот соединение ипостаси ведьмы с ипостасью прекрасной панночки уже само по себе довольно необычно, загадочно и близко одной из гоголевских трактовок женской красоты, а именно подчеркиванием в красоте, наряду с уранической, ее демонизированной стороны (Ср.: [6, с. 336]).

Трудно разделить мнение исследователей, считающих, подобно Е. И. Голубевой, что причиной мрачной развязки «Вия» является «слабость веры и непристойная жизнь бурсака, богослова (не богослова, а студента-«философа»! — С. Ш.) Хомя Брута, который постоянно и сознательно нарушал заповеди» [3, с. 60]. Здесь совершенно не учтена авторская идея исключительной инициативности дьявольских сил, с одной стороны, и карнавальный характер образа Хомя, с другой.

Вместе с тем, в собственно «средневековом» контексте рассмотрения сюжетной ситуации «Вия» позиция Е. И. Голубевой несколько более оправданна, но не более того.

В карнавально-ренессансном контексте вскрывается уже иной смысл «Вия»: испытание-обновление жизни, которого герой не выдерживает. В основном Гоголь не ставит дилеммы оправдания или осуждения героя, но он, по крайней мере, подчеркивает исключительность инициативности нечистой силы, что будет чрезвычайно принципиально для «Дьявола» Л. Толстого, полностью оправдывающего своего протагониста.

В «Дьяволе» Иртенев считает, что брак закрывает для него (и для всякого человека в его ситуации) саму возможность любой связи на стороне. Фривольные отношения до брака с крестьянкой Степанидой, как и со многими другими женщинами, после женитьбы Иртенева должны были остаться для него в прошлом. Неожиданно увидев после брака Степаниду вновь, Иртенев чувствует колоссальное потрясение.

Имя жены Иртенева – Лиза – совпадает с именем героини «Барышни-крестьянки» и «Бедной Лизы», что в свете сказанного выше закономерно. К тому же у героинь Пушкина и Толстого фамилии заканчиваются на «-ская». Возникает значимое созвучие: Лиза Муромская (у Пушкина) и Лиза Анненская (у Толстого).

Толстовская Лиза, впрочем, также оказывается несущей свою часть «вины» – из-за своей «неестественности» (городская; барыня), из-за своих имплицитных (они нигде не проявлены прямо, но заданы статусом жены) требований быть верным только ей. Степаниде же, напротив, придаются вольно или невольно качества «искренности», «органичности» – ср. черты пушкинской «Акулины» в восприятии Алексея. Но в этой «естественности» Иртенев вдруг обнаруживает инфернальное (см.: [13]).

Иртенев, постулируя возможность существования только одного предмета страсти, испытывает влечение и к «барышне» (Лиза), и к «крестьянке» (Степанида). Имеет место некое двоение (раздвоение) заданной в качестве заведомо «единой» (имеем в виду *постулирование* единственности) возлюбленной Иртенева. Так объект страсти, подобно ситуации в повести Пушкина, раздваивается на «две» половины, и теперь обе они резко противопоставлены одна другой. «Барышня-крестьянка», «служанка-госпожа» перестает быть строго двуединым образом. Отныне барышня отдельно, крестьянка – отдельно.

Нередко подчеркивают, что в «Дьяволе» Толстой показал одержимость героев сверхъестественной властью в ключе героев Достоевского [14, с. 412]. Однако насчет Достоевского – тут скорее внешнее сходство, поскольку Толстой подразумевает все же не столько «сверхъестественную власть», сколько

недолжное бытийное устройство мира и человека – мысль, близкая богоборческим вариантам романтизма.

Во второй половине своей повести Толстой резко «романтизирует» сюжетную ситуацию, предстающую теперь в виде некоего мрачно-«романтического» противоборства страстей (а не «идей», как у Достоевского) внутри героя, которому тот пытается найти некое внешнее оправдание. Красный платок Степаниды находит соответствие в том числе в образных концептах романтических новелл Э. По (ср. негативную символику «Маски красной смерти») или Н. Готорна (ср. сниженную коннотацию «владелицы алой юбки» в новелле «Мой родич, майор Мольню» [4, с. 38]). Отдельного разговора заслуживает сопоставление «Дьявола» и символики заглавного символа романа Готорна «Алая буква», символики, разворачивающейся на различных уровнях художественно-смыслового целого этого романа и в чем-то родственной образу красного платка Степаниды.

Литература:

1. Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. — М. ; Л. : ГИХЛ, 1960. — Т. 1.

2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. / Н. В. Гоголь. — М. ; Киев : Издательство Московской Патриархии, 2009–2010.

3. Голубева Е. И. Библиейский текст в творчестве Н. В. Гоголя. : дисс. ... канд. филол. наук / Е. И. Голубева ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М. : 2016. — 22 с.

4. Готорн Н. Избранные произведения в 2 т. / Н. Готорн ; пер. А. Щербакова). — Л. : Художественная литература, 1982. — Т. 2.

5. Лазарев В. В. Шеллинг / В. В. Лазарев. — М. : Мысль, 1976.

6. Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. 1809–1845 / Ю. В. Манн. — М. : Аспект-пресс, 2004.

7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — [4-е изд.]. — Л. : Наука, 1977–1979.

8. Софронова Л. А. Мифопоэтика раннего Гоголя / Л. А. Софронова. — СПб. : Алетей, 2010.

9. *Сурат И. З. А. С. Пушкин / И. З. Сурат, С. Г. Бочаров // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* — М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. — Т. 5. — С. 189—216.

10. *Тюпа В. И. Карнавальные пары в «Повестях Белкина» / В. И. Тюпа // Поэтика русской литературы. К 70-летию проф. Ю. В. Манна.* — М.: РГГУ, 2001. — С. 45—58.

11. *Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард / В. Шмид.* — СПб.: Инапресс, 1998. — С. 55.

12. *Шульц С. А. Поэма Гоголя «Мертвые души»: внутренний мир и литературно-философские контексты / С. А. Шульц.* — СПб.: Алетейя, 2017. — 288 с.

13. *Шульц С. А. Трансформация инфернального в идиллическом: Н. В. Гоголь – Л. Н. Толстой – И. А. Бунин [Электронный ресурс] / С. А. Шульц // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПГУ, 2017. — № 3. — Т. 15. — С. 127—147. — Режим доступа :*

http://poetica.pro/journal/content_list.php?id=74621

14. *Wilson A. N. L. N. Tolstoy / A. N. Wilson.* — L., 1988.

References:

1. Block A. A. Collection of works in the 8th volume [Sobraniye sochineniy v 8 t.]. Moscow, Leningrad: GIKHL Publ. 1960. Vol. 1.

2. Gogol N. V. Complete collection of works and letters in 17 vol. [Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 17 t.] Moscow, Kiev: Publishing House of the Moscow Patriarchate Publ., 2009–2010.

3. Golubeva E. I. Biblical text in the works of N. V. Gogol. Dr. philol. sci. diss. [Bibleyskiy tekst v tvorchestve N. V. Gogolya. Diss. kand. filol. nauk]. Moscow, 2016.

4. Hawthorne N. Selected works in 2 vol. [Izbrannyye proizvedeniya v 2 t.] Leningrad: Fiction Publ., 1982. V. 2. (A. Shcherbakov's transl.)

5. Lazarev V. V. Schelling [Shelling]. Moscow: Thought Publ., 1976.

6. Mann Yu. V. Gogol. Works and days. 1809–1845 [Gogol'. Trudy i dni. 1809–1845]. Moscow: Aspect-press Publ., 2004.

7. Pushkin A. S. Complete Works in 10 vol. 4th ed. [Polnoye sobraniye sochineniy v 10 t. 4-ye izd]. Leningrad: Science Publ., 1977–1979.

8. Sofronova L. A. Mythopoetics of early Gogol [Mifopoetika rannego Gogolya]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2010.

9. Surat I. Z., Bocharov S. G. A. S. Pushkin [A. S. Pushkin]. *Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary [Russkiye pisateli. 1800–*

1917. *Biograficheskiy slovar'*. M.: Great Russian Encyclopedia Publ., 2007. V. 5. P. 189—216.

10. Tyupa V. I. Carnival couples in «Belkin's Stories» [Karnaval'nyye pary v «Povestyakh Belkina»]. *Poetics of Russian Literature. To the 70th anniversary of prof. Yu. V. Mann* [*Poetika russkoy literatury. K 70-letiyu prof. Yu. V. Manna*]. Moscow: RGGU Publ., 2001. P. 45—58.

11. Schmid V. Prose as a Poetry. Pushkin. Dostoevsky. Chekhov. The Vanguard. [Proza kak poeziya. Pushkin. Dostoyevskiy. Chekhov. Avangard]. St. Petersburg: Inapress Publ., 1998.

12. Schulz S. A. Gogol's poem Dead Souls: the inner world and literary and philosophical contexts [Poema Gogolya «Mertvye dushi»: vnutrenniy mir i literaturno-filosofskiy kontekst]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2017. 288 p.

13. Shultz S. A. Transformation of the infernal in idyllic: Gogol – L. Tolstoy – Bunin [Transformatsiya infernal'nogo v idillicheskom: Gogol' – L. Tolstoy – Bunin]. Problems of historical poetics [Problemy istoricheskoy poetiki]. Petrozavodsk: PSU Publ., 2017. V. 15. No. 3. P. 127—147. Available at:

http://poetica.pro/journal/content_list.php?id=74621

14. Wilson A. N. L. N. Tolstoy [L. N. Tolstoy]. Leningrad, 1988.

Аннотация

ПУШКИН, ГОГОЛЬ, Л. ТОЛСТОЙ
(ОТ «БАРЫШНИ-КРЕСТЬЯНКИ» К «ВИЮ» И «ДЬЯВОЛУ»)

Пушкин создает в «Барышне-крестьянке» парадоксальный «двуединный» образ главной героини, трансформация и развитие которого в аспекте исторической поэтики в повестях Гоголя («Вий») и Толстого («Дьявол») приводят к «демонизации» фигуры возлюбленной. Пушкинская Лиза соединяет ипостаси «барышни» и «служанки» (если вспомнить обозначение статуса героини у архетипической для Пушкина опере Перголези «Служанка-госпожа»), причем последней, как именно крестьянке, даны черты «естественного человека». В образе панночки (как трансформации «барышни») из «Вия» черты «естественности» искажены до духовного безобразия, до «антиприроды». Совпадает с «Барышней-крестьянкой» мотив «Вия» об осуществлении персонажами некоей «роли». В «Дьяволе» Л. Толстого ипостаси «барышни» и «крестьянки» окончательно разводятся в стороны, что ставит под вопрос «благо» всякой «естественности» и вообще благо мироустройства.

Ключевые слова: Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, «двуединный» образ, демонизация.

Анотація

ПУШКІН, ГОГОЛЬ, Л. ТОЛСТОЙ
(ВІД «ПАННОЧКИ-СЕЛЯНКИ» ДО «ВІЯ» І «ДИЯВОЛА»)

Пушкін створює в «Панночці-селянці» парадоксальний «двоєдиний» образ головної героїні, трансформація і розвиток якого в аспекті історичної поетики в повістях Гоголя («Вій») і Толстого («Диявол») ведуть до «демонізації» фігури коханої. Пушкінська Ліза поєднує іпостасі «панянки» та «служниці» (якщо згадати визначення статусу героїні в архетипній для Пушкіна опері Перголезі «Служниця-пані»), до того ж останній, саме як селянці, властиві риси «природної людини». В образі панночки (як трансформації «панянки») з «Вія» риси «природності» викривлені до духовної потворності, до «антиприроди». Збігається з «Панночкою-селянкою» мотив «Вія» про виконання персонажами певної «ролі». У «Диявола» Л. Толстого іпостасі «панянки» та «селянки» остаточно розходяться, що ставить під сумнів «благо» будь-якої «природності» і взагалі благо світоустрою.

Ключові слова: Пушкін, Гоголь, Л. Толстой, «двоєдиний» образ, демонізація.

Summary

PUSHKIN, GOGOL, L. TOLSTOY (FROM THE “BARYSHNYA-KRESTYANKA” TO “VIJ” AND “THE DEVIL”)

Pushkin creates a paradoxical “twofold” image of the main character in the “Baryshnya-krestianka”, whose transformation and development in the aspect of historical poetics in the stories of Gogol (“Viy”) and Tolstoy (“The Devil”) lead to “demonization” of the beloved figure. Pushkin’s Lisa connects the hypostasis of “young ladies” and “maidens” (if you recall the designation of the heroine’s status in Pushkin’s archetypal opera Pergolesi “The Servant-mistress”), and the latter as the peasant woman is given the features of a “natural person”. In the character of the pannochka (as a transformation of the “young lady”) from “Viy”, the features of “naturalness” are distorted to spiritual disgrace, to “antinature”. Coincident with the “Baryshnya-krestianka” motive of “Viy” on the implementation of the characters a certain “role”. In the “Devil” by L. Tolstoy, the hypostases of “young ladies” and “peasant women” are finally separated, which calls into question the “good” of all “naturalness” and, in general, the good of the world order.

Keywords: Pushkin, Gogol, L. Tolstoy, twofold image, “demonization”.

Anatolii Rolik, Yevhen Plotnikov (*Nizhyn*)

METAPHOR AS A QUALITY MARKER IN GERMAN AND ENGLISH TRANSLATIONS OF NIKOLAI GOGOL'S “DEAD SOULS”

Metaphor takes one of the key positions in the lexical-semantic system of any language. The study of this phenomenon provides an opportunity to understand the problems of actualization and decryption of additional, emotional, figurative connotations of metaphors as in-system and expressive units. That's why it's natural that the problem of metaphor has become the object of research for representatives of different linguistic schools. Their works provide a thorough and comprehensive analysis of the processes underlying the emergence of metaphors. Our aim with this paper is to contribute to the metaphor research and to examine this phenomenon from the point of view of translation.

Research on metaphor has a long and rich tradition. The definitions and suggested classifications of metaphors reveal the methodological approaches of different scientists. For example, Ph. Wheelwright distinguishes between two types of metaphor: epiphora and diaphora. The main meaning in epiphora is concentrated on analogy between two similar objects, while diaphora creates metaphorical meaning through comparison of two completely different objects [21, p. 35]. According to M. Beardsley [2, p. 298] metaphor is defined as a sort of conflict which can't be observed in literal expression.

One of the well-known concepts in metaphor research was created by Max Black. It views metaphor as a two component entity: a key, central word with figurative meaning ('focus') and the surrounding words with literal meaning ('frame'). According to Black metaphorical meaning appears as a result of interplay within a system of immediate associations in their relation to a new object (e. g. 'Man is wolf') [3, p. 39–40].

For several decades great effort has been devoted to the study of primary and secondary naming units [14, 16; 18; 19; 20]. The term was first coined by V. Mathesius and served as a substitution for terms like ‘word’ (simple or complex), ‘lexical unit’, ‘compound’ or ‘collocation’. The Mathesius’ work and the related references suggest that the use of language for communicative purposes involves the stages of encoding and decoding with the help of naming units for objects in the extralinguistic reality where words are just conventional signs [16, p. 17]. A. Ufimtseva sees the process of lexical naming as a transformation of reality into a language system with the simultaneous identification and generalization of the key aspects of the cognition object. The naming units are a combination of both nominative meaning and sensory perception (auditory, visual and spatial representation) [20, p. 5–85].

New naming units are a result of a very specific and real act of naming by a coiner and the naming act in itself is a complex cognitive phenomenon [18]. Thus V. Telia [19, p. 159] states that the process of naming always involves interaction of at least four key components: reality – conceptual and linguistic form of its reflection – reframed meaning of a linguistic form that mediates between the new meaning and reality – linguistic form in its naming function. At the same time there is no fundamental difference between language and speech naming units, but there is a tangible difference in reflections of reality.

It is obvious that any metaphor based on a particular lexical item does not derive from the meaning of this item and even its logical notions, but rather from inconsistent ideas about a certain class of realities by the established usage.

If we analyze the problem from the functional and semantic perspective, it is possible to distinguish at least four types of metaphor according to its linguistic functions [1]:

1) *nominative* (name transfer) consists in replacing one descriptive notion with the other and serves as a source of homonymy;

2) *figurative* develops through the transition of the descriptive meaning into the predicative one and triggers the development of figurative notions and synonymy;

3) *cognitive* appears as a result of the shift in the co-occurrence of predicate words (meaning transfer) and creates polysemy;

4) *generalizing* (final result of a cognitive metaphor) removes the borders between the logical sequences in the lexical meaning of a word and stimulates the emergence of logical polysemy.

It is known that metaphor is widely represented in the dictionaries. However, as an object of lexicographic description metaphor did not attract enough attention for quite a long time. For that matter an attempt of a systematic description of linguistic metaphors taken by Galina Skliarevskaya [17] is of a certain interest. She identified six global semantic spheres (representing both real entities and abstractions) of metaphorical transfers:

I. Real objects: 1) an array of inanimate objects; 2) the animal world; 3) people in all aspects of their existence.

II. Abstract notions: 4) physical phenomena and processes; 5) mental phenomena and processes; 6) abstract categories.

It turned out that metaphorical transfer in any language complies with fairly rigid laws and is carried out in certain directions from one semantic field to another. Galina Skliarevskaya discovered the following regular types of metaphorical transfer:

1) object – object (a kennel – a cramped room; a trough – a boat);

2) object – person (a watchtower – a tall man);

3) object – physical phenomenon (a market – noise);

4) object – mental phenomenon (dirt – something sinister);

5) object – abstract concept (brakes – obstacle in the work);

6) animal – person (a sheep – clueless, a cock – a bully).

The above mentioned types of transfer give metaphor the properties which are perceived as “common-language”. They are reproducible in the process of communication and because of their regularity can be considered to be semantic models [17, p. 80–94].

However, there still exists a need in additional research of problems related to the functioning of metaphor in literary speech, which in itself is a kind of concentration of language processes, in particular, the problem of the possibility of preserving the artistic value of a source in translation. Primarily literary speech differs from other language activities due to the fact that it serves the task of

creating a vivid artistic image. The writer's language is extremely individualized in its attempts to preserve all facets of natural speech, and also in the writer's narrative, which generally reflects the properties of the language of certain social groups, professions or psychological states using a very subjective approach to different forms of speech.

While translating metaphors all the particular translation tasks are concentrated and clearly revealed. Such translation needs to bring a reader closer to the language of the original in order she can learn the full depth of meaning and connections embedded in this or that linguistic unit. As a means of conveying complex information, metaphor requires a full preservation of its informative value in the process of translation, otherwise there is a threat of loss of its semantic complexity. It is necessary to achieve unambiguous narration for foreign-language readers. At the same time all the metaphors entail some inherent ambiguity or secondary meaning, which often dominates all the literal meanings.

Moreover, metaphor triggers a certain mental associative chain emanating from the core of the lexical image, and it is not always easy to reconstruct it due to cultural differences and, differences in lexical and semantic meaning of words in the source and target languages.

While translating metaphors, all the translation-inherent tasks are concentrated and clearly manifested, that is to draw the reader of the translation as near as possible to the native speaker of the original language, so that he can anticipate the full depth of meaning and associations embedded in this or that linguistic unit. Being a means of complex information, metaphor naturally requires the complete preservation of all its informative capacity in translation, otherwise there is a threat of loss of its semantic complexity. In this case, it is necessary to achieve an unambiguous presentation for a foreign reader. At the same time, metaphor itself already contains ambiguity, a secondary meaning, which often has a predominant meaning. In addition, the metaphor causes a certain associative chain in the mind, originating from the basic lexical image, which cannot always be easily reconstructed due to cultural differences and certain discrepancy of the lexical and semantic meaning of the given lexis.

Following the above outline of the main difficulties in translation of metaphor let us examine some specific implementations of translation tasks by comparing the German translation of N. Gogol's «Dead Souls» with the original. According to many studies literary metaphors are often transmitted in four different ways: accurate translation, substitution, paraphrase and compensation [15, p. 137].

Taking this classification as a basis, we have slightly developed and modified it, and thus after analysis of approximately 400 translations of metaphorical expressions we identified the following methods of metaphor transmission used in several translations of Gogol's "Dead Souls" into German, namely by Philipp Löbenstein (*hereafter in the citation – Löbenstein*) [4], Michael Pfeifer (*Pfeifer*) [5] and Hermann Röhl (*Röhl*) [6], as well as into English, namely by Constance Garnet (*Garnet*) [8], Bernard Guerne (*Guerne*) [7], D. J. Hogarth (*Hogarth*) [9], Robert Maguire (*Maguire*) [12], Richard Pevear & Larissa Volokhonsky (*Pevear & Volokhonsky*) [11], George Reavey (*Reavey*) [10], Donald Rayfield (*Rayfield*) [13]:

1) an image of the source language is preserved in the target, e. g.

<p>“...как канарейка...”</p>	<p>“...wie ein Kanarienvogel...” (<i>Röhl</i>) [6, p. 58]; “...like a canary...” (<i>Rayfield</i>) [13, p. 42], (<i>Garnett</i>) [8, p. 65], (<i>Maguire</i>) [12, p. 145];</p>
<p>“...скотина...”</p>	<p>“...das Rindvieh...” (<i>Löbenstein</i>) [4, p. 345];</p>
<p>“...да заседателя подмаслила...”</p>	<p>“...musste natürlich noch den Kreisassessor ordentlich schmieren...” (<i>Löbenstein</i>) [4, p. 72];</p>
<p>“Ты пьян как сапожник!”</p>	<p>“Du bist betrunken wie ein Schuster!” (<i>Röhl</i>) [6, p. 34]; “You're drunk as a</p>

“...взгляд...сладкий как сахар...”	cobbler.” (<i>Pevear & Volokhonsky</i>) [11, p. 34]; “...Glanz...süß wie Zucker” (<i>Pfeifer</i>) [5, p. 201]; “...eyes sweet as sugar...” (<i>Maguire</i>) [12, p. 70];
“...во все горло...”	“...aus vollem Halse...” (<i>Röhl</i>) [6, p. 57]; “...went on with his full-throat laughter...” (<i>Guerny</i>) [7, p. 62];
“...медведь, совершенный медведь!”	“...ein Bär, durch und durch ein Bär!” (<i>Löbenstein</i>) [4, p. 131]; “...he was a bear, there was no getting away from it, a bear...” (<i>Reavey</i>) [10, p. 97];
“...на манер “черт меня побери”, как говорят французы...”	“They did not wear their hair in tufts or curls, nor in the devil-may-take-it manner of the French...” (<i>Reavey</i>) [10, p. 10]; “... and in no case was their hair curled or waved or arranged in what the French call «the devil-may-care» style.” (<i>Hogarth</i>) [9, p. 11]; “...they didn’t dress their hair either in topknots or in curly locks or in the “may-the-Devil-take-me” mode, as the French put it.” (<i>Guerny</i>) [7, p. 9];

2) replacing a standard image of the source language with a standard image of the target language, e. g.

“...ни копейки в кармане...”	“...keinen Groschen in der Tasche...” (<i>Löbenstein</i>) [4, p. 98];
------------------------------	---

“I haven’t a penny in my pocket.” (*Rayfield*) [13, p. 88], (*Reavey*) [10, p. 70];

“Эх, отец мой, ...”

“...плясать под чужую дудку”

“...nach einer fremden Pfeife zu tanzen” (*Röhl*) [6, p. 82];

“...dance to another man’s tune...” (*Pevear & Volokhonsky*) [11, p. 104];

“...да заседателя подмаслила...”

“...greased the assessor’s palm as well.” (*Guerney*) [7, p. 46];

“Ты пьян как сапожник!”

“You’re as drunk as a lord.” (*Hogarth*) [9, p. 39];

3) metaphor is translated by means of figurative comparison with the preserved image, e. g.

“...дороги бархатные...”

езде

“die Straßen überall wie aus Samt” (*Pfeifer*) [5, p. 14];

“...the roads were like velvet everywhere...” (*Maguire*) [12, p. 64];

“...высматривает орлом...”

“Er blickt wie ein Adler” (*Röhl*) [6, p. 41];

“...for his glance is as that of an eagle...” (*Hogarth*) [9, p. 46];

“День, кажется был заключен крепким сном во всю насосную заvertку ...”

“...a deep sleep with all pumps working...” (*Rayfield*) [13, p. 58];

“...a sound sleep – sleep like a suction pump ...” (*Reavey*) [10, p. 7];

“...a sound sleep, with every tap turned on...” (*Garnett*) [8, p. 56];

4) metaphor is translated by means of figurative comparison with the semantic explanation, e. g.

“Многие дамы были хорошо одеты и по моде, другие оделись во что бог послал в губернский город ...”

“Viele Damen waren gut und der Mode gemäß angezogen, andere dagegen trugen, was Gott weiß wie in die Gouvernementsstadt geraten war” (*Pfeifer*) [5, p. 16];

“День, кажется был заключен крепким сном во всю насосную завертку ...”

“Dann legte er sich nieder, und schlief so fest, als ob man einen eichenen Riegel vorgeschoben... ” (*Löbenstein*) [4, p. 13];

5) notional translation, e. g.

“...такую обузу всегда нужно поскорее с плеч...”

“...dass man... sich die Bürde rasch von den Schultern wälzen müsse... ” (*Löbenstein*) [4, p. 197];

“...какие ты забранки пригинаешь.”

“Wie du zu fluchen weißt (*Röhl*) [6, p. 46];

“Oh, what shocking words you are using!” (*Garnett*) [8, p. 56];

“...это выходит избу только выхолаживать...”

“Sie müssen noch einige Zeit hier bleiben” (*Löbenstein*) [4, p. 215];

6) omission of metaphor in translation, e. g.

“...до самих поздних петухов...”

“...bis in den hellen Tag hinein...” (*Röhl*) [6, p. 20];

“Эх, отец мой, да у тебя-то как у борова, вся спина и бок в грязи! Где так изволил засалиться?”

“Ach du lieber Himmel, Sie sind ja ganz in Koth! Wo haben Sie sich so beschmutzt?” (*Löbenstein*) [4, p. 64];

“– Какой веселенький

“Welch eine herrliche Farbe!

ситец! – воскликнула во всех отношениях приятная дама, глядя на платье просто приятной дамы”

“Ну же, ну, ворона! зевай, зевай!”

” rief die in jeder Beziehung angenehme Dame, das Kleid der angenehmen Dame betrachtend” (*Löbenstein*) [4, p. 256];

“Schlafe nicht, du Krähe!” (*Röhl*) [6, p. 50];

“Now then, you brutes! Get on with you, get on with you!” (*Hogarth*) [9, p. 56];

“All right then, you crow, you bum! You bum!” (*Rayfield*) [13, p. 62];

“Now then! Now! Raven! Crawling along!” (*Garnett*) [8, p. 59];

7) translation with the help of an identical metaphor followed by a semantic explanation, e. g.

“...многосторонний человек, то есть человек на все руки”.

“...ein vielseitiger Mensch, das heißt, er war zu allem fähig...” (*Pfeifer*) [5, p. 85];

“...was a man of many parts, that is to say, he could turn his hand to anything.” (*Reavey*) [10, p. 73];

“Не успел он выйти на улицу, размышляя обо всем этом и в то же время таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном, как на самом повороте в переулок столкнулся тоже с господином в медведях, крытых коричневым сукном, и в теплом картузе с ушами”

“Kaum war er auf der Straße, das Alles bedenkend und noch dazu einen mit rötlichem Tuche überzogenen Bärenpelz mit sich schleppend, als er mit einem Herrn zusammenstieß, der auch einen mit rötlichem Tuche überzogenen Bärenpelz und eine warme Mütze anhatte” (*Löbenstein*) [4, p. 197];

<p>8) translation of metaphor using the language of its origin, e. g. "...на манер "черт меня побери", как говорят французы..."</p>	<p>"...noch „à la diable“, wie der Franzose sagt..." (<i>Pfeifer</i>) [5, p. 17];</p>
<p>"...совершенная бель-фам."</p>	<p>"...nor à la diablem'emporter as the French call it..." (<i>Garnett</i>) [8, p. 72];</p>
<p>"Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар..."</p>	<p>"...so daß es ganz 'belle femme' wird" (<i>Röhl</i>) [6, p. 165]; "...so as to make for a perfect belle-femme." (<i>Pevear & Volokhonsky</i>) [11, p. 122]</p>
<p>"...ну просто оррер, оррер, оррер!"</p>	<p>"Das ist ja eine Geschichte, verstehen Sie, cequ'onappel le une histoire..." (<i>Löbenstein</i>) [4, p. 259]; "This is a scandal, you understand: a scandal, cequ'onappelle histoire..." (<i>Rayfield</i>) [13, p. 216];</p>
<p>"...очень основательны были его мысли..."</p> <p>"Дайте ему только нож да выпустите его на большую дорогу – зарежет,</p>	<p>"...nun, einfach horreur, horreur, horreur!" (<i>Pfeifer</i>) [5, p. 225]; "...well, it was simply horreur, horreur, horreur!" (<i>Maguire</i>) [12, p. 319];</p>

<p>9) translation of metaphor by means of compensation, e. g. "...очень основательны были его мысли..."</p>	<p>"...seine Gedanken gingen nicht ins Blaue hinein..." (<i>Löbenstein</i>) [4, p 28];</p>
<p>"Дайте ему только нож да выпустите его на большую дорогу – зарежет,</p>	<p>"Geben Sie ihm nur ein Messer und stellen Sie ihn an der Poststraße auf, und er wird</p>

за копейку зарежет!”

“...с которым иметь
дело было совсем
невыгодно...”

“Гостья уже хотела
было приступить к делу и
сообщить новость...”

Ihnen den Hals abschneiden,
wegen einer einzigen Kopeke
den Hals abschneiden! ”
(*Pfeifer*) [5, p. 116];

“...mit dem nicht gut
Bohnen lesen war...”
(*Löbenstein*) [4, p. 120];

“Der Gast wollte schon
also gleich die Neuigkeit vom
Stapel laufen lassen...”
(*Löbenstein*) [4, p. 256]

Conclusion

The researchers claim that metaphor usage in translation to a great extent depends upon the personality of the translator and any translated text retains not more than 2/3 of all the original metaphors [15, p. 138]. The most common metaphor types are those marked as 1, 2 and 9 in the above list. One of the most common flaws in translation, which weakens the emotionally expressive power of the metaphor, is the use of comparative structures instead of a metaphor. However, while translating metaphors it is essential not to lose common sense and avoid making up something that is not present in the original text.

As for the current research we do not claim it to be exhaustive and complete, rather it is just a preliminary insight into the problem because the specific nature of literary translation implies the necessity to involve an array of sometimes very different factors which cannot be easily generalized into a readymade set of recommendations for further translation practice.

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М. : Языки русской культуры, 1998. — с. 366.
2. *Beardsley M. C. The Metaphorical Twist / M. C. Beardsley // Philosophy and Phenomenological Research. — Vol. 22, no. 3. — Mar. 1962. — P. 293—307.*

3. *Black M. Models and Metaphors / M. Black // Studies in Language and Philosophy* [7th ed.]. — Ithaca ; N. Y : Cornell University Press, 1962. — 267 p.
4. *Gogol N. W. Die Toten Seelen. Übersetzt von Philipp Löbenstein / N. W. Gogol.* — Zurich, Diogenes-Verlag, 1985. — 365 S.
5. *Gogol N. W. Die Toten Seelen / N. W. Gogol ; [übersetzt von Michael Pfeifer].* — Berlin, Weimar : Aufbau-Verlag, 1978. — 575 s.
6. *Gogol N. W. Die Toten Seelen / N. W. Gogol ; [übersetzt von Hermann Röhl].* — Frankfurt am Main : Insel-Verlag, 1987. — 527 s.
7. *Gogol N. V. Dead Souls / N. V. Gogol ; [translated by B. G. Guernsey; ed. by S. Fusso].* — New Haven, London : Yale Press University, 1996. — 287 p.
8. *Gogol N. V. Dead Souls / N. V. Gogol ; [translated by C. Garnett].* — London : Chatto and Vindus, 1922. — Vol. 1. — 307 p. ; Vol. 2. — 304 p.
9. *Gogol N. V. Dead Souls / N. V. Gogol ; [translated by D. J. Hogarth].* — Project Gutenberg, 2008. — Available at : <http://www.gutenberg.org/ebooks/1081>
10. *Gogol N. V. Dead Souls / N. V. Gogol ; [translated by G. Reavey].* — NY : Pantheon, 1948. — 469 p.
11. *Gogol N. V. Dead Souls / N. V. Gogol ; [translated by R. Pevear, L. Volokhonsky].* — NY : London, Everyman's Library, 1996. — 443 p.
12. *Gogol N. V. Dead Souls / N. V. Gogol ; [translated with an introduction and notes by R. A. Maguire].* — NY ; London : Penguin Books, 2004. — 464 p.
13. *Gogol N. V. Dead Souls / N. V. Gogol ; [translation and introduction by Donald Rayfield].* — NY : New York Review Books, 2012. — 414 p.
14. *Кузнецова Н. Н. Метафора как одно из основных средств создания экспрессивности / Н. Н. Кузнецова // Филологические науки.* — № 1. — 2009. — С. 101—108.
15. *Кияк Т. Р. Теорія та практика перекладу : німецька мова / Т. Р. Кияк, О. Д. Огуй, А. М. Науменко.* — Вінниця : Нова книга, 2006. — 592 с.
16. *Mathesius V. A. Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis / V. A. Mathesius.* — Hague : Mouton, 1975. — 228 p.
17. *Склярєвская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярєвская.* — СПб : Наука, 1993. — 152 с.
18. *Steckauer P. Meaning Predictability in Word Formation: Novel, Context-Free Naming Units / P. Steckauer* — Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2005. — P. 212—224.

19. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (виды наименований) / под ред. Б. А. Серебрянникова и А. А. Уфимцевой. — М. : Наука, 1977. — С. 129—221.

20. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация (виды наименований) / под ред. Б. А. Серебрянникова и А. А. Уфимцевой. — М. : Наука, 1977. — С. 5—85.

21. *Wheelwright Ph. Metaphor and Reality* / Ph. Wheelwright. — Bloomington : Indiana University Press, 1962.

References:

1. Arutyunova N. D. Language and Inner Self of a Person [Yazyk i Mir Cheloveka]. Moscow, Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1998. P. 366.

2. Beardsley M. C. The Metaphorical Twist [*Philosophy and Phenomenological Research*], vol. 22, no. 3, Mar. 1962. P. 293—307.

3. Black M. Models and Metaphors. [*Studies in Language and Philosophy*]. 7th ed., Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 1962. 267 p.

4. Gogol N. W. The dead souls. Translated by Philipp Löbenstein [Die Toten Seelen. Übersetzt von Philipp] Löbenstein, Zurich, Diogenes-Verlag Publ., 1985. 365 p.

5. Gogol N. W. The Dead Souls. Translated by Michael Pfeifer [Die Toten Seelen. Übersetzt von Michael Pfeifer]. Berlin, Weimar, Aufbau-Verlag Publ., 1978. 575 p.

6. Gogol N. W. The Dead Souls. Translated by Hermann Röhl [Die Toten Seelen. Übersetzt von Hermann Röhl]. Frankfurt am Main, Insel-Verlag Publ., 1987. 527 p.

7. Gogol N. V. Dead Souls. Translated by B. G. Guernsey; ed. by S. Fusso. New Haven, London, Yale Press University Publ., 1996. 287 p.

8. Gogol N. V. Dead Souls. Translated by C. Garnett. London, Chatto and Windus Publ., 1922. Vol. 1. 307 p.; Vol. 2. 304 p.

9. Gogol N. V. Dead Souls. Translated by D. J. Hogarth. Project Gutenberg Publ., 2008. Available at :

<http://www.gutenberg.org/ebooks/1081>

10. Gogol N. V. Dead Souls. Translated by G. Reavey. NY, Pantheon Publ., 1948. 469 p.

11. Gogol N. V. Dead Souls. Translated by R. Pevear, L. Volokhonsky. NY, London, Everyman's Library Publ., 1996. 443 p.

12. Gogol N. V. Dead Souls. Translated with an introduction and notes by R. A. Maguire. NY; London, Penguin Books Publ., 2004. 464 p.

13. Gogol N. V. *Dead Souls*. Translation and introduction by Donald Rayfield. NY, New York Review Books Publ., 2012. 414 p.

14. Kuznetsova N. N. Metaphor as One of the Means for Expressiveness Creation [Metafora Kak Odno Iz Osnovnykh Sredstv Sozdaniya Ekspresivnosti]. *Filologicheskiye Nauki [Philology Science]*, 2009. no. 1. P. 101—108.

15. Kyiak T. R., Ohui O. D., Naumenko A. M. Theory and Practice of Translation: German Language [*Teoriya ta Praktyka Perekladu: Nimetska Mova*]. Vinnytsya, Nova Knyha Publ., 2006. 592 p.

16. Mathesius V. A. *Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis*. Hague, Mouton Publ., 1975. 228 p.

17. Skliarevskaya G. N. *Metaphor in the Language System [Metafora v Sisteme Yazyka]*. Saint Petesburg, Nauka Publ., 1993. 152 p.

18. Steckauer P. *Meaning Predictability in Word Formation: Novel, Context-Free Naming Units*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Publ., 2005. P. 212—224.

19. Teliya V. N. Secondary Nomination and its Types [Vtorichnaya Nominatsiya I Ee Vidy]. *Language Nomination (Types of naming Units) [Yazykovaya Nominatsiya (Vidy Naimenovaniy)]*, edited by B. A. Serebrennikov and A. A. Ufimtseva, Moscow, Nauka Publ., 1977. P. 129—221.

20. Ufimtseva A. A. Lexical Nomination (Primary Neutral) [Leksicheskaya Nominatsiya (Pervichnaya Neitralnaya)]. *Yazykovaya Nominatsiya (Vidy Naimenovaniy) [Language Nomination (Types of naming Units)]*, edited by B. A. Serebrennikov and A. A. Ufimtseva, Moscow, Nauka Publ., 1977. P. 5—85.

21. Wheelwright Ph. *Metaphor and Reality*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1962.

Summary

METAPHOR AS A QUALITY MARKER IN GERMAN AND ENGLISH TRANSLATIONS OF NIKOLAI GOGOL'S "DEAD SOULS"

Metaphor as a complex and widespread phenomenon has already received much attention from different scientific areas. The present contribution aims to give a comprehensive account of metaphor as an example of secondary nomination and to reveal both the peculiarities as well as its place in the language system. The role and place of metaphor in a literary work and also the ways of its translation are described. Previous

studies indicate that literary metaphors are often transmitted in four different ways: accurate translation, substitution, paraphrase and compensation. Using this classification as a basis, somewhat of 400 translations of metaphorical expressions were analysed to identify the main methods of metaphor transmission. The theoretical data given in the study is illustrated with the help of metaphors used in ten professional translations of Nikolai Gogol's "Dead Souls" into German and English.

Keywords: secondary nomination, metaphor, translation, metaphorical expression.

Анотація

МЕТАФОРА ЯК КВАЛІФІКАТИВНИЙ МАРКЕР У НІМЕЦЬКО- І АНГЛОМОВНИХ ПЕРЕКЛАДАХ «МЕРТВИХ ДУШ» МИКОЛИ ГОГОЛЯ

Метафора як складне і досить поширене мовне явище отримує значну увагу в різногалузевих гуманітарних дослідженнях. У статті зроблена спроба подати опис метафори як прикладу вторинної номінації та вказати на її особливості та місце у системі мови. Особливу увагу звернено на роль і місце метафори в літературному творі, а також на опис способів її перекладу. Розглянуті дослідження вітчизняних та зарубіжних науковців указують на те, що літературна метафора часто передається у чотири різні способи: точний переклад, підстановка, перефразування і компенсації. З опертям на таку класифікацію було проаналізовано понад 400 перекладів метафоричних виразів з метою виявлення основних способів передачі метафори. Теоретичні відомості, наведені у статті, проілюстровані за допомогою метафор, що використані у десяти перекладах поеми Миколи Гоголя «Мертві душі» німецькою та англійською мовами.

Ключові слова: вторинна номінація, метафора, переклад, метафоричний вираз.

Аннотация

МЕТАФОРА КАК КВАЛИФИКАТИВНЫЙ МАРКЕР В НЕМЕЦКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ «МЕРТВЫХ ДУШ» НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

Метафора как сложное и довольно распространенное языковое явление получает значительное внимание в разноотраслевых

гуманитарных исследованиях. В статье сделана попытка представить описание метафоры как примера вторичной номинации и указать на ее особенности и место в системе языка. Особое внимание уделяется роли и месту метафоры в литературном произведении, а также описанию способов ее перевода. Рассмотренные исследования отечественных и зарубежных ученых указывают на существование четырех разных способов передачи литературной метафоры: точный перевод, подстановка, перефразирование и компенсация. На основании такой классификации были проанализированы более 400 переводов метафорических выражений с целью выявления основных способов передачи метафоры. Теоретические сведения, приведенные в статье, проиллюстрированы с помощью метафор, которые используются в десяти переводах поэмы Николая Гоголя «Мертвые души» на немецкий и английский языки.

Ключевые слова: вторичная номинация, метафора, метафорическое выражение, перевод.

РЕЦЕНЗІІ ТА ВІДГУКИ

Владимир Воропаев (Москва)

ГОГОЛЬ В СЕРБИИ

Православни витез Николај Васильевич Гоголь / приредио и превео Ранко Гојковић. — Стари Бановци ; Београд : Бернар, 2017. — 163 с. — (Библиотека Тихи глас).

В Белграде в издательстве «Бернар» вышла в свет книга «Православный рыцарь Николай Васильевич Гоголь». Новое издание представляет собой сборник статей, посвященных великому русскому писателю, отрывки из его духовно-нравственных сочинений, молитвы, духовное завещание, предсмертные записи. В книгу включена также переписка современников Гоголя и некоторые его письма к разным лицам, в частности, к В. Г. Белинскому. Подготовил издание известный сербский переводчик, писатель и публицист Ранко Гойкович. Им же написано предисловие «Николай Васильевич Гоголь как великий апологет Святой Руси».

В сборник вошли статьи священномученика Серафима (Чичагова), протопресвитера Василия Зеньковского, деятелей русской эмиграции философа Ивана Ильина, историка литературы, славяноведа Александра Погодина, писателя и критика Константина Мочульского, а также работы современных авторов: протоиерея Анатолия Затовского, Владимира Воропаева, Игоря Золотусского и других.

На состоявшейся недавно 62-й международной книжной ярмарке в Белграде книга о Гоголе вызвала большой интерес; она была представлена на трех стендах (издательства «Бернар», Сербской Православной Церкви и Хиландарского монастыря) и стала одной из самых продаваемых книг. И потому, по словам директора издательства Николи Дробняковича, в скором времени можно ожидать второе издание. В ходе ярмарки издатель подарил книгу «Православный рыцарь Николай Васильевич Гоголь» Святейшему Патриарху Иринею,

нескольким епископам Сербской Православной Церкви (Далматинской, Крушевацкой, Нишской епархий, митрополиту Амфилохию), настоятелю храма Св. Саввы и ряду видных церковных и общественных деятелей.

Во время книжной ярмарки издательство «Бернар» было представлено на государственном телевидении и церковном телевидении Белградского Патриархата. Книга о Гоголе – далеко не первый подобный проект издательства, крупнейшего издателя русской литературы в Сербии за последние десять лет. В его активе такие известные русские писатели, как Чехов, Бунин, Лесков, Паустовский, Шмелев, Зайцев, Куприн и многие другие. Издания «Бернара» на сербском языке вошли в книжный фонд ряда российских библиотек, включая Российскую государственную библиотеку. В ближайших планах издательства выход книги Владимира Воропаева «Однажды Гоголь...», с которой сербские читатели познакомятся уже весной нынешнего года.

ПИТАННЯ БІОГРАФІІ

Павло Михед (*Київ – Ніжин*)

МИКОЛА ГОГОЛЬ У КАРЛСБАДІ (до біографії письменника)

Перед читачем документ, про який літературознавці знали з різних джерел (див., напр., 2, с. 384). Публікація цього свідчення суголосна епіграфу з Горация на обкладинці альманаху: «Хай кожна ця річ має місце своє, їй належне» (переклад А. Содомори).

Але спочатку про перебування Миколи Гоголя в Карлсбаді (нині – Карлові Вари, Чехія), де письменник лікувався з 20 липня до 15 серпня 1845 року (за ст. ст.). Про стан свого здоров'я він писав О. О. Смирновій відразу після приїзду: «Слабый и еле движущийся пишу к вам из Карлсбада. Покаместь воды меня повергнули в совершенное расслабление телесное. Вот всё, что могу сказать. Что будет потом, это известно одному Богу» [1, с. 503]. У листі до М. М. Язикова від 25 липня повторює цю думку: «Жду полного успеха лечения только от одной Милости Божией! Сегодня седьмой день, как начал пить воды. Пью с осторожностью и ничего не могу еще сказать, кроме того, что слабость увеличилась и в силах могу передвигать ноги. Руки как лед и особенно холоднее не тогда, когда сижу на месте, а когда делаю движение и потею» [1, с. 507]. Стан тривоги передає і лист до матері від 28 липня, в якому він просить її помолитися перед іконою св. Миколи Диканського, «которого вы всегда так умоляли о представительстве за меня» [1, с. 509]. Перед цією іконою Марія Іванівна вимолювала в Господа сина, даючи обітницю назвати його ім'ям святого. А в листі до О. О. Смирнові того ж дня пише: «Карлсбад пока расслабил и расстроил меня слишком сильно. После, может быть, не соберусь и не успею; может быть, недуг еще более помешает... а потому тороплюсь поговорить с вами теперь о предстоящей вам жизни внутри России и об

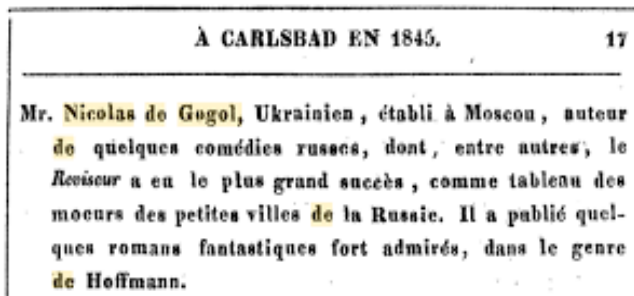
обязанностях, с ней сопряженных» [1, с. 509]. Ці витяги з листів передають настрій глибокої тривоги, який охопив письменника протягом перебування в Карлсбаді, що повторюватиметься й пізніше.

Ми друкуємо своєрідний рекламний лист із «Альманаху Карлсбаду» за 1846 рік, де названі відомі люди, які відпочивали на водах. Серед них – і Микола Гоголь. На відміну від інших, у рядку відомостей про його персону названа національність (Ukrainien), ймовірно, записана зі слів самого Гоголя. Ось цей текст:

«Месьє Нікола де Гоголь, українець, проживає в Москві, автор кількох російських комедій, з-поміж яких найбільший успіх має п'єса «Ревізор», що зображує картини звичайв малих містечок Росії. Також опублікував кілька фантастичних романів у стилі Гофмана, якими всі захоплюються» (пер. з фр. А. Роліка і А. Трибуханчика).

Цікаво, що принагідно всіх інших перерахованих осіб (числом 5) указується звання, титул, посада, надруковані роботи. І лише в Гоголя зазначене національне походження. Ми подаємо обкладинку видання з її перекладом, а також запис про Миколу Гоголя.

Ми складаємо щиру подяку Людмилі Пантеліївні Карпунцовій, яка особисто передала в мерію Карлових Вар наше прохання про альманах і допростила відсканований матеріал у Ніжин.



ALMANACH
DE
CARLSBAD,

OU

MÉLANGES MÉDICAUX, SCIENTIFIQUES ET LITTÉRAIRES
RELATIFS A CES THERMES ET AU PAYS.

PAR LE

CHEVALIER JEAN DE CARRO,

*docteur en médecine des facultés d'Edimbourg, de
Vienne et de Prague, praticien à Carlsbad, pendant
la saison des eaux, citoyen d'honneur de ladite ville,
membre correspondant de la Société Impériale des
médecins de Vienne et membre honoraire de la
Société du Musée National de Bohême.*

*Singula quaeque locum tenent sortita decenter.
Hor. ad s. poet. v. 92.*

16^e Année.

CARLSBAD, 1846.

А Л Ь М А Н А Х К А Р Л С Б А Д У

З ВІДОМОСТЯМИ ПРО ВІДВІДУВАЧІВ ТЕРМАЛЬНИХ
ВОД, ЯКІ МАЮТЬ СТОСУНОК ДО МЕДИЦИНИ, НАУКИ ТА
ЛІТЕРАТУРИ,

укладений

ШЕВАЛЬЄ ЖАНОМ ДЕ КАРРО,

*доктором медицини Единбурзького, Віденського та Празького
університетів, який практикує в Карлсбаді упродовж водного сезону і є
членом-кореспондентом Віденського імператорського Товариства
медицини та почесним членом Богемського Товариства Національних
Музеїв*

«Хай же кожна ця річ має місце своє, їй належне».

Гораций «Про поетичне мистецтво»

16-й рік видання

——
К А Р Л С Б А Д , 1 8 4 6

Література:

1. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 12 : Письма, 1842–1845 / Н. В. Гоголь. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — 720 с.
2. *Маланюк Є.* Книга спостережень. Статті про літературу / Є. Маланюк. — К. : Дніпро, 1997. — 430 с.

References:

1. Gogol' N. V. Complete Works: in 14 vols. V. 12. Letters, 1842–1845 [Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. T. 12. Pis'ma, 1842-1845]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ, 1952. 720 p.
2. Malanjuk Є. The book of observations. The article on literature [Kniga sposterezhen'. Statti pro literaturu]. Kyiv, Dnipro Publ, 1997. 430 p.

БІБЛІОГРАФІЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (2016)

Изд.:

Мертвые души: поэма. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 348, [2] с. – (Азбука-классика).

Мертвые души: [поэма.] – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 352 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

Мертвые души: [поэма: для среднего школьного возраста.] – СПб.; Киев: Азбука, Азбука-Аттикус, Махаон-Украина, 2016. – 349, [2] с. – (Азбука-классика; Школьная библиотека).

Мертвые души: поэма [ил. А. А. Агина и др.]. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2016. – 445 с.: ил. – (Сокровища русской литературы).

Мертвые души: поэма. – М.: Мартин, 2016. 286, [1] с. – (Избранная классика; Pocket book).

Мертвые души: поэма. – М.: МАРТИН, 2016. – 317, [2] с. – (Избранная культовая классика: ИКК).

[Повести.] Мертвые души. – М.: Изд-во «Э», 2016. – 708 с. – (Сер. 100 главных книг).

Из содерж.:

Розанов В. В. Гоголь. – С. 7–13.

[Статья 1902 г.]

Нос: [повесть.] – М.: Э, 2016. – 61, [1] с. – (Minibook).

Ночь перед Рождеством: [для среднего школьного возраста] / Худож. Ирина Петелина]. – М.: Дельфин, 2016. – 70, [5] с.: цв. ил.

Петербургские повести: [для среднего школьного возраста.] – СПб. [и др.]: Азбука [и др.], 2016. – 380, [2] с. – (Азбука-классика; Школьная библиотека).

Содерж.:

Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Записки сумасшедшего; Коляска; Рим (отрывок).

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья В. А. Воропаева; коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева; худож. В. Бритвин. – М.: Детская литература, 2016. – 125 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор». – С. 5–20.

Коммент. – С. 120–126.

Ревизор: комедии [коммент. А. Д. Степанова]. – СПб.: Азбука Азбука-Аттикус, 2016. – 317, [2] с. – (Азбука-классика).

Содерж.: Ревизор; Женитьба; Игроки; Утро делового человека; Тяжба; Лакейская; Отрывок; Театральный разъезд после представления новой комедии.

Коммент. – С. 298–318.

Рождественские традиции: рассказы, очерки, воспоминания [Худож. Анна Кольцова]. – М.: Никея, 2016. – 230, [1] с.: ил. – (Сер. «Рождественский подарок»).

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья В. Воропаева; коммент. И. Виноградова; худож. Е. А. Кибрик. – М.: Детская литература, 2016. – 190 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской. – С. 5–12.

Коммент. – С. 167–188.

Тарас Бульба: [сборник.] – М.: АСТ, 2016. – 317, [2] с. – (Эксклюзив. Русская классика).

Содерж.: Миргород.

Лит.:

Абрамович С. Д. Двоемирие Гоголя : монография / Семен Дмитриевич Абрамович. — Каменец-Подольский : Изд-во Каменец-Подольского нац. ун-та им. И. Огиенко, 2014. — 120 с.

Акимова М. С. Н. В. Гоголь: между усадьбой и городом // Гений места. Человек. Усадьба. Литература: Материалы научной конференции (Ярославль, 30 июня – 1 июля 2016 г.) / Департамент культуры Ярославской области; Гос. литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха». – Ярославль, 2016. – С. 5–11.

Акулова Л. В. Пространственно-временная структура художественной прозы Н. В. Гоголя // Филологические науки.

Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 2 (56). – Ч. 2. – С. 17–20.

Алексеева А. И. Как влюблялись, творили и шалили наши классики. – М.: Вече, 2016. – 288 с.: ил. – (Странности великих людей).

Горел камин, трещали свечи... (Николай Васильевич Гоголь, 1809–1852). – С. 43–64.

Ананьина К. А. Внедрение ФГОС ООО нового поколения при изучении творчества Н. В. Гоголя в 5 классе средней школы // Теоретические и методические аспекты изучения художественного текста: традиции и инновации: Материалы межрегиональной заочной научно-практической конференции (Елец, 10 ноября 2016 г.) / Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Елец, 2016. – С. 63–68.

Анашкевич М. Летописец живого отечества. Памяти Петра Паламарчука // Литературные знакомства. – М., 2016. – № 1 (24). – С. 229–231.

[В частности, о книге ««Ключ» к Гоголю» П. Г. Паламарчука.]

Антонова Д. И. Проблема адекватности в переводе отрывка из произведения Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Язык: категории, функции, речевое действие: Материалы девятой научной конференции с международным участием (Москва, 14–15 апреля 2016 г. / Московский пед. гос. ун-т; Гос. социально-гуманитарный ун-т. В 3 ч. – Вып. 9. – Ч. 2. – М., 2016. – С. 16–18.

Ахмадова Т. Х. Комическое и ужасное в произведениях фольклора и в повестях Н. В. Гоголя // 5 ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского гос. ун-та. Гуманитарные науки (Грозный, 25 февраля 2016 г.) / Отв. ред. Р. А. Кутуев. Грозный, 2016. – С. 108–113.

[На примере раннего творчества писателя.]

Багратион-Мухранели И. Л. Пути христианской праведности в повестях «Старосветские помещики Н. В. Гоголя и «Человек ли он?» И. Чавчавадзе // «Пир – это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре. – М.: ББИ

[Библейско-богословский институт св. апостола Андрея], 2016. – С. 158–169.

Балдина Е. В. О поэтике произведений Н. В. Гоголя на уроках РКИ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – СПб.: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2016. – № 5. – С. 769–771.

[Некоторые особенности работы над произведениями Гоголя в иностранной аудитории.]

Баль В. Ю. Гоголевский текст в творчестве М. Шишкина // Сибирский филологический журнал / Институт филологии Сибирского отделения РАН [и др.]. – Новосибирск, 2016. – № 4. – С. 109–121.

[Рецептивная модель гоголевского текста в произведениях М. П. Шишкина (рассказ «Урок каллиграфии», романы «Венерин волос» и «Письмовник»)].

Бархота М. А. Решение проблемы поиска справедливости: от Гоголя до Мейринка // Гуманитарное образование в экономическом вузе: Материалы IV международной научно-практической заочной интернет-конференции (Москва, 1 октября – 10 ноября 2015 г.) / Российский экономический ун-т им. Г. В. Плеханова. – М., 2016. – С. 464–469.

[На материале произведений Гоголя («Повесть о капитане Копейкине»), Ф. Кафки («У врат закона») и Г. Мейринка.]

Башкеева В. В., Гармаева С. С. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в трудах российских литературоведов XX в. // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. – Улан-Удэ, 2016. – № 2. – С. 74–79.

[Рассмотрены, в частности, работы А. Белого, Ю. В. Манна, С. Г. Бочарова.]

Беляков С. С. Тень Мазепы: Украинская нация в эпоху Гоголя. – М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 768 с.

Ч. XIII. Нация и Гоголь. – С. 575–669.

[Указ. имен.]

Бернаций А. Тайная жизнь гениев. – М.: Вече, 2016. – 416 с.: ил. – (Странности великих людей).

Гл. 8: Фобии и страхи великих людей.

[В частности, о Гоголе.]

Бобякова И. В. Пушкин, Гоголь и Шевченко: особенности осмысления личности и творчества в украинских учебниках // Украинский кризис: вызовы и угрозы национальным интересам Российской Федерации: Материалы круглого стола (Ростов-на-Дону, 11 мая 2016 г.) / Южный научный центр РАН; отв. ред. академик Г. Г. Матишов. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 254–267.

Богданова О. В. «Мне отмщение и Аз воздам...»: повесть Н. В. Гоголя «Шинель» / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2016. – 39 с. – (Литературные направления и течения: анализ литературного произведения; Вып. 78).

Богданова О. В. Свадебный мотив в повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Современные проблемы гуманитарных наук в мире: сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Казань, 11 июня 2016 г.). – Вып. 3. – Казань, 2016. – С. 23–25.

Болотникова О. Н. Дом, дверь и окно в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя и восточнославянская семиотика жилища // Имагология и компаративистика / Томский гос. ун-т. – Томск, 2016. – № 1 (5). – С. 153–176.

[Гоголевская мифопоэтика дома в контексте восточнославянской обрядовой культуры.]

Болотникова О. Н. Семантика и функции двери и окна в художественном мире Н. В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Национальный исследовательский Томский гос. ун-т. Томск, 2016. – 22 с.

Большакова Н. В. Гоголь и среда пребывания. – М.: Издательский дом «Сказочная дорога», 2016. – 232 с.

Большакова Н. В. Портновское искусство в русской литературе конца XVIII–XIX веков. Тексты: поэзия, проза. – М.: Издательский дом «Сказочная дорога», 2016. – 560 с.

Гоголь Николай Васильевич. – С. 522–524.

Булатая Е. В. Ирония в произведениях Н. В. Гоголя как способ отражения русской языковой культуры (на материале повести «Старосветские помещики») // Филологический аспект:

международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород, 2016. – № 10. – С. 23–26.

Булатая Е. В. Ирония как способ выражения имплицитного смысла в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Гоголя) // Общество, познание и современность: научные исследования: сб. научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука» (Нижний Новгород, 30 ноября 2016 г.). – Нижний Новгород, 2016. – С. 42–48.

[Основные механизмы актуализации иронического смысла в произведениях Гоголя.]

Булатая Е. В. Ирония как способ выражения неявной оценки в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Мир русского слова. – СПб.: Изд-во Общество преподавателей русского языка и литературы, 2016. – № 4. – С. 66–71.

Булатая Е. В. Способы выражения неявной оценки персонажей в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводе на немецкий язык // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. – Калининград, 2016. – № 1. – С. 37–42.

Булатая Е. В. Средства актуализации иронии в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводе на немецкий язык // Общественные науки. – М., 2016. – № 2. – Ч. 1. – С. 25–35.

Бурцева Е. А., Шагалина О. Б. Лексико-стилистические особенности повести «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – М., 2016. – № 8 (47). – С. 66–69.

Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности / Предисл. А. Синявского. – М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. – 352 с.

Из содерж.:

Русский Бог. Гоголь.

Бремя маленького человека. Гоголь.

Васькин А. А. Лермонтов, Гоголь, Погодин // Аспирант и соискатель. – М., 2016. – № 1 (91). – С. 8–15.

Вертоград старчества. Оптинский патерик на фоне истории обители / Авт.-сост. монах Лазарь (Афанасьев). – М.: Изд-во Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2016. – 704 с.

Гл. 13: Издательское дело. Создание библиотеки. Русские писатели в Оптиной: Жуковский, Снегирёв, Гоголь, Муравьёв, Шевырёв. – С. 183–200.

О Гоголе: С. 195–197.

Виноградов И. А. «Величественная ода»: Гоголь о стихотворении Пушкина «К Н***» // Проблемы исторической поэтики / М-во образования и науки РФ, Петрозаводский гос. ун-т; [редкол.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. – Вып. 14: Анализ, интерпретации, понимание. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. – С. 140–154.

Виноградов И. А. «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII – первой трети XIX в. / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; отв. ред. М. И. Щербакова. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – С. 141–183.

Виноградов И. А. Отеческое попечение: император Николай I в судьбе Гоголя // *Studia Litterarum*: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. – № 1–2. – С. 269–277.

Виноградов И. А. Смысл игры в комедии Н. В. Гоголя «Игроки» // Вестник славянских культур. – М., 2016. – № 2 (40). – С. 154–162.

Виноградов И. А. Почитание преподобного Серафима Саровского в ближайшем окружении Н. В. Гоголя: Москва и Оптина пустынь // Оптинский альманах «Добродетель ангелов». – Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2016. – С. 86–93.

Волконский С. М. Очерки русской истории и русской литературы: Публичные лекции, читанные в Америке. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 360 с.

[Указ. имен.]

Волоконская Т. А. Категории времени и вечности в поэтике «Арабесок» Н. В. Гоголя // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых: В 3 ч. / Совет молодых учёных

Института филологии и журналистики; Саратовский гос. ун-т; отв. редактор Г. М. Алтынбаева. – Саратов, 2016. – С. 21–29.

[Материалы всероссийской конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященной 100-летию проф. Л. И. Баранниковой (Саратов, 22–24 апреля 2015 г.).]

Волосков И. В. Православная символика в художественном мире Н. В. Гоголя // Новшества в области гуманитарных наук: сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Тюмень, 25 декабря 2016 г.). – Нижний Новгород, 2016. – С. 15–17.

Воропаев В. А. «Благодать видимо там присутствует»: Оптина Пустынь в судьбе Н. В. Гоголя // Вестник славянских культур. – М., 2016. – Т. 41. – № 3. – С. 125–138.

Воропаев В. А. Был ли Гоголь в Испании: современный взгляд // Universum Humanitarium: Научный журнал / Новосибирский гос. ун-т. – Новосибирск, 2016. – № 1 (2). – С. 96–107.

Воропаев В. Гоголь и Белинский / Подгот. Виталий Каплан; рис. Екатерины Ватель // Фома. – М., 2016. – № 8 (160). Август. – С. 72–79.

Воропаев В. «Доминантой должна быть единая святыня – язык Пушкина...» Из книги «Однажды Гоголь...» Рассказы из жизни писателя // Духовно-нравственное воспитание: научно-просветительский журнал. – М., 2016. – № 1. – С. 81 [обложка].

[О Тарасе Шевченко; Русская душа; Мощи святого Спиридона Тримифунтского.]

Воропаев В. А. Духовник Гоголя. К 225-летию со дня рождения протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857) // Даниловский благовестник. – М.: Изд-во Данилова мужского монастыря, 2016. – № 31. – С. 21–32.

Воропаев В. А. Жизнь и смерть протоиерея Матфея Константиновского // Православный собеседник: журнал Татарстанской митрополии. – Казань, 2016. – № 3 (03). – Ноябрь. – С. 94–101.

[К 225-летию со дня рождения протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857), духовника Гоголя.]

Воропаев В. А. Каждого из нас звание свято. Гоголь и Император Николай I. К 160-летию со дня смерти Государя Николая Павловича // Преподаватель XXI век. – М., 2016. – № 3. – Ч. 2. – С. 399–411.

Воропаев В. Как нужно любить Россию? // Путеводная звезда. Школьное чтение: гуманитарный образовательный журнал. – М., 2016. – № 1 (238). – С. 38–40.

[Гоголь о патриотизме.]

Воропаев В. Протоиерей Матфей Ржевский // Православное книжное обозрение. – М., 2016. – № 10 (064). Октябрь. – С. 38–43.

[К 225-летию со дня рождения.]

Воропаев В. А. Ради Самого Христа, молитесь обо мне... Оптинский адресат Н. В. Гоголя // Даниловский благовестник. – М.: Изд-во Данилова мужского монастыря, 2016. – № 30. – С. 31–37.

Воропаев В. А. Ржевский протоиерей Матфей как проповедник // Православный собеседник: журнал Татарстанской митрополии. Казань, 2016. – № 1 (01). – Май. – С. 52–55.

[К 225-летию со дня рождения протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857), духовника Гоголя.]

Воропаев В. Рубцов и Гоголь // Православное книжное обозрение. – М., 2016. – Январь. – № (056). – С. 44–45.

[К 80-летию со дня рождения Н. М. Рубцова.]

Воропаев В. Русский Афон в судьбе Гоголя // Православное книжное обозрение. – М., 2016. – Март. – № 3 (058). – С. 44–51.

Воропаев В. Русский Веймар // Православный Паломник. Журнал-путеводитель. – М., 2016. – № 5. – Май. – С. 78–83.

[Гоголь в Веймаре.]

Воропаев В. А. Русский Веймар // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. научных и научно-методических статей / Редкол. Л. П. Клобукова и др. – Вып. 12. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 117–124.

Воропаев В. Святая Гора Афон и Гоголь // Церковная православная газета. Официальное издание Русской

Православной Церкви. – Киев, 2016. Март. – № 6 (400). – С. 10–11.

<Воропаев В. А.> Владимир Воропаев: «Спор Гоголя с Белинским все еще не окончен»: [интервью с литературоведом В. А. Воропаевым / Беседовала Татьяна Медведева] // Культура. – М., 2016. – 22 декабря.

Воропаев В. А. «Умереть с пенем на устах...» Молитва Гоголя ко Пресвятой Богородице в славянском фольклоре и литературном предании // Проблемы исторической поэтики / Министерство образования и науки РФ, Петрозаводский гос. ун-т; [редкол.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. – Вып. 14: Анализ, интерпретации, понимание. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. – С. 155–171.

Воропаев В. А. Фундаментальное издание сочинений «изгнанника из изгнанников» – Ю. Н. Говорухи-Отрока // Москва: журнал русской культуры. – М., 2016. – № 2. – С. 214–216.

[Рец. на кн.: Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: В 2 т. / Под общ. ред. Е. В. Ивановой; сост., подгот. текстов, коммент., библиография и указ. имен А. П. Дмитриева; сост., подгот. текстов, преамбулы к разделам Е. В. Ивановой; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2012.]

Вранчан Е. В. Роль рекламной вывески в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Гоголя) // Интерэкспо Гео-Сибирь / Новосибирский гос. ун-т геосистем и технологий. – Новосибирск, 2016. Т. 6. – № 2. – С. 46–50.

[Рекламная вывеска как значимая предметная деталь гоголевского вещного мира.]

Высоцкая В. В. Что и кому кажется в произведениях Гоголя // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XXI международной научной конференции (Санкт-

Петербург, 6–7 июня 2016 г.) / Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – СПб., 2016. – С. 332–337.

[Употребления глагола «казаться» в произведениях Гоголя.]

Галкина Т. И. Еще раз о Гоголе и Пушкине. К 180-летию выхода «Ревизора» // *Studia Culturae* / Санкт-Петербургское философское общество. – СПб., 2016. – № 28. – С. 15–22.

«...Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3: 17): Материалы XI международного форума: Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения (Липецк; Задонск, 11–12 декабря 2015 г.) / Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского; отв. ред. Н. В. Стюфляева. Липецк, 2016. – 380 с.

Из содерж.:

Рузанова Н. П. Влияние православной духовности на русскую словесность (Н. В. Гоголь и старцы Оптиной Пустыни). – С. 178–180.

Ряполов С. В. Метафизика пространства в русской философской культуре: на примере творчества Н. В. Гоголя, архимандрита Феофана (Авсенева), Н. А. Бердяева, И. А. Ильина. – С. 217–219.

Гиленсон Б. А. Русская классика в мировом литературном процессе: XIX – начало XX века: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, Вузовский учебник, 2016. – 394 с.

Гоголевская тетрадь // *Литературная учеба: литературно-просветительский журнал*. – М., 2016. – № 2. – Март – Апрель. – С. 75–108.

Воропаев В. «Благодать видимо там присутствует»: Гоголь и Оптина Пустынь. – С. 76–92.

Ничипоров И. Б. А. Белый о гоголевской традиции в русской литературе XIX–XX вв. – С. 93–100.

Филимошкина Н. Провинциал. – С. 101–104.

Киселёв А. С. Л. Франк о религиозном сознании Гоголя. – С. 105–108.

<Гоголь Н. В.> Н. В. Гоголь и Православие: сб. статей о творчестве Н. В. Гоголя / Международный общественный Фонд единства православных народов; сост. В. А. Алексеев. 2-е изд.,

испр. и дополн. – М.: Издательский дом «К единству!», 2016. – 510 с. – (Русские писатели и Православие).

Содерж.:

Алексеев В. Ко Христу взыскующее сердце (Вместо предисловия). – С. 3–12.

Воропаев В. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. – С. 13–118.

Виноградов И. Узы небесного братства. Повесть Гоголя «Тарас Бульба» и ее судьба. – С. 119–208.

Вениамин (Федченков), митрополит. Взгляд Н. В. Гоголя на литературное творчество / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. – С. 209–211.

Зеньковский Василий, протопресвитер. Памяти Н. В. Гоголя. К 150-летию со дня рождения / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. – С. 212–215.

Феодор (Бухарев), архимандрит. О героях поэмы «Мертвые души» / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. – С. 216–242.

Серединский Тарасий, протоиерей. Мысли при чтении сочинения: «Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя 1847 года / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. – С. 243–251.

Томачинский В. Путеводитель к Светлому Воскресению. Н. В. Гоголь и его «Выбранные места из переписки с друзьями». – С. 252–288.

Споров Б. Гоголь – новое прочтение. Заметки на полях книг. – С. 289–344.

Булгаков Николай, иерей. Н. В. Гоголь – про нас. – С. 345–352.

Есаулов И. Пасхальность в поэтике Гоголя. – С. 353–366.

Гуминский В. Гоголь и четыре урока «Миргорода». – С. 367–376.

Лепяхин В. Икона, религиозная и светская живопись в творчестве Н. В. Гоголя. – С. 377–418.

Дунаев М. Николай Васильевич Гоголь. Из книги «Православие и русская литература». – С. 419–432.

Георгиевский Г. Оптинские письма Гоголя / Подгот. текста В. Воропаева, [О. Щербаковой], [примеч.] В. Воропаева. – С. 433–452.

Малиновский Д. О том, как надо разуть смешное в произведениях Гоголя / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. – С. 453–506.

Голдовская Н. Д. О верных друзьях и вере. Живые портреты классиков. – М.: Никая, 2016. – 240 с.: ил.

Из содерж.:

Гоголь хотел познакомиться с Пушкиным. – С. 36–46.

Храни Бог всякого от битвы с друзьями. – С. 47–55.

[О книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».]

Гольденберг А. Х. Ночной гость. Мифопоэтический комментарий к поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Литература в школе. – М., 2016. – № 8. – С. 5–9.

Гончаров С. А. Мистика и мистификация Гоголя // Творчество и субъективность: труды научно-образовательного центра «Философия современности и стратегии гуманитарной экспертизы». Сер. «ἄγоруά». – Вып. 1 / Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена; отв. ред. А. А. Грякалов. – СПб., 2016. – С. 86–96.

Горбацкая О. Ю. Мотив женитьбы в повестях Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. технического ун-та. – Комсомольск-на-Амуре, 2016. – Т. 2. – № 4 (28). – С. 32–37.

Горбацкая О. Ю. Мотив женитьбы в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Амурский научный вестник / Амурский гуманитарно-педагогический гос. ун-т. – Комсомольск-на-Амуре, 2016. – № 3. – С. 23–28.

Гордеев В. А. Осень. Рыжики. Гоголь. – М.: Изд-во Российского союза писателей, 2016. – 112, [2] с. – (Лауреаты премии «Народный писатель»).

Грекова Е. В. Визиты Чичикова к помещикам, или путешествие в страну автоматов // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб.

научных трудов / Под ред. Е. Г. Милюгиной. – Тверь: Тверской гос ун-т, 2016. – С. 27–40.

[Образы помещиков первого тома «Мертвых душ» Гоголя в их отношении к разным типам игрушек XIX в. Понятие кукольности в ряду таких понятий, как омертвление, бездушие и т. п.]

Грико К. В. Представления о категориях «имени» и «лица» в православии в художественном мире повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Научные исследования и разработки молодых ученых: Материалы международной (заочной) научно-практической конференции 29 февраля 2016 г.: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. А. И. Вострецова. – Нефтекамск: РИО НИЦ «Мир науки», 2016. – С. 50–56.

Грико К.В. Трансформация художественного пространства в повестях Н.В. Гоголя // Научные перспективы XXI века: Материалы международной (заочной) научно-практической конференции: В 2 т. / Под общ. ред. А.И. Вострецова. – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2016. – С. 69–78.

Гуминский В. М. «... И я был в Иерусалиме» (Гоголь на Святой Земле) // Православный палестинский сборник. – Вып. 112. – М.: Индрик, 2016. – С. 41–88.

Гуревич П. С. Романтическая организация духа (рецензии на книги Н. Котляревского «Михаил Юрьевич Лермонтов» и «Николай Васильевич Гоголь») // *Litera*. – М., 2016. – № 1. – С. 45–53.

Денисов В. Д. Малороссийский исторический роман и главы исторической повести Н. В. Гоголя // *Культура и текст / Алтайский гос. пед. ун-т.* – Барнаул, 2016. – № 2 (25). – С. 80–100.

Денисов В. Д. О малороссийском историческом романе Н. В. Гоголя // *Культура и текст / Алтайский гос. пед. ун-т.* – Барнаул, 2016. № 1 (24). – С. 30–49.

[Замысел малороссийского исторического романа «Гетьман» (начало 1830-х гг.).]

Деревяшкина А. П. Художественная реализация архетипического образа воды в повести Н. В. Гоголя «Страшная

мечь» // Культура и цивилизация. – М., 2016. – № 1. – С. 243–254.

Джафарова К. К. Провинция и провинциалы в произведениях Гоголя 30-х годов // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. – Махачкала: Изд-во Дагестанского гос. ун-та, 2016. – № 3. – С. 87–93.

Джулиани Р. Гоголь – Гете – Рим, или треугольник с арабесками // Имагология и компаративистика / Томский гос. ун-т. – Томск, 2016. – № 1 (5). – С. 82–102.

[Сопоставительный анализ пребывания Гете и Гоголя в Риме в 1780-е и 1830-е гг.]

Джулиани Р. Прогулки по Риму Гоголя и Жуковского. Из книги «Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай» (М.: Новое литературное обозрение, 2009) // Литература в школе. – М., 2016. – № 5. – С. 10–12.

Дмитриева Е. Гоголь: претворение эмблемы // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре: коллективная монография / Под ред. А.Е. Махова. – М.: Intrada, 2016. – С. 184–216.

Дмитриева Е. Е. Эпизод рецепции Мольера в России (Гоголь – переводчик фарса «Сганарель, или Воображаемый рогоносец») // Русская литература. – СПб., 2016. – № 4. – С. 63–69.

Дмитриева Е. Е. Сибирь, земля обетованная: От «Мертвых душ» Н. Гоголя к «Возвращению в Египет» В. Шарова (европейский и библейский контексты) // Сибирско-французский диалог и литературное освоение Сибири XVII–XX веков: Материалы международного научного семинара. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – С. 49–61.

Долгушин Д. В. В каком переводе цитирует Библию Гоголь? // Universum Humanitarium: Научный журнал / Новосибирский гос. ун-т. – Новосибирск, 2016. – № 1 (2). – С. 142–149.

Дорош А. А. Образ человека экономического в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Современные тенденции развития науки и технологий / По материалам XII международной научно-практической конференции «Современные тенденции

развития науки и технологий» (Белгород, 31 марта 2016 г.). – Белгород, 2016. – № 3–9. – С. 52–55.

[Экономическая интерпретация произведения сквозь призму концепций классической политической экономии. Покупка мертвых душ рассматривается как сделка со специфическим активом, отражающим характер экономических агентов и их склонность к риску.]

Евдокимов А. А. Шекспир в творчестве позднего Гоголя // Знание. Понимание. Умение. – М., 2016. – № 1. – С. 286–296.

Егорова С. О. Миф и история в эсхатологии гоголевского «Вия» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 3. – С. 26–35.

Егорова С. О. О двойном значении эсхатологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. – Волгоград, 2016. – № 8 (112). – С. 180–186.

Егорова С. О. «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: мир после конца // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. Русская филология. – М., 2016. № 5. – С. 225–232.

[Эсхатологический аспект повести Гоголя.]

Еремина В. И. Художественный мир народной поэзии. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. – 628 с.

Н. В. Гоголь. – С. 445–504.

Жаворонкова М. Ю. Брачный мотив в драматургии Н. В. Гоголя // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – Кемерово, 2016. – № 1 (65). – С. 171–175.

[На материале комедий «Женитьба» и «Ревизор».]

Жидкова Н. Д. Продуктивное (смысловое чтение) повести «Шинель» Н. В. Гоголя на уроках литературы // Педагогическое образование в современных условиях: Материалы IV всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Куйбышев, 3 декабря 2015 г.) / Министерство образования и науки РФ; Новосибирский гос. пед. ун-т, Куйбышевский филиал. – Новосибирск, 2016. – С. 249–255.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Редкол.: И. А. Айзикова, Э. М. Жилиякова, В. С. Киселев, О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич (гл. ред.). Т. 11 (первый полутом): Проза 1810–1840-х годов / Ред. А. С. Янушкевич. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 1048 с.

О смерти. Из письма к Н. В. Гоголю. – С. 371–372.

Примеч. Д. Долгушина. – С. 802–804.

[Впервые: Москвитянин. 1853. – № 2. – С. 93–94 (не полностью); Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5 изд., испр. и умноженное. Т. 10–13. – СПб., 1857. Т. 11. – С. 123–127.]

О молитве. Письмо к Н. В. Гоголю. – С. 373–379.

Примеч. Д. Долгушина. – С. 804–809.

[Впервые: Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5 изд., испр. и умноженное. Т. 10–13. – СПб., 1857. Т. 11. – С. 127–146 – под общим названием Письма к Н. В. Гоголю.]

[Указ. имен.]

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Редкол.: И. А. Айзикова, Д. В. Долгушин, Э. М. Жилиякова, В. С. Киселев, О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич (гл. ред.). Т. 11 (второй полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В. А. Жуковского / Сост., вступ. статья, примеч. Д. В. Долгушина; подгот. текста Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой, Д. В. Долгушина; ред. Д. В. Долгушин, А. С. Янушкевич. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 664 с.: ил.

[Указ. имен.]

Завгородний А. М. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» во французской критической рецепции 1840–1880-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 8 (62). – Ч. 1. – С. 26–34.

Завгородний А. М. Французская рецепция поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в эпоху франко-русского союза: конец XIX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 9 (63). – Ч. 3. – С. 21–27.

Завьялова Е. Е. Черты гоголевской поэтики в повести Ф. Н. Горенштейна «Маленький фруктовый садик» // Слово. Словесность. Словесник: Материалы межрегиональной научно-

практической конференции преподавателей и студентов / Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина; отв. ред. А. А. Решетова, Т. В. Федосеева. – Рязань, 2016. – С. 29–33.

Захаров К. М. Аделаида Ивановна Кругель // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2016. Т. 16. – № 1. – С. 60–62.

Захаров К. М. Религия Сквозника-Дмухановского // Научное обозрение: Гуманитарные исследования. – М.: Издательский дом «Наука образования», 2016. – № 7. – С. 114–118.

[Интерпретации образа Городничего и его отношения к религии в комедии Гоголя «Ревизор».]

Захаров К. М. «Хлестаковствующий герой» на страницах русской комедии // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2016. Т. 16. – № 3. – С. 272–274.

Зинина М. В. Образ Англии в творческом сознании Н. В. Гоголя // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. – Волгоград, 2016. – № 8 (112). – С. 173–179.

Зинина Т. Е. Урок литературы по теме: «Городничий и Хлестаков в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». «Миражная интрига» в комедии» // Эксперимент и инновации в школе. – М., 2016. – № 3. – С. 34–39.

Золотарев И. Л. Гротескный реализм в «Ревизоре» Н. В. Гоголя // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 1. – С. 43–50.

Зырянова О. Н., Бахор Т. А., Мазурова Н. А. Рецепция Н. В. Гоголя в драматургии Н. Коляды // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. научных статей / Сибирский федеральный ун-т. – Красноярск, 2016. Т. 7. – № 7. – С. 78–82.

[Особенности рецепции поэмы Гоголя «Мертвые души» в драматургии Н. Коляды: пьесы «Коробочка» и «Мертвые души» как типологические разновидности римейка-фантазии.]

Иванова Е. С. Гоголевское «слово» в творчестве М. А. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тамбовский гос. технический ун-т. – Тамбов, 2016. – 22 с.

Иванова Е. С. Специфика гоголевского присутствия в тексте очерка «Киев-город» М. А. Булгакова // Итоги и перспективы научных исследований. – Вып. 3: сб. научных трудов. – Краснодар, 2016. – С. 16–25.

Иванова Е. С., Алхуссейни Сами. Мотив безумия «гоголевского типа» в рассказе «Красная корона» М. А. Булгакова // Сборник материалов IV международной научно-практической конференции «Проблемы современной филологии». – Тамбов, 2016. – С. 67–73.

Иванова Л. П. Арабский мир глазами Н. В. Гоголя (лингвоимагологический аспект) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – М., 2016. – № 6. – С. 33–43.

[На материале статей Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» и «Ал-Мамун».]

Игнатова А. Литературные параллели: Ю. Олеша («Зависть») и Н. В. Гоголь («Петербургские повести») // Проблемы неклассической прозы: сб. статей / Отв. ред. Е. Б. Скороспелова. – М.: Изд-во Макс Пресс, 2016. – С. 186–204.

Илюшина Л. А., Кимягарова Р. С., Баш Л. М. Словарь языка комедии Гоголя «Ревизор» / Ред. Т. Л. Беркович. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 808 с.

Предисл. – С. 3–17.

[Справочное издание.]

История русской литературы второй трети XIX века: В 2 ч. – Ч. 1: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой, В. Б. Катаева. 3-е изд., доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 234 с. – (Сер. Бакалавр. Академический курс.)

[Указ. имен.]

История русской литературы второй трети XIX века: В 2 ч. – Ч. 2: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой, В. Б.

Катаева. 3-е изд., доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 234 с. – (Сер. Бакалавр. Академический курс.)

[Указ. имен.]

История русской литературы XIX века: В 3 т. Т. 1: Литература 1800–1840-х годов; Учебник для академического бакалавриата / Н. М. Фортунатов, М. Г. Уртминцева, И. С. Юхнова; под ред. Н. М. Фортунатова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 202 с. – (Сер. Бакалавр. Академический курс).

Гл. 8: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). – С. 176–199.

Калганова Т. А. Н. В. Гоголь в диалоге культур мира // Литература в школе. – М., 2016. – № 5. – С. 7–9.

[Итоги деятельности Культурной ассоциации «Премия имени Н. В. Гоголя в Италии».]

Камышина В. А. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» на уроках литературы в 9 классе в контексте православной культуры XIX века // Православие и русская литература: сб. научных статей / Материалы V всероссийской научно-практической конференции «Православие и русская литература: вузовский и школьный аспект изучения» (Арзамас, 25–27 мая 2016 г.) / Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал. – Арзамас, 2016. – С. 344–350.

Кан Е. В. Изобразительно-выразительные средства, формирующие художественный текст повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологический аспект. – Нижний Новгород, 2016. – № 7. – С. 46–52.

Кан Е. В., Шумейко Ю. А. Лексические особенности разговорной речи в тексте повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологический аспект. – Нижний Новгород, 2016. – № 7. – С. 55–59.

Кан Е. В., Шумейко Ю. А. Основные лексико-тематические группы повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологический аспект. – Нижний Новгород, 2016. – № 7. – С. 52–55.

Кара-Мурза А. А. Знаменитые русские в Неаполе. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2016. – 576 с.

Николай Васильевич Гоголь. – С. 91–105.

Карасик О. Б. Мотив превращения у Николая Гоголя и Филипа Рота: от реализма к постмодернизму // Филология и культура / Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. – Казань, 2016. – № 1 (43). – С. 218–222.

[Повесть Гоголя «Нос» и роман современного американского писателя Ф. Рота «Грудь».]

Карпов А. А. М. С. Скуридин в его отношениях с В. А. Жуковским и Н. В. Гоголем: неизвестные воспоминания и письма // XLV международная филологическая научная конференция (Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.): Тезисы докладов / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2016. – С. 84.

Карташов В. С. Доктор Н. Ф. Арендт, врач из окружения Н. В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2016. – № 3 (88). – С. 63–64.

Карташов В. С. Н. В. Гоголь и И. В. Гете в саду аптекаря П. Зальцведела во Франкфурте-на-Майне // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2016. – № 3 (88). – С. 65–66.

Карташов В. С. Растения в выписке из книги П. С. Палласа о Даурском крае Н. В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2016. – № 3 (88). – С. 67–68.

Карташов В. С., Карташов А. В. Доктор Иоган Фибинг, гимназический врач Николая Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. М., 2016. – № 1 (86). – С. 59–60.

Карташов В. С., Карташов А. В. Доктор М. Я. Трохимовский, первый врач Н. В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2016. – № 1 (86). – С. 61–62.

Каур К. А., Агапова С. А. Передача имен собственных в произведении Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Стратегия и тактика письменного перевода: традиции и инновации: Материалы V всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием / Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева; отв. ред. И. П. Селезнева. – Красноярск, 2016. – С. 69–74.

[Анализ говорящих имен собственных и трудностей их адекватной передачи на английский язык.]

Кашапова Р. Н. «Еда» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: опыт лингвокультурологического анализа // Мир науки и инноваций. – Иваново: Изд-во ООО «Научный мир», 2016. – № 1 (3). – С. 64–69.

[Место концепта «Еда» в картине мира писателя и современных читателей.]

Кашапова Р. Н. «Еда» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: опыт лингвокультурологического анализа // Научный взгляд в будущее. – Одесса, 2016. Т. 10. – № 2 (2). – С. 64–69.

Кириллина О. М. Опыт прочтения повести Н. В. Гоголя «Шинель» в Российской государственной специализированной академии искусств // Художественное образование и наука. – М., 2016. – № 2. – С. 78–84.

[Обобщение опыта преподавания истории литературы студентам с инвалидностью по зрению и слуху на творческих факультетах РГСАИ.]

Киселева Н. А., Зубова Е. Н. Номинации человека в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Теория и практика современной науки. – Саратов, 2016. № 8 (14). – С. 186–191.

Консерватизм: pro et contra: Антология / Сост., вступ. статья, коммент. А. Я. Кожурина; ред., предисл. А. А. Сеницына. – СПб.: РХГА [Русская христианская гуманитарная академия], 2016. – 1120 с. – (Русский Путь).

Из содерж.:

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями (Письмо XIII. Карамзин). – С. 167–168.

Коммент. – С. 930–931.

<Гоголь Н.В.> Из письма Н. В. Гоголя к А. С. Пушкину. <Фрагмент.> С. 183.

Коммент. – С. 935.

[Указ. имен.]

<Константиновский Матфей, протоиерей> Пасхальные проповеди протоиерея Матфея Константиновского [Публ. В. А. Воропаева] // Православный собеседник: журнал Татарстанской митрополии. – Казань, 2016. – № 1 (01). – Май. – С. 56–59.

<Константиновский Матфей, протоиерей> Слово протоиерея Матфея Константиновского на Преображение Господне / Публ. В. А. Воропаева // Православный собеседник: журнал Татарстанской митрополии. – Казань, 2016. – № 2 (02). – Август. – С. 44–45.

Кравцова Н. С. Авторское лукавство в «Развязке «Ревизора»» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 63–65.

Кривонос В. Ш. [Рецензия] // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 2016. – Т. 75. – № 2. – С. 66–67.

[Рец. на кн.: Видугирите И. Географическое изображение. Гоголь. Vilnius: Vilnius Universitetas, 2015. – 296 с.: ил.]

Кривонос В. Ш. Фантастика и гротескная реальность у Гоголя // Третьи Лемовские чтения: сб. материалов всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лемма (Самара, 24–26 марта 2016 г.) / Самарский национальный исследовательский ун-т им. академика С. П. Королева. – Самара, 2016. – С. 145–161.

[На материале повести «Записки сумасшедшего».]

Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской (1853–1856) / ИРЛИ РАН; изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. – СПб.: ООО «Изд-во Росток», 2016. – 464 с.: ил. – (Сер. Крым в истории, культуре и экономике России).

[Указ. имен.]

Кряжева В. Е., Карзаева Н. Н. Мошенничество в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» (Часть I) // Проблемы анализа, экономической безопасности и аудита в современной России: Материалы международной научно-практической конференции студентов и преподавателей (Москва, 27–30 октября 2015 г.) / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Российский гос. аграрный ун-т – МСХА [Московская сельскохозяйственная академия] им. К. А. Тимирязева, кафедра экономического анализа и аудита. – М., 2016. – С. 176–179.

Кряжева В. Е., Карзаева Н. Н. Мошенничество в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» (Часть II) // Проблемы анализа, экономической безопасности и аудита в современной России: Материалы международной научно-практической конференции студентов и преподавателей (Москва, 27–30 октября 2015 г.) / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Российский гос. аграрный ун-т – МСХА им. К. А. Тимирязева, кафедра экономического анализа и аудита. – М., 2016. – С. 179–181.

Кублановский Ю. М. «Ослепительные клубы облаков...» [стихотворение] // Литературная учеба: литературно-просветительский журнал. – М., 2016. – № 3. – Май – Июнь. – С. 26–27.

[О Гоголе.]

Курилов А. С. К построению новой «Истории литературы» / РАН. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Литературная Россия, 2016. – 352 с.

Лукманова Е. К. Гоголь в эстетике современного театра // Мировая литература глазами современной молодежи: сб. материалов международной студенческой научно-практической конференции (Магнитогорск, 25 ноября 2016 г.) / Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г. И. Носова. – Магнитогорск, 2016. – С. 315–320.

[Сценическая интерпретация произведений Гоголя методами и приемами постдраматического театра (на примере спектакля «Город. Женидьба. Гоголь» Юрия Бутусова).]

Лысаков П. В. Д. С. Мережковский и Федор Сологуб: гоголевский «след» в диалоге о пошлости // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. – Калининград, 2016. – № 2. – С. 27–35.

Лысаков П. В. Несбыточное желание маленького человека: «Коза» Михаила Зощенко и вопрос о гоголевской традиции // Университетский научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб., 2016. – № 21. – С. 15–21.

[Традиция петербургских повестей Гоголя, в первую очередь «Шинели», в повести М. М. Зощенко.]

Люсый А. П. С широко закрытыми глазами: опыты фиксации венского текста русской литературы // Имагология и компаративистика / Томский гос. ун-т. – Томск, 2016. – № 1 (5). – С. 64–81.

[В частности, пребывание Гоголя в Вене.]

Майданова М. Н. Структура жизненно-конкретного типа в сценической реализации образа Городничего в русском театре 1830-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 6 (68). – Ч. 1. – С. 102–109.

Макиенко К. И. Н. В. Гоголь в творческой судьбе Ивана Аксакова // Литература и История. XIX век: сб. научных трудов к 85-летию МГОУ [Московский гос. областной ун-т] и 190-летию Дома Трудолюбия (Елизаветинского училища) / Сост. В. Н. Аношкина-Касаткина, А. В. Шмелева. – М., 2016. – С. 164–168.

Максимов А. А. Мотив запретного взгляда в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Сборник материалов всероссийского (с международным участием) студенческого научно-практического семинара по проблемам лингвистики и лингводидактики / Глазовский гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко. – Глазов, 2016. – С. 45.

Малыгин П. Д. Н. В. Гоголь о Риме и Италии // Современные тенденции развития мировой, национальной и региональной индустрии гостеприимства: сб. статей участников V международной научно-практической конференции / Тверской гос. ун-т; отв. ред. А. В. Винник, О. К. Ермишкина. – Тверь, 2016. – С. 167–176.

Манн Ю. В. Гоголь: академический, полный // *Studia Litterarum*: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 1. – № 3–4. – С. 205–215.

[Об издании Полного собрания сочинений и писем Гоголя, осуществляемом Институтом мировой литературы им. А. М. Горького РАН.]

Манн Ю. В. О литературе и не только // Казанский педагогический журнал. – Казань, 2016. – № 4 (117). – С. 8–11.

Маслова Н. Н. Элементы формирования когнитивного образа в процессе интерпретативной деятельности языковой личности (кинопересказ повести Н. В. Гоголя «Шинель») // Наука как движущая антикризисная сила: инновационные преобразования, приоритетные направления и тенденции развития фундаментальных и прикладных научных исследований: сб. научных статей по итогам международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15–16 января 2016 г.) / Негосударственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургский институт проектного менеджмента». – СПб., 2016. – С. 124–126.

[Объект исследования – фильм режиссера Г. Козинцева (1926 г.) и фильм режиссера А. Баталова (1959 г.).]

Масютин В. Н. Иллюстрации к повести «Нос» Н. В. Гоголя // Литературная учеба: литературно-просветительский журнал. – М., 2016. – № 2. – Март – Апрель. – С. 109–112.

Матвеев П. А. Николай Васильевич Гоголь и его переписка с друзьями: Историко-литературный очерк. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – XXI, 152 с.

[Репринт. воспроизв.: СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1894.]

Мешков В. М. Николай Гоголь и Михаил Бахтин // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования / Национальный исследовательский Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарёва. – Саранск, 2016. – № 1 (33). – С. 24–30.

[Культурологический анализ творчества Гоголя сквозь призму идей карнавальской культуры М. М. Бахтина.]

Минералов Ю. И. История русской литературы 1800–1830-е годы: Учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 392 с. – (Сер. Бакалавр. Академический курс).

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). – С. 250–284.

Мир романтизма: Материалы юбилейной конференции: [сб. статей] / Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2016. – № 18 (42). – 255 с.

Из содерж.:

Манн Ю. В. «Записки сумасшедшего» глазами зарубежного читателя (заметки комментатора). – С. 87–91.

Дмитриева Н. Ю. Неизвестный «портрет» «Тень Гоголя», или каприз-набор И. Ф. Кербаха. – С. 92–95.

Михед П. В. «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет...» // Культура и текст / Алтайский гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2016. – № 1 (24). – С. 141–153.

[Интервью с П. В. Михедом, литературоведом, доктором филологических наук, профессором, заведующим отделом славянских литератур Института литературы им. Т. Г. Шевченко, исследователем творчества Гоголя.]

Молчанова М. Г. Смысл немой сцены в «Ревизоре» Н. В. Гоголя // Наука, образование и инновации: сб. статей международной научно-практической конференции (Томск, 25 июня 2016 г.) / Отв. ред. А. А. Сукиасян. – Уфа, 2016. – Ч. 3. – С. 126–128.

Монахова И. Р. Народная песня в жизни Н. В. Гоголя // Литература в школе. – М., 2016. – № 12. – С. 5–7.

Мундер М. К. Функции диалектной лексики в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // V Селищевские чтения: международный сб. научных трудов, посвященный 130-летию со дня рождения А. М. Селищева / Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Елец, 2016. – С. 40–44.

Набоков В. В. Лекции по русской литературе. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 384 с. – (Культурный код).

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) / Пер. Е. Гольшевой под ред. В. Гольшева. – С. 39–96.

Неклюдова Е. М., Дронова Е. А., Кузьмина А. И. Трудности интерпретации произведений Н. В. Гоголя при переводе на английский и немецкий языки // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: международный сб. научных статей. – Нижний Новгород, 2016. – Вып. 6. – С. 167–173.

Некрасова А. В. «Смирение» в произведениях Н. В. Гоголя // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. – Тверь, 2016. – № 1. – С. 314–318.

Никанорова Ю. В. Гоголевская проза в Германии в первой половине XX века: опыт критической рецепции // Филологи-

ческие науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 6–3(60). – С. 41–43.

[Ключевые моменты восприятия гоголевской прозы в Германии в 1900–1940 гг. В научный оборот вводятся ранее не известные и малоизвестные публикации немецких авторов].

Николаева С. Литературные связи повести А. П. Чехова «Степь» (древнерусские источники, Н. В. Гоголь, В. С. Соловьев) // Исследовательский журнал русского языка и литературы / Иранская ассоциация русского языка и литературы. – Тегеран, 2016. – № 1 (7). – С. 49–64.

Николай Гоголь: История за час / Авт.-сост. В. Калмыкова. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – 96 с.

Николай Гоголь (1809–1852): Завещаю вообще никому не оплакивать меня // Родина. – М., 2016. – № 8. – С. 66.

Овчинников Д. П. «Вижу милую родину»: к «малороссийскому» локусу Н. В. Гоголя // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых «Университет – новой школе»: Материалы IX международной научной конференции (Шуя, 2–3 июня 2016 г.) / Шуйский филиал Ивановского гос. ун-та; отв. ред. А. А. Червова. Шуя, 2016. – С. 224–225.

Овчинников Д. П. «Где выход, где дорога?»: Сверхтекстуальный культурный потенциал творчества Н. В. Гоголя // Научный поиск. – Шуя, 2016. – № 2. – С. 49–52.

Овчинников Д. П. Малороссия и малороссийский текст в творчестве Н. В. Гоголя (введение в тему) // Язык и культура. Новосибирск, 2016. – № 26. – С. 194–199.

Овчинников Д. П. Об одном устойчивом сочетании в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Наука XXI века: проблемы и перспективы. – Уфа, 2016. – № 1 (4). – С. 75–77.

Овчинников Д. П. Образ русского мира в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Научный поиск. – Шуя, 2016. – № 1. – С. 29–32.

Оптина Пустынь в воспоминаниях очевидцев: [сб.] – Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2016. – 392 с.: ил. – (Библиотека Оптиной Пустыни).

Из содерж.:

Богданов Д. Н. Оптиная Пустынь и паломничество в нее русских писателей. – С. 255–273.

[Гоголь в Оптиной Пустыни.]

[Впервые: Исторический Вестник. 1910. – № 10.]

Острова любви БорФеда: сб. в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Санкт-Петербургский институт истории РАН; Союз писателей Санкт-Петербурга; под ред. А. П. Дмитриева, П. С. Глушакова. – СПб.: Изд-во «Росток», 2016. – 1056 с.

Из содерж.:

Дмитриева Е. Е. Продолжение «Мертвых душ»: специфика национальной утопии. – С. 338–343.

Падерина Е. Г. О первом драматическом опыте Белинского в контексте литературного диалога с Гоголем. – С. 663–678.

Папилова Е. Образ немца в «Невском проспекте» Н. В. Гоголя // Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков: коллективная монография / Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского; отв. ред. Т. А. Шарыпина, И. К. Полуяхтова, М. К. Меньщикова. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2016. – С. 154–160.

От авангарда до соц-арта: культура советского времени: сб. статей в честь 75-летия проф. Ханса Гюнтера / Ред.-сост. Корнелия Ичин и Илья Кукуй. Белград: Изд-во Филологического факультета в Белграде, 2016. – 272 с.: ил.

Из содерж.:

Войводиц Ясмينا. Функция и семантика удвоенных форм в повестях Н. В. Гоголя «Старосветские помещики», «Страшная месть» и «Нос». – С. 7–15.

Отрошенко В. О. Гоголиана. Писатель и пространство. – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 320 с.

Гоголиана: Корпус эссе-новелл. – С. 6–106.

Гоголь и паспорт.

Гоголь и рай.

Гоголь и воздух.
Гоголь и ад.
Гоголь и призрак точки.
Гоголь и Гоголь.
Гоголь и смерть.
Гоголь и элементарные частицы.

Палиевский П. В. Развитие русской литературы XIX – начала XX века. Панорама. – СПб.: Росток, 2016. – 288 с.

Гоголь. – С. 88–99.

Приложение 4. Н. В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. – С. 218–265.

[Указ. имен.]

Педагогический институт им. В. Г. Белинского: традиции и инновации: сб. статей научной конференции, посвященной 77-летию Педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского гос. ун-та (Пенза, 20 декабря 2016 г.) / Под общ. ред. О. П. Суриной. – Пенза, 2016. – 246 с.

Из содерж.:

Луннова М. Г. Типы и функции синонимов в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». – С. 109–112.

Хохлова Е. А. Использование гомеровских сравнений при описании помещиков в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» – С. 216–219.

Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / Подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова; вступ. статья Т. Ф. Пирожковой; подгот. текстов Т. Ф. Пирожковой и О. Л. Фетисенко; примеч. Т. Ф. Пирожковой и В. Ю. Шведова. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. – 712 с.: [16] с. ил. – (Славянофильский архив. Кн. 3).

[Указ. имен.]

Петрухин В. Вий в Талмуде // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции: сб. статей [международной конференции (Москва, 2–4 декабря 2015 г.)] / Академическая серия; отв. ред. О. В. Белова. – М.: Изд-во Центр «Сэфер», 2016. – С. 22–32.

Писарева Е. У Никитских ворот поселился «Новый ревизор». Марк Розовский: «Если я с Гоголем вместе, то мне

трусить nepозволительно» // Московский комсомолец. – М., 2016. – 16 марта. – № 53. – С. 7.

[Интервью М. К. Розовского о новом спектакле по мотивам произведений Гоголя.]

Пиянзина Е. П. Мотив искушения в повести Н. В. Гоголя «Портрет» // Наука и современное общество: взаимодействие и развитие. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Ника», 2016. – № 1 (3). – С. 176–177.

Попов В. От Пушкина к Бродскому: Путеводитель по литературному Петербургу. – СПб.: «Страта», 2016. – 198 с.

Гоголь. – С. 21–24.

Попов М. Блеск глаз. Стихи // Москва: журнал русской культуры. – М., 2016. – № 6. – С. 41–47.

И Гоголь затеял комедию / Божественней, чем у Данта. – С. 43–44.

Попова Е. Б. Семантика предложений со структурной схемой – №1 Vf rger – № 6 (в повести Н. В. Гоголя «Портрет» и рассказе Ф. М. Достоевского «Кроткая») // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. – Новосибирск, 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 24–29.

Попова Н. С., Стерехова Е. В. Городской костюм на страницах произведений Н. В. Гоголя («Ревизор», «Невский проспект», «Шинель») // Культура и искусство: поиски и открытия / Кемеровский гос. ин-т культуры. – Кемерово, 2016. – С. 108–118.

Райкина М. Александр Калягин сыграет Хлестакова // Московский комсомолец. – М., 2016. – 30 августа. – № 188. – С. 7.

[Московский театр «Et Cetera» под руководством А. Калягина готовит премьеру – «Ревизор» Гоголя (режиссер Роберт Стура).]

Райкина М. Гордость, пиво, Гоголь, предубеждение. Новый театральный сезон вступает в борьбу за зрителя // Московский комсомолец. – М., 2016. 19 августа. – № 179 (267). – С. 1, 11.

[В частности, режиссер Дмитрий Крымов (Школа драматического искусства) ставит спектакль для детей «Мертвые души. История подарка». В основе историко-

литературный факт: Пушкин подарил Гоголю сюжет «Мертвых душ».]

Райкина М. За что Гоголь мстит «Школе современной пьесы»? У Райхельгауза пятый год пытаются сыграть «Шинель» // Московский комсомолец. – М., 2016. – 18 ноября. – № 255. – С. 11.

[О предстоящей премьере спектакля «Шинель / Пальто» по повести Гоголя в театре «Школа современной пьесы» (художественный руководитель И. Райхельгауз).]

Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с. – (Сер. Научная библиотека).

Гоголь и Булгарин: К истории литературных взаимоотношений. – С. 188–223.

Приложение:

Указатель публикаций Булгарина о Гоголе в газете «Северная пчела».

[Указ. имен.]

<Ремизов А. М.> Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; авт.-сост. Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. – 834, [2] с.: ил.

[Указ. имен.]

Рождественская И. Е. О формировании гоголевского толковательного канона в Польше // Буття канону: зб. наукових праць / Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України; відп. ред. П. В. Михед; упоряд. Н. М. Сквіра. Ніжин: ФОП Лук'яненко В. В.; ТПК «Орхідея», 2016. – С. 299–309.

Розанов В. В. Полное собрание сочинений в 35 томах. Т. 3. О писательстве и писателях: Статьи 1901–1907 годов / Сост. и ред. А. Н. Николюкин. – СПб.: Росток 2016. – 925 с.

Россия в русской литературе: сказка и быль: Материалы всероссийской научно-практической конференции «Филология и школа» / Департамент образования г. Москвы, Московский

городской дом учителя; сост. Л. А. Черниченко; отв. ред. Н. Г. Минько. – М., 2016. 160 с.

Из содерж.:

Троицкий В. Ю. Вечный свет русского слова. – С. 3–20.

[В частности, о Гоголе.]

Виноградов И. А. Видимое и сокровенное в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. – С. 62–68.

Рудова О. С. Проблема пошлости: взгляды Н. В. Гоголя и В. В. Набокова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – Новосибирск, 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 134–138.

[Рецепция В. В. Набоковым проблемы пошлости в контексте идей Гоголя.]

Рудяк И. И. Островский как эманация Гоголя и как предчувствие Чехова: драматургия трансцендентального раз-руба // Язык и культура. – Новосибирск, 2016. – № 25. – С. 101–108.

[Творчество А. Н. Островского на фоне русской культуры.]

Румянцева М. В. Проблема преломления языкового сознания автора при переводе метафорических сравнений (на материале произведений Н. В. Гоголя) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы VIII международной научной конференции (Челябинск, 20–22 апреля 2016 г.): В 2 т. / Министерство образования и науки Российской Федерации; Челябинский гос. ун-т; отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск, 2016. – С. 478–480.

Русская словесность: научно-методический журнал. – М., 2016. – № 2. – 80 с.

[Специальный номер, посвященный творчеству Гоголя, подготовленный совместно с кафедрой истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.]

Из содерж.:

Посохов А. «Малахитовые склоны, вишен белая фата...»: [стихотворение, посвященное Гоголю.] 2 с. обложки.

Смирновский П. Гоголь (примеры периодов). Из книги «Сборник периодов, выбранных из произведений русских писателей (1789–1880)» (СПб., 1881). – С. 3–5.

[«Если сложное предложение, при более или менее значительном объеме, отличается достаточною *полнотою* и *законченностью мысли* и вместе с тем художественностью отделки, – его называют **периодом**» (Петр Смирновский).]

Гоголь Н. В. «Одна любовь к русскому слову, которая жила во мне с младенчества...». Предисловие к «Материалам для «объяснительного словаря» русского языка». – С. 6–7.

[Печатается по IX т. Полного собр. соч. и писем Гоголя в 17 т. (М.; Киев, 2009).

Воропаев В. А. Новое в гоголеведении: источниковедческий обзор. – С. 8–11.

[О Полном собрании сочинений и писем Гоголя в 17 т. и систематическом своде мемуаров и документальных свидетельств о Гоголе в 3 т.]

Голубева Е. Истинные и ложные сокровища в повести Н. В. Гоголя «Шинель». – С. 12–16.

[Отражение евангельских слов о небесных и земных сокровищах в повести.]

Воропаев В. Лепажевское ружье. – С. 16.

[Из кн.: Воропаев В. А. Однажды Гоголь...: Рассказы из жизни писателя. – М., 2014]

Посохов А. Гоголевский Акакий Акакиевич и китайские каллиграфы. – С. 17–20.

Воропаев В. А. «Кажется, был когда-то Гоголем». – С. 20.

[Из кн.: Воропаев В. А. Однажды Гоголь...: Рассказы из жизни писателя. – М., 2014]

Панин Л. «Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века...». Методические разработки к урокам по повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» для учащихся 6–7 классов. – С. 21–27.

Андрейко Н., Елисеева Л. «Читают Гоголя и убеждаются, что да, действительно, могуч язык!..». Игра-викторина по творчеству Н. В. Гоголя. Обобщающий урок. – С. 28–32.

Улитин В. Антибытийная лексика героев Н. В. Гоголя. Диалог с учениками. – С. 33–36.

Гуминский В. Гомеровское у Гоголя. К проблеме мифологизации истории и пространства в «Мертвых душах». – С. 37–40.

Виноградов И. Святые «Вечера...». «Услаждение и назидательность» «Ночи перед Рождеством». – С. 41–48.

Брюсов В. Я. «Он сотворил свой собственный мир и своих особенных людей...». – С. 48.

[Из статьи В. Я. Брюсова «Испепеленный».]

Манянина Е. Мемориальная топонимика Н. В. Гоголя: история вопроса. – С. 49–54.

[Перечень главных мемориальных мест, связанных с именем Гоголя в России и за границей; история их изучения.]

Шаргина К. Занятия Н. В. Гоголя иностранными языками. – С. 55–61.

[В частности, описаны неизданные автографы Гоголя на иностранных языках, хранящиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской гос. библиотеки. Материалы касаются занятий писателя итальянским, латинским древнегреческим и английским языками].

Берг Н. В. «И снова забросьте тетрадь...» Гоголь о работе над художественным произведением. – С. 61.

[Из «Воспоминаний о Н. В. Гоголе» Н. В. Берга.]

Воропаев В. А. Последнее свидание: [К 225-летию со дня рождения духовника Н. В. Гоголя протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857).] С. 62–66.

Виноградова В. «Родина души». Автобиографический отрывок Гоголя «Рим». С. 67–69.

[Из кн. Виноградова В. По Римским адресам Гоголя (записки журналиста). – М.: Старая Басманная, 2014.]

Есенин С. «Это не я, а Гоголь...». – С. 69.

[Стихотворение С. А. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...», написанное под влиянием одного из лирических отступлений в «Мертвых душах» Гоголя.]

Голубева Е. «Откуда брани и свары?» Как читал Библию Н. В. Гоголь. – С. 70–72.

[Маргиналии Гоголя на принадлежавшей ему Библии, их связь с художественными произведениями писателя («Страшная месть», «Мертвые души» и др.)]

Посохов А. «Мы изучаем Гоголя – изучаем Россию, изучаем себя...». – 3 с. обложки.

Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. Т. 1: А – Г / Под ред. Т. Г. Ивановой. – СПб.: Дмитрий Буланин. 2016. – 960 с.

Гоголь Николай Васильевич. – С. 827–832.

Русское слово на Северном Кавказе: история и современность: международная научно-практическая конференция для молодых преподавателей, российских и иностранных студентов, магистрантов и аспирантов (Пятигорск, 19 октября 2016 г.) / Пятигорский гос. ун-т. – Пятигорск, 2016. – 283 с.

Из содерж.:

Акопян В. С. Проблема «маленького человека» в повестях А. С. Пушкина «Станционный смотритель» и Н. В. Гоголя «Шинель». – С. 210–212.

Голокозова Т. Ю. Саморазоблачение персонажей как один из приемов сатирической типизации в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». – С. 220–222.

Панина Н. О. Гротеск в повести Н. В. Гоголя «Нос». – С. 248–250.

Савело Е. Г. Сатирические средства характеристики помещиков в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». – С. 252–254.

Смирнова О. А. Проблематика повести Н. В. Гоголя «Портрет». – С. 255–257.

Савельева М. Ю. «Бедный, бедный черт» (петербургский контекст творчества Гоголя и Достоевского) // Мысль: журнал Петербургского философского общества. – СПб., 2016. – № 20. – С. 110–119.

Савинков С. В. Мое слово и слово без меня в творческой биографии Гоголя // Культура и текст / Алтайский гос. пед. ун-т. – Барнаул, – 2016. № 2 (25). – С. 122–131.

Савостьянов А. И. Театральные взгляды Гоголя на искусство актера // Актуальные направления научных

исследований: от теории к практике. – Чебоксары, 2016. – № 3 (9). – С. 13–20.

Саломатина М. С. Герои Гоголя // Культура общения и её формирование: межвузовский сб. научных трудов / Воронежский гос. ун-т, Центр коммуникативных исследований ВГУ; Воронежский институт развития образования; Воронежская риторическая ассоциация; Воронежская психолингвистическая ассоциация; под ред. И. А. Стернина. – Вып. 32. – Воронеж, 2016. – С. 181–182.

[Рец. на кн.: Инютин В. В. Герои Гоголя. Изд-во LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 96 с.]

Самарин Д. А. Наречия времени в творчестве Н. В. Гоголя // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – Уфа, 2016. – № 5. – Ч. 3 (82). – С. 166–169.

Самойлова Г. М. «Роман» Гоголя с Римом // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: сб. материалов 3-й международной научной конференции (Курган, 23 марта 2016 г. / Курганский гос. ун-т; отв. ред. Д. В. Портнягин. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2016. – С. 122–126.

Сапожникова Н. В. «Русский Танатос»: Н. В. Гоголь в письмах о цене жизни, смерти и бессмертия // Международный журнал исследований культуры. – СПб.: Эйдос, 2016. – № 1 (22). – С. 78–82.

Сарычева А. М. Русская литература. Курс лекций: учебное пособие. – М.: Проспект, 2016. – 192 с.

Лекция № 23. Проблематика комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». – С. 84–86.

Лекция № 24. Полемика вокруг комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Взгляды Гоголя на искусство. – С. 87–88.

Лекция № 25. Значение антитезы в образной системе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». – С. 89–91.

Лекция № 26. Чиновничество в изображении Н. В. Гоголя. – С. 92–94.

Лекция № 27. Жанровое своеобразие «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. – С. 95–96.

Лекция № 28. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». – С. 97–99.

Лекция № 29. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель»: проблематика и образ главного героя. – С. 100–104.

Лекция № 30. Образ Петербурга в повести Н. В. Гоголя «Шинель». – С. 105–108.

Севрюгина Е. В. Присоединенные компоненты как формы выражения авторской интенции в творчестве М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя // Преподаватель XXI век / Московский пед. гос. ун-т. – М., 2016. – Т. 2. – № 2. – С. 401–406.

Синцов Е. В., Синцова С. В. Гоголевская «Женитьба» как «пародийное» переосмысление мотивной структуры «Онегина» // Филология и культура / Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Казань, 2016. – № 1 (43). – С. 256–261.

Склярова О. Л. Образ «маленького человека» в повести «Шинель» // Вопросы педагогики / Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». – М., 2016. – № 12. – С. 42–45.

Скороходова С. И. Эстетические идеи Ю. Ф. Самарина и Н. В. Гоголя // Философия и культура. – М., 2016. – № 2. – С. 275–281.

Софейченко А. В. Мистические мотивы в творчестве Н. В. Гоголя // Молодость. Интеллект. Инициатива: Материалы IV международной научно-практической конференции студентов и магистрантов (Витебск, 29 апреля 2016 г.) / Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова; гл. ред. И. М. Прищепа. – Витебск, 2016. – С. 233–234.

Странно и наоборот. Русская таинственная проза первой половины XIX века / Сост, предисл., примеч. В. Т. Бабенко. – М.: Бослен, 2016. – 320 с. – (Сер. Alter et idem / Другой и тот же самый).

Загл. предисл.: «Отсутствие всяких правил, но не всякого искусства...» Предисловие с восемью заплатками. С. 8–21.

Из содерж.:

Гоголь Н. В. Кровавый бандурист (глава из неоконченного романа). С. 49–55.

[Справка о Гоголе: С. 48.]

Примеч. С. 56.

Стрельникова Ю. Е., Крисанова И. В. Значение цветковых прилагательных, функционирующих в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира / Амурский гуманитарно-педагогический гос. ун-т. – Комсомольск-на-Амуре, 2016. – № 1. – С. 126–130.

Сун Инънань Сун. Межкультурное взаимодействие через века гуманистических идей Конфуция и Гоголя // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному: сб. статей / Московский гос. областной ун-т; отв. ред. Л. С. Крючкова. – М., 2016. – С. 231–238.

Сухих И. Н. Русский литературный канон (XIX–XX вв.). – СПб.: РХГА, 2016. – 471 с.

Из содерж.:

Н. В. Гоголь. «Мертвые души» (1842). – С. 89–113.

Сухова Д. В. Тематическая классификация потенциальных агнонимов в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Материалы региональной школы молодых ученых по филологическим наукам «Филоlogos» (Елец, 26–27 мая 2016 г.) / Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Елец, 2016. – С. 137–140.

[Русские агнонимы – слова, которые мы не знаем.]

Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения: сб. научных статей по материалам международной научной конференции, Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Н. В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. – М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2016. – 320 с.: ил.

Содерж.:

Summary. Аннотированное содержание на английском языке. – С. 6–12.

Викулова В. П. Предисловие. – С. 13–16.

Гоголь и культура Западной Европы:

Гуминский В. М. Гоголевские обращения к Гомеру. – С. 18–27.

Патапенко С. Н. Античный след в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». – С. 28–33.

Гольденберг А. Х. Европейская барочная традиция в поэтике Гоголя. – С. 34–41.

Воропаев В. А. Путешествие Гоголя в Испанию и Португалию. – С. 42–49.

Анненкова Е. И. Письма Н. В. Гоголя из Германии в контексте корреспонденций русских путешественников первой половины XIX века. – С. 50–61.

Савинков С. В. *Немецкое versus русское* в мышлении Н. В. Гоголя. – С. 62–66.

Рясов Д. Л. Раннее творчество Н. В. Гоголя и произведения Людвиг Тика: некоторые параллели. – С. 67–72.

Захаров К. М. Аделаида Ивановна Кругель (немецкие мотивы в комедии Гоголя «Игроки»). – С. 73–77.

Падерина Е. Г. «Игроки» Гоголя как художественная критика принципа «хорошо сделанной пьесы» Э. Скриба. – С. 78–87.

Шульц С. А. «Мертвые души» Гоголя в контексте сюжета о Фаусте (К. Марло, И. В. Гете, Т. Манн). – С. 88–95.

Дмитриева Е. Е. «...Познакомленные с Европой посредники»: европейская цивилизация и второй том «Мертвых душ». – С. 96–104.

Сапченко Л. А. Образ Андрея Ивановича Тентетникова и традиции европейского романа воспитания. – С. 105–113.

Мацапура В. И. Творчество Н. В. Гоголя в критической рецепции П. Мериме. – С. 114–121.

Кобленкова Д. В. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в авторском переложении С. Скотта для людей с ограниченными возможностями. – С. 122–126.

Сартаков Е. В. Гоголь и Иероним Босх: к проблеме гротеска. – С. 127–135.

Робинов О. Ю. Традиции Родена в скульптурных интерпретациях образа Гоголя. – С. 136–138.

Карташов В. С. Имена европейских ученых в названиях растений из списка Н. В. Гоголя. – С. 139–142.

Италия Гоголя:

Джулиани Рита. Гоголь и Гете в Риме / Пер. с ит. О. Б. Лебедевой. – С. 144–152.

Барабаш Ю. Я. Между Миргородом и Рим-городом (Гоголь: к проблеме этнокультурного пограничья). – С. 153–168.

Мусатова Т. Л. Гоголь и римские художественные школы его времени. – С. 169–179.

Голубева Е. И. Гоголь и Рим: в поисках небесного. С. 180–185.

Ефремычева Л. А. Гоголевский речевой портрет Рима: молва и безмолвие. – С. 186–191.

Шаргина К. В. Автографы Н. В. Гоголя на итальянском языке. – С. 192–198.

Поэтика Гоголя:

Манн Ю. В. «Женитьба» Гоголя: третье измерение. – С. 200–207.

Джафарова К. К. Идиллия в творческом наследии Гоголя и Шиллера. – С. 207–215.

Бароти Тибор. Искусство и религия в творчестве Гоголя. – С. 216–225.

Виноградов И. А. Гоголь о поэзии и схоластике (к авторскому определению жанра «Мертвых душ»). – С. 226–233.

Кравченко О. А. «...К верховной вечной красоте»: духовные основы города в творчестве Гоголя. – С. 234–240.

Тулякова Е. И. Эволюция «сезонного» текста в творчестве Н. В. Гоголя 1825–1835 годов. – С. 241–245.

Плешкова О. И. Гоголь, Гофман, Тынянов: к теории пародии. – С. 246–252.

Гоголь и славянская культура:

Репонь Антон. Николай Гоголь и Ян Коллар о славянском духовном единстве. – С. 254–260.

Кшицова Дануше. Чешские переводы произведений Н. В. Гоголя. – С. 261–267.

Кривонос В. Ш. Творчество Гоголя и мифологический тип ‘человек / нечеловек’ в славянской культуре. – С. 268–274.

Есаулов И. А. Богатырская доблесть казаков и удалей ляхов: типы героики в художественном мире Гоголя. – С. 275–283.

Денисов В. Д. Славянские и европейские корни «Вия». – С. 284–291.

Мильдон В. И. Чичиков и Обломов (ещё раз на тему «Гоголь и Гончаров»). – С. 292–299.

Вайскопф М. Значительное лицо в изображении Льва Толстого, или Гоголевский след в «Войне и мире». – С. 300–304.

Розанов Ю. В. Гоголеведение Дяди Гиляя. – С. 305–312.

Требина Е. Ю., Носырева Г. А. Урок по теме «Мифологема яйца в поэме Гоголя «Мертвые души» // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики. Чебоксары, 2016. – № 3 (8). – С. 37–40.

Филаткина Н. А. «Воспоминания личные...» По страницам мемуаров дворян Арсеньевых // Московский журнал: история государства Российского. – М., 2016. Февраль. – № 2 (302). – С. 2–12.

[И. А. Арсеньев о Гоголе: С. 10.]

Филонов Е. А. «Петербургские повести» Н. В. Гоголя: к проблеме генезиса и рецепции // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2015: XVII всероссийская научная конференция (Санкт-Петербург, 17–19 апреля 2015 г.): сб. научных трудов / Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна; Высшая школа печати и медиатехнологий. СПб, 2016. С. 44–50.

Филонова Ю. Причины сожжения Н. В. Гоголем второго тома «Мертвых душ» // Русская словесность. – М., 2016. – № 6. – С. 21–29.

[Разработка сценария и проведение в 9 классе ток-шоу на тему «Причины сожжения Н. В. Гоголем второго тома «Мертвых душ»]

Фомичев С. А. Повесть «Шинель» в контексте творчества Н. В. Гоголя // Русская литература. – СПб., 2016. – № 1. – С. 57–64.

Фролова Е. А. Языковые средства создания экспрессии имен собственных в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Русский язык в школе. – М., 2016. – № 4. – С. 34–39.

Хвалин А. «Душевный портрет» с клеймами. О книге В. А. Воропаева «Однажды Гоголь...» // К единству! Журнал

Международного общественного Фонда единства православных народов. – М., 2016. – Март – Апрель. – № 2 (107). – С. 46.

[Рец. на кн.: Воропаев В. А. Однажды Гоголь...: Рассказы из жизни писателя. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. 112 с.]

Холондович Е. Н. Кризисы на жизненном пути и в творчестве Н. В. Гоголя // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. – М., 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 105–125.

Холондович Е. Н. Психологические аспекты художественного творчества Н. В. Гоголя // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – Тверь, 2016. – № 2 (78). – С. 31–36.

Холондович Е. Н. Феномен духовности гениев // Наука. Культура. Общество / Российская академия социальных наук. – М., 2016. – № 2. – С. 17–30.

[Особенности духовных исканий Гоголя и Ф. М. Достоевского.]

Хондзинский П., протоиерей. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. – М.: Изд-во ПСТГУ [Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т], 2016. – 480 с.

Гл. 3: Внеакадемическое богословие 40–50-х г. XIX в. 3.2.8. Н. В. Гоголь. – С. 226–238.

Примеч. – С. 286–291.

Чепухова Е. М. Мотив пути в повести Н. В. Гоголя «Вий» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых: В 3 ч. / Совет молодых учёных Института филологии и журналистики; Саратовский гос. ун-т: отв. редактор Г. М. Алтынбаева. – Саратов, 2016. – С. 29–33.

[Материалы всероссийской конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященной 100-летию проф. Л. И. Баранниковой (Саратов, 22–24 апреля 2015 г.)].

Чжоу Сяовэй. Исследование творчества Н. В. Гоголя в Китае // Гуманитарный вектор / Забайкальский гос. ун-т. Сер.

Философия, культурология. – Чита, 2016. Т. 11. – № 2. – С. 143–146.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с. – (Культурный код).

[Указ. имен.]

Шабалдина Е. В. Н. В. Гоголь и М. А. Булгаков: мотив безумия в повестях «Записки сумасшедшего», «Портрет» и романе «Мастер и Маргарита» // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2016. – № 2 (36). – С. 186–189.

Шаталова О. В. Диалектика бытия и языкового отображения личности автора и повествователя в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XXI международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2016 г.) / Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – СПб., 2016. – С. 337–344.

Шелестова З. А. Н. В. Гоголь в искусстве звучащего слова // Литература в школе. 2016. – № 5. – С. 29–31.

[Особенности чтения Гоголем своих произведений; характеристика исполнения произведений писателя мастерами художественного слова.]

Шиблева Н. А. Н. В. Гоголь о «поприще слова» // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история: сб. научных статей III международной научно-практической конференции (Пенза, 8–10 декабря 2016 г. / Пензенский гос. ун-т; под ред. Т. В. Стрыгиной. – Пенза, 2016. – С. 150–152.

Шипицына Г. М. Художественная деталь в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Литература в школе. – М., 2016. – № 5. – С. 13–15.

Шифрин Б. Ф. Зачеркивание, отталкивание и тому подобное в мотивике культуры (от «Носа» Гоголя к фенотипической рефлексии) // *Mixtura verborum'* 2015: образы настоящего: философский ежегодник / Под общ. ред. С. А. Лишаева. – Самара, 2016. – С. 99–122.

Шубакова Е. А. Описание ночи в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Первые Щеулинские чтения: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти проф. В. В. Щеулина (Липецк, 25 марта 2016 г.) / Липецкий гос. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского; отв. ред. Е. А. Попова. – Липецк, 2016. – С. 103–108.

Шубакова Е. А. Языковые особенности описания ночной природы (на материале повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница») // Материалы региональной школы молодых ученых по филологическим наукам «Philologos» (Елец, 26–27 мая 2016 г.) / Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Елец, 2016. – С. 80–85.

Шульц С. А. Гоголь и проблемы «философии хозяйства» (И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, С. Н. Булгаков) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2016. – № 2. – С. 459–468.

Шульц С. А. Гоголь и Шеллинг о душе // *Человек*. – М., 2016. – № 1. – С. 155–163.

[Онтологический, спиритуалистический и психологический аспекты понимания души Гоголем и Ф. Шеллингом, связь данных аспектов с историософией.]

Шумейко Ю. А. Словообразовательные и морфологические особенности разговорной речи в тексте повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // *Гуманитарные научные исследования*. – М., 2016. № 7 (59). – С. 186–188.

Щеголева И. А. В поиске души. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души»: опыт интертекстуального анализа. IX класс. Статья первая // *Литература в школе*. – М., 2016. – № 4. – С. 32–34.

Щеголева И. А. В поиске души. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души»: опыт интертекстуального анализа. IX класс. Статья вторая // *Литература в школе*. – М., 2016. – № 5. – С. 32–37.

Щербаков А. Б. К вопросу о гоголевской типологии читателей // *Символ науки*. – Уфа, 2016. – № 11–4 (23). – С. 51–52.

[На материале предисловия Гоголя «К читателю от сочинителя» ко второму изданию «Мертвых душ».]

Щербаков А. Б. «К читателю от сочинителя» Н. В. Гоголя: проблема диалога // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. статей международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15 ноября 2016 г.): В 6 ч. – Ч. 2 / Отв. ред. А. А. Сукиасян. – Уфа: АЭТЕРНА, 2016. – С. 229–231.

Щербаков А. Б. Контекст «Прощальной повести» Гоголя // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – Уфа, 2016. № 11. – С. 120–124.

Щербаков А. Б. Проблема рамочного текста «Мертвых душ» Гоголя // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – Уфа, 2016. № 11. – Ч. 2. – С. 84–86.

Явари Ю. В. Реалии и локализмы в повестях Н. В. Гоголя и их перевод на английский язык // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. – Тверь, 2016. № 4. – С. 195–200.

[Способы передачи реалий и локализмов на английский язык в «украинских» повестях Гоголя.]

Янушкевич А. С. История русской литературы первой трети XIX века: Учебное пособие. 3-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 752 с.

Творчество Н. В. Гоголя (1809–1852). – С. 592–691.

Яркина С. В., Рябых Е. Б. Особенности перевода русских фразеологизмов на немецкий язык (на материале комедии Н. В. Гоголя «Ревизор») // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – М., 2016. – № 5 (33). – С. 15–19.

Подгот. В. А. Воронаев (Москва)

**БІБЛІОГРАФІЯ УКРАЇНИ
ПРО ЖИТТЯ І ТВОРЧІСТЬ МИКОЛИ ГОГОЛЯ
(2016)**

Твори М. Гоголя

1. Гоголь М. В. Тарас Бульба ; Вій ; Вечори на хуторі поблизу Диканьки / М. В. Гоголь ; [пер. І. Базилянської]. — Харків : Школа, Пілігрим, 2016. — 444, [3] с. : іл. — (Золота серія «Бібліотека пригод»).

2. Гоголь Н. Ночь перед Рождеством : повесть / Н. Гоголь // Дары волхвов. Истории накануне чуда : сборник [сост. С. Реутов ; пер. Н. Г. Филимоновой] / Харьков, Белгород, 2016. — С. 164—212.

3. Гоголь Н. В. Сорочинская ярмарка / Н. В. Гоголь // «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 5—24.

4. Гоголь Н. В. Старосветские помещики / Н. В. Гоголь // «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 5—21.

5. Мистические произведения русских писателей : [сборник] / А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь [и др.] ; худож. А. Печенежский. — 2-е изд. — Харьков ; Белгород : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016. — 380, [1] с. : ил. — (Шедевры на все времена).

[Зміст:

Пушкин А. С. Гробовщик / А. С. Пушкин

Достоевский Ф. М. Сон смешного человека / Ф. М. Достоевский

Достоевский Ф. М. Бобок. Записки одного лица / Ф. М. Достоевский

Гоголь Н. В. Портрет / Н. В. Гоголь

Гоголь Н. В. Вий / Н. В. Гоголь

Гаршин В. М. Красный цветок / В. М. Гаршин

Короленко В. Г. Судный день (Иом-кипур) /
В. Г. Короленко
Чехов А. П. Черный монах / А. П. Чехов
Сологуб Ф. К. Ёлчик / Ф. К. Сологуб
Сологуб Ф. К. Маленький человек / Ф. К. Сологуб
Сологуб Ф. К. Ошибка гофлиферанта / Ф. К. Сологуб
Сологуб Ф. К. Царица поцелуев / Ф. К. Сологуб].

Критико-біографічна література

6. Арват Н. Н. Ритмообразующие средства в художественной прозе Н. Гоголя / Н. Н. Арват // «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 22—28.

7. Бабич М. «Наш Гоголь»: [про освітньо-мистец. захід, присвяч. 207-й річниці Миколи Гоголя] / Марина Бабич // Село полтавське. — 2016. — 7 квіт. (№ 13). — С. 10.

8. Балабко О. Микола Гоголь. Між пеклом і раєм : біографічний нарис / О. Балабко. — К. : COOP Media, 2016. — 192 с.

9. Балабко О. Гоголь: сміх над водою / О. Балабко // Українське слово : всеукраїнський громадсько-політичний тижневик. — Київ, 2016. — 7–13 вересня (№ 36). — С. 8—9.

10. Балабко О. Олександр Вертинський, нащадок Гоголя : роман-есе. Кн. 2 / Олександр Балабко // Київ : літературно-художній і громадсько-політичний журнал письменників України. — 2016. — № 5/6. — С. 2—58.

11. Балабко О. Олександр Вертинський, нащадок Гоголя : роман-есе. Кн. 2 / О. Балабко // Київ : Літературно-художній і громадсько-політичний журнал письменників України. — 2016. — № 7/8. — С. 156—167.

12. Балабко О. Олександр Вертинський, нащадок Гоголя : роман-есе. Кн. 2 / О. Балабко // Київ : Літературно-художній і громадсько-політичний журнал письменників України. — 2016. — № 11/12. — С. 154—170.

13. Банзерук О. В. Власні імена як засіб створення комічного у збірці М. Гоголя «Вечори на хуторі біля

Диканьки» / О. В. Банзерук // Філологічна наука: проблеми та перспективи : матеріали Всеукраїнської студентської науково-практичної конференції. — Ніжин, 2016. — С. 57—59.

14. Банзерук О. В. Гастрономическая лексика как средство представления концепта «еда» в повести Н. Гоголя «Сорочинская ярмарка» / О. В. Банзерук // «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 25—30.

15. Банзерук О. В. Кулинарные пристрастия Николая Гоголя и гастрономический код его творчества (на материале повести «Старосветские помещики») / О. В. Банзерук // «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 29—32.

16. Барабаш Ю. «Всі ці слов'яністи та європісти...». Гоголівська тема у версії Юрія Шереха / Ю. Барабаш // Кур'єр Кривбасу : література, культурологія, політика, народознавство. — Кривий Ріг, 2016. — № 317/318/319. — С. 250—261.

17. Барабаш Ю. Вулиця крокодилів / Невський проспект і поза ними: Бруно Шульц і Гоголь – зустріч на пограниччі / Ю. Барабаш // Слово і час : науково-теоретичний журнал. — 2016. — № 8 (668). — С. 72—89.

18. Бондарь Н. А. Компаративы в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» / Н. А. Бондарь // «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 31—35.

19. Бондарь Н. А. Функции эмоционально окрашенной лексики в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» / Н. А. Бондарь // «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 33—37.

20. Брухно Н. Є. М. В. Гоголь. Повість «Ніч перед Різдом». 6-й клас / Н. Є. Брухно // Зарубіжна література в школі. — 2016. — № 1/2. — С. 24—30.

21. Вакуленко Г. М. Семантико-синтаксические особенности главных членов предложения в повести «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя / Г. М. Вакуленко, Н. И. Клыпа // «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя: лингвостилистический

аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 36—42.

22. Васецька А. «Він із цих місць, цим дихав лісом, по цій землі святій ступав»: [про освіт.-мистец. заходи, присвячені 207-й річниці з дня народж. М. В. Гоголя в Шишацькому р-ні Полтав. обл.] / Анна Васецька // Зоря Полтавщини. — 2016. — 8 квіт. (№ 50/51). — С. 2.

23. Віннічук Г. Компаративний аналіз історичних повістей М. Гоголя «Тарас Бульба» та І. Франка «Захар Беркут»: українська література – зарубіжна література, 7 клас / Галина Віннічук // Українська мова і література в школах України. — 2016. — № 6. — С. 48—50.

24. Гетман Л. И. Карнавальность образов повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» / Л. И. Гетман // «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 43—46.

25. Гетман Л. И. О полиэмоциональности повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» / Л. И. Гетман // «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 38—41.

26. Голинська О. «Гоголь супроводжує все моє життя»: [інтерв'ю з композитором Є. Станковичом] / Ольга Голинська // День : щоденна всеукраїнська газета. — 2016. — 1–2 квіт. (№ 57/58). — С. 22.

27. Гонтарук О. Д. Зображення в повісті М. В. Гоголя «Тарас Бульба» любові до України, героїзму та мужності українського народу / О. Д. Гонтарук // Все для вчителя : інформаційно-практичний бюлетень. — 2016. — № 2. — С. 8—11.

28. Дацько О. До питання подібності вбрання Миколи Гоголя та його персонажів (на матеріалі поеми «Мертві душі») / О. Дацько // Наш український дім : науково-популярний часопис для вчителів України та діаспори. — 2016. — № 2. — С. 71—75.

29. Джулай Ю. В. Гоголівські тесери до мандрівок К. М. Базилі з малюнками К. П. Брюллова в тексті «Мертвих душ» / Ю. В. Джулай // Література та культура Полісся : збірник

наукових праць / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 82, № 6. — С. 26—37. — (Серія «Філологічні науки»).

30. Дзюба Т. Принцип фольклорно-етнографічної достовірності: від Андрія Царинного до Пантелеймона Куліша / Т. Дзюба // Слово і Час : Науково-теоретичний журнал. — 2016. — № 4. — С. 41—46.

[У статті аналізується маловідома літературно-критична праця Андрія Царинного (А. Стороженка) «Мысли россиянина по прочтении повестей пасечника Рудого Панька». Здійснюється зіставлення принципів зображення власної народності в А. Царинного та П. Куліша, акцентується на спадкоємності певних їх поглядів].

31. Єрмоленко С. Микола Гоголь і Вашингтон Ірвінг: паралелі тексту і дискурсу / С. Єрмоленко // Слов'янська фантастика : зб. наук. праць / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. — К., 2016. — Т. 3 / [редкол.: Д. Айдачич та ін.]. — С. 93—100.

32. Жулинський М. Олег Чорногуз: перевиховання за методом Гоголя. Слово з нагоди 80-річчя / М. Жулинський // Літературна Україна : газета письменників України. — К., 2016. — 14 квітня (№ 14). — С. 6.

33. Іллюша О. В. Історичні ідеї Миколи Гоголя на фоні еволюції життєвих поглядів / О. В. Іллюша // Література та культура Полісся : збірник наукових праць / відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 81, № 4. — С. 19—28. — (Серія «Історичні науки»).

34. Кайль Р.-Д. Гоголь у дзеркалі своїх біблійних цитат / Рольф-Дітріх Кайль ; пер. з нім. А. В. Ролік // Наш український дім : науково-популярний часопис для вчителів України та діаспори. — 2016. — № 1. — С. 98—111.

35. Каранда М. В. Філософсько-естетичні аспекти конституювання мотиву «сакрального шлюбу» у ранній творчості М. Гоголя / М. В. Каранда // Проблеми соціальної роботи: філософія, психологія, соціологія : збірник. — 2016. — № 1. — С. 37—45.

36. Клыпа Н. И. Стилистические функции однородных членов предложения в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» / Н. И. Клыпа // «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 42—46.

37. Ковальчук О. Г. Юрій Гребенік як гоголезнавець, або Ще про одну проблему української гуманітаристики / О. Г. Ковальчук // Література та культура Полісся : збірник наукових праць / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 82, № 6. — С. 65—74. — (Серія «Філологічні науки»).

38. Корольова О. В. Літературне свято «Зустріч із героями Гоголя»: 7-й клас / О. В. Корольова // Зарубіжна література в школі : науково-методичний журнал. — 2016. — № 21/22. — С. 67—75.

39. Костюк Л. Усі ми вийшли з гоголівської «Шинелі». Зображення в повісті М. Гоголя «Шинель» трагічної долі «маленької» людини: підсумковий урок у формі інтерактивної бесіди, 9 клас / Лілія Костюк // Всесвітня література в сучасній школі : науково-методичний журнал. — 2016. — № 5. — С. 20—23.

40. Костюченко О. «Таємний агент Микола Гоголь...» / О. Костюченко // День : щоденна українська газета. — Київ, 2016. — 1—2 липня (№ 113/114). — С. 31. — Рец. на кн.: П. Карлюк. «Таємний агент Микола Гоголь, або про що розповідає Тарас Бульба» : [нарис] / Петро Карлюк. — Львів : Вид-во Старого Лева, 2016. — 166, [2] с.

41. Карлюк П. Таємний агент Микола Гоголь, або Про що розповідає «Тарас Бульба» : [нарис] / Петро Карлюк. — Львів : Вид-во Старого Лева, 2016. — 166, [2] с.

42. Краснобаева О. «Ревизор» Н. Гоголя в переводоведческой парадигме Майкла Бересфорда / О. Краснобаева // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки / Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки. — Луцьк, 2016. — № 1 (326). — С. 141—144. — (Серія «Філологічні науки» ; «Літературознавство»).

43. Куликова Л. Сучасний погляд на історико-педагогічні праці М. В. Гоголя / Лілія Куликова // Історія в рідній школі. — 2016. — № 3. — С. 39—44.

44. Кучерявец В. Г. «... Есть дом с большой буквы» / В. Г. Кучерявец, В. А. Сидоренко // «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 47—51.

45. Лушай В. І. Етнографічна спадщина українського народу у творчості Миколи Гоголя / Володимир Іванович Лушай // Література та культура Полісся : збірник наукових праць / відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 81, № 4 — С. 37—44. — (Серія «Історичні науки»).

46. Мацапура В. П. Мериме как реципиент и интерпретатор творчества Н. Гоголя / В. Мацапура // Філологічні науки. — 2016. — Вип. 24. — С. 3—11.

47. Мележик В. О. «Торішнім снігом засипана історія»: урок компаративного прочитання повісті М. В. Гоголя та новели Р. Акутагави / В. О. Мележик // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України : щомісячний всеукраїнський науково-методичний журнал. — 2016. — № 3. — С. 24—28.

48. Михед П. В. «Гайдамаки» Т. Шевченка vs «Тараса Бульби» М. Гоголя: метаісторичний вимір / П. В. Михед // Глобалізація/Європеїзація і розвиток національних слов'янських культур : матеріали Міжнародної наукової конференції до Дня слов'янської писемності та культури (Київ, 24 трав. 2016 р.). — К., 2016. — С. 95—98.

49. Михед П. В. «Гайдамаки» Тараса Шевченка vs «Тарас Бульба» Миколи Гоголя: метаісторичний вимір / П. В. Михед // Літературознавство. Фольклористика. Культурологія : зб. наук. праць / М-во освіти і науки України ; Черкас. нац. ун-т ім. Б. Хмельницького ; Осередок Наук. т-ва Шевченка в Черкасах ; редкол.: В. Поліщук, Л. Скорина, А. Баранов [та ін.]. — Черкаси, 2016. — Вип. 23/25. — С. 415—419.

50. Михед П. В. «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет...» / П. В. Михед // Культура и текст. — № 1 (24). — 2016. — С. 141—153.

51. Михед П. В. Микола Гоголь між Україною і Росією: до історії буття в канонах культури / П. В. Михед // Буття канону : зб. наук. праць / Відділ слов'янських літератур Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України ; упор. Н. М. Сквіра ; відп. ред. П. В. Михед. — Ніжин, 2016. — С. 265—280.

52. Мінаєва О. О. Чисте світло лицарства : інтегрований урок зарубіжної літератури та англійської мови (компаративний аналіз творів В. Скотта «Айвенго» та М. В. Гоголя «Тарас Бульба») / О. О. Мінаєва, Ю. О. Паляничка // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України : щомісячний всеукраїнський науково-методичний журнал. — 2016. — № 3. — С. 20—23.

53. Нещерет Е. И. Роль повторов в восприятии текста (на примере повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики») / Е. И. Нещерет // «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин : ЧП Лысенко Н. М., 2016. — С. 52—55.

54. Ніколенко О. Микола Гоголь. Уроки християнської любові / Ольга Ніколенко // Зарубіжна література в школах України. — 2016. — № 6. — С. 6—11.

55. Ніколенко О. Микола Гоголь. Уроки християнської любові / Ольга Ніколенко // Зарубіжна література в школах України. — 2016. — № 7/8. — С. 92—96. — Продовження. Початок див.: 2016. — № 6.

56. Ніколенко О. М. Батько Гоголя / О. М. Ніколенко // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України : щомісячний всеукраїнський науково-методичний журнал. — 2016. — № 5. — С. 23—29.

57. Осіпова Г. С. Український Мойсей українському Гоголю: В Музеї рідкісної книги бібліотеки Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя відкрилась книжкова виставка «Український Мойсей. До 160-річчя від дня народження Івана Франка», на якій представлені прижиттєві та раритетні видання творів письменника / Галина Сергіївна Осіпова // Український дім : освітньо-пізнавальний часопис про Україну та українців діаспори : видання Центру гуманітарної

співпраці з українською діаспорою НДУ ім. М. Гоголя / ред. : О. Д. Бойко [та ін.]. — Ніжин, 2016. — Число 5 (79). — С. 7.

58. Остапенко Л. М. Загублена шинель сільського вчителя, або знову про Попелюшку: до вивчення творчих зв'язків М. Гоголя і Ф. Кафки. Частина II. Бранці вбрання / Л. М. Остапенко // Література та культура Полісся : збірник наукових праць / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 82, № 6. — С. 48—54. — (Серія «Філологічні науки»).

59. Остапенко Л. М. Загублена шинель сільського вчителя, або знову про Попелюшку: до вивчення творчих зв'язків М. Гоголя і Ф. Кафки. Частина III. Вибранці / Л. М. Остапенко // Література та культура Полісся : збірник наукових праць / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 84, № 7. — С. 334—341. — (Серія «Філологічні науки»).

60. «Пропала грамота» (режисери Борис Івченко, Іван Миколайчук, 1972) / А. Аболешева, І. Остапенко, Т. Дубина, Р. Халіков // Слово і Час : науково-теоретичний журнал. — 2016. — № 12. — С. 106—110.

[У полі зору авторів особливості рецепції повісті М. Гоголя «Пропала грамота» в кінодраматичному мистецтві. У центрі уваги – постаті М. В. Гоголя, І. Ф. Драча, Б. В. Івченка, І. В. Миколайчука].

61. Петрик Е. М. Причастие как специфическое изобразительное средство в повести «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя / Е. М. Петрик // «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 56—62.

62. Петрик О. М. Специфіка перекладу дієприкметників у художньому тексті / О. М. Петрик // «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сборник научных статей / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 47—55.

63. Пляшко Л. А. Мир материальной культуры гоголевского Нежина / Л. А. Пляшко // Історія Ніжина: матеріали і дослідження / упоряд. П. В. Михед, Ю. В. Якубіна. — [2-е вид., допов. і перероб.]. — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2016. — С. 347—384.

64. Подмогильная Н. В. «Чудовий Дніпро у тиху погоду», или Н. Гоголь в украинских переводах / Н. В. Подмогильная // Вісник Дніпропетровського університету. — 2016. — № 16. — С. 132—139. — (Серія «Соціальні комунікації»).

65. Полякова В. В. Вивчаємо повість Миколи Гоголя «Ніч перед Різдом» / В. В. Полякова // Зарубіжна література в школах України. — 2016. — № 1. — С. 54—58.

66. Рождественская И. Е. О формировании гоголевского толковательного канона в Польше / И. Е. Рождественская // Буття канону : зб. наукових праць / Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України ; відп. ред. П. В. Михед; упоряд. Н. М. Сквіра. Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ; ТПК «Орхідея», 2016. — С. 299—309.

67. Ролік А. Німецькомовний гоголезнавчий дискурс другої половини ХХ століття : антологія / Анатолій Ролік. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2016. — 215 с.

68. Самойленко Г. В. Переробки повісті М. Гоголя «Тарас Бульба» для української сцени / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся : збірник наукових праць / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 82, № 6. — С. 55—64. — (Серія «Філологічні науки»).

69. Сидоренко В. А. «... как роскошен летний день в Малороссии!» (о художественном времени в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка») / В. А. Сидоренко // «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сборник научных статей / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — С. 55—59.

70. Сквіра Н. М. «В незаконченных книгах есть страшная вещь – некоторое откровение», або Про дописування «Мертвих душ» Гоголя сучасниками (на прикладі роману В. Шарова «Повернення в Єгипет») / Н. М. Сквіра // Література та культура Полісся : збірник наукових праць / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 84, № 7. — С. 318—327. — (Серія «Філологічні науки»).

71. Слюсарева К. В. Уроки за творчістю М. В. Гоголя: 9-й клас / К. В. Слюсарева // Зарубіжна література в школі : науково-методичний журнал. — 2016. — № 21/22. — С. 23—34.

72. Смотрицький М. [Рецензія на книгу] / М. Смотрицький // Критика : Рецензії. Есеї. Огляди. — 2016. — № 11/12. — С. 35. — Рец. на кн. : Кралюк Петро. Тасмний агент Микола Гоголь, або Про що розповідає «Тарас Бульба» / Петро Кралюк — Львів : Видавництво Старого Лева, 2016.

73. «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сборник научных статей / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин, 2016. — 60 с.

74. «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя: лингвостилистический аспект : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. М. Петрик. — Нежин : ЧП Лысенко Н. М., 2016. — 64 с.

75. Стребкова І. О. Проблеми порівняльного аналізу стилю Тодося Осьмачки і Миколи Гоголя: типологічний і індивідуальний вимір : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.05 / Стребкова Ірина Олександрівна ; Національна академія наук України інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка. — К., 2016. — 20 с.

76. Топачевський А. Тут людина наслідує Бога: духовні засади українського землеробства від Гоголя до наших днів / Андрій Топачевський // Слово Просвіти. — 2016. — 4–10 серп. (№ 31). — С. 8—9.

77. Цвілюк С. А. Шевченко і Гоголь: найвидатніші постаті українського національного відродження / С. А. Цвілюк // Україна і «Русский мир»: важкий досвід співіснування: від «братского союза» до ненависті і масової українофобії : іст. нариси та наук. публіцистика / С. А. Цвілюк. — Одеса, 2016. — С. 188—247.

78. Чернега П. М. Епічні ідеї у творчості Миколи Гоголя / Петро Макарович Чернега // Література та культура Полісся : збірник наукових праць / відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 81, № 4. — С. 29—36. — (Серія «Історичні науки»).

79. Чоботько О. В. В. Розанов і М. Гоголь: причини творчого антагонізму. Стаття І. / О. В. Чоботько // Література та культура Полісся : збірник наукових праць / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2016. — Вип. 82, № 6. — С. 38—47. — (Серія «Філологічні науки»).

80. Федорова С. М. Порівняльний аналіз творів М. В. Гоголя «Вечір проти Івана Купала» та Й. В. Гете «Фауст»: 9-й клас / С. М. Федорова, Л. О. Мікус // Зарубіжна література в школі. — 2016. — № 5/6. — С. 47—48.

81. Фомичев С. А. Повесть «Шинель» в контексте творчества Н. В. Гоголя / С. А. Фомичев // Русская литература : историко-литературный журнал. — 2016. — № 1. — С. 57—64.

82. Ханчук І. Д. Урок компаративного аналізу повісті Миколи Гоголя «Шинель» та оповідання Панаса Мирного «П'яниця» / І. Д. Ханчук, О. В. Янкович // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України : щомісячний всеукраїнський науково-методичний журнал. — 2016. — № 3. — С. 8—12.

83. Хмельницька О. «Маленька людина» – теж людина : урок за повістю М. Гоголя «Шинель» / Олена Хмельницька // Всесвітня література в школах України : щомісячний науково-методичний журнал. — 2016. — № 5. — С. 52—54.

84. Якубіна Ю. Архів Гімназії вищих наук як джерело ніжинського періоду біографії М. Гоголя / Ю. Якубіна // Короленківські читання 2016. «Бібліотеки, архіви, музеї: інноваційні моделі розвитку»: матеріали XIX Міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 12 жовт. 2016 р.). — Ч. 2. — С. 172—180.

85. Varypaiev A. Religiousness of Mykolai Gogol in the context of ukrainian philosophical thought / A. Varypaiev, A. Rybalchenko // Економічна стратегія і перспективи розвитку сфери торгівлі та послуг : збірник наукових праць / М-во освіти і науки України ; Харк. держ. ун-т харчування та торгівлі. — Харків, 2016. — Вип. 1 (23). — С. 231—239.

Підгот.: П. В. Михед, О. О. Костенко (Ніжин)

ЗМІСТ ПОПЕРЕДНІХ ВИПУСКІВ «ГОГОЛЕЗНАВЧИХ СТУДІЙ»

Гоголезнавчі студії: статті і дослідження. Випуск перший. Гоголеведческие студии. Выпуск первый. – Ніжин, 1996. – 63 с.

Статті, дослідження

Дмитро Наливайко (*Київ*). Первинні образи в творчості Гоголя.

Вадим Скуратівський (*Київ*). Гоголь у становленні нової української літератури.

Нинель Арват (*Нежин*). Художественно-изобразительная роль ритма в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Владимир Воропаев (*Москва*). «Горьким словом моим посмеюся» (о духовном смысле комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»).

Олександр Ковальчук (*Ніжин*). Любов – порятунок від страху (стратегія пошуку шляхів порятунку суспільства у «Вибраних місцях...» М. Гоголя).

Павел Михед (*Нежин*). Гоголь на путях к новой эстетике слова.

Юрій Хоменко (*Нежин*). Гоголь и Твардовский (из опыта интерпретации).

Павел Михед (*Нежин*). «Из лона скорби к утешению...» (Сильвио Пеллико в творческой судьбе Н. В. Гоголя).

Гоголезнавчі студії: статті і дослідження. Випуск другий. Гоголеведческие студии. Выпуск второй. – Ніжин, 1997. – 138 с.

Статті, дослідження

Владимир Воропаев (*Москва*). От чего умер Гоголь?

Олександр Ковальчук (*Ніжин*). «Авторська сповідь» М. Гоголя (своєрідність бачення світу «українською людиною»).

Юрій Барабаш (*Москва*). Бінарна опозиція «батьківщина – чужина» в Гоголя і Шевченка.

Марина Новикова (*Симферополь*), **Ірина Шама** (*Запорожье*). Символика позднего Гоголя.

Ігорь Виноградов (*Москва*). «Тарас Бульба» и отношение Н. В. Гоголя к католицизму (к изучению вопроса).

Семен Абрамович (*Черновцы*). Заметки об изучении писательской позиции позднего Гоголя.

Павел Михед (*Нежин*). Способы сакрализации художественного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (заметки к новой эстетике писателя).

Вадим Скуратовский (*Киев*). На пороге как бы двойного бытия (из наблюдений над мирами Гоголя).

Владимир Звизняцковский (*Киев*). К проблеме художественного метода Гоголя.

Рецензії

Н. М. Жаркевич, Ю. В. Якубина (*Нежин*). Старый новый Гоголь. Рец. на кн.: Воропаев В. Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н. В. Гоголя в свете православия. – М., 1994. – 159 с.

О. Ковальчук (*Ніжин*). Українська русистика – крок у гоголезнавчому напрямку. Рец. на кн.: Стронецкий О. Гоголь. – Львів, 1994.

Г. Киричок (*Нежин*). Адекватность – точность или множественность прочтения? Рец. на кн.: Есаулов И. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения «Миргород» Н. В. Гоголя. – М., 1995. – 101 с.

Бібліографія

Бібліографія літератури про Гоголя, що вийшла в Україні 1995–1996 рр. Уклала **Лариса Гранатович** (*Ніжин*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1995–1996). Составил **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголезнавчі студії. Випуск третій. Гоголеведческие студии. Випуск третій. Гоголь: бібліографічні посібники і джерела. Анований покажчик / Упоряд. Гранатович Л. В., Михальський Є. М., Михед П. В. – Ніжин, 1998. – 80 с.

Павло Михед (*Ніжин*). З історії гоголівської бібліографії.

Гоголезнавчі студії. Випуск четвертий. Гоголеведческие студии. Випуск четвертий. – Ніжин, 1999. – 213 с.

Статті, дослідження

Владимир Воропаев (*Москва*). Поздний Гоголь (1842–1852): новые аспекты изучения.

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Метафора Храма в художественной прозе Н. В. Гоголя.

Юрій Барабаш (*Москва*). «Страшна помста»: релігійно-етичний вимір (фрагменти).

Семен Абрамович (*Черновцы*). «Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать»? (Польский и еврейский мир в «Тарасе Бульбе»).

Владислав Кривонос (*Елец*). «Петербургские повести» Н. В. Гоголя и евангельская топика.

Игорь Виноградов (*Москва*). Гоголь и Белинский: к проблеме полемики.

Олександр Ковальчук (*Нежин*). Гоголь – «русский Христос»? (Текст поеми «Мертві душі» як засіб самоідентифікації автора).

Сергей Шульц (*Ростов-на-Дону*). Гоголь: от драматургии к «Размышлению о Божественной литургии» (аспект исторической поэтики).

Людмила Остапенко, Павел Михед (*Нежин*). Две вехи пророческого слова в русской литературе: Гоголь и Достоевский.

Елена Анненкова (*Санкт-Петербург*). Две книги переходного десятилетия («Сумерки» Е. А. Баратынского и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя).

Дебют

Владислав Томачинский (*Москва*). К вопросу о своеобразии стиля «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.

Огляди, рецензії

Григорий Киричок (*Нежин*). О почве и судьбе Гоголя. Рец. на кн.: Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. – М., 1995.

Тетяна Михед (*Ніжин*). Дволикий страдник: Микола – Николай Гоголь. Рец. на кн.: Georg Luckyj. The Anguish of Mykola Hohol a.k.a. Nikolai Gogol. – Toronto – 1998, 117 p.

Бібліографія

Бібліографія літератури про Гоголя, що вийшла в Україні 1997 року. Підгот. Лариса Гранатович (Ніжин).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем, вышедшая в России в 1997 году. **Сост. Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголь в литературе русского зарубежья. **Сост. Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголезнавчі студії. Випуск п'ятий. Гоголеведческие студии. Выпуск пятый. – Ніжин, 2000. – 243 с.

Статті і дослідження

Павло Михед (*Ніжин*). Основні напрямки вивчення творчості Гоголя: підсумки і перспективи.

Олександр Ковальчук (*Ніжин*). Страх як проблема українського буття (гоголівська проекція).

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя и его «Взгляд на составление Малороссии» (о замысле поэтической истории народа).

Юрій Барабаш (*Москва*). «Страшна помста»: релігійно-етичний аспект – II («Тарас Бульба»).

Надія Поліщук (Львів). «Страшна помста» М. Гоголя: спроба відчитання міфологічного тексту.

Семен Абрамович (*Чернівці*). Макабристика в повісті Гоголя «Страшна помста».

Игорь Виноградов (*Москва*). Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации.

Нинель Арват (*Нежин*). О троичности в повести Н. В. Гоголя «Вий».

Сергей Шульц (*Ростов-на-Дону*). Миф о художнике в контексте нарративной двуплановости повести «Вий».

Владислав Кривонос (*Елец*). Собачья тема в «Тарасе Бульбе» Гоголя.

Андрей Фаустов (*Воронеж*). Заколдованное место у Гоголя и Пушкина (несколько замечаний).

Валентина Мацапура (*Полтава*). Синтез языческих и христианских мотивов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя.

Владимир Воропаев (*Москва*). «Нет другой двери...». Евангелие в жизни Гоголя.

Юрій Луцький (*Торонто*). На хуторі біля Диканьки.

Дебют

Катерина Ісаєнко (*Ніжин*). Уваги до дискусії П. Куліша і М. Максимовича про українські повісті Гоголя.

Огляди, рецензії

Григорій Киричок (*Нежин*). Гоголь сквозь религиозно-мистическую призму. Рец. на кн.: Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. – 340 с.

Людмила Остапенко (*Нежин*). Исследование мотивики Гоголя, или О колдовской силе его «заколдованных мест». Рец. на кн.: Кривонос В. Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – 251 с.

Бібліографія

Бібліографія творів Миколи Гоголя і література про нього, що вийшла в Україні 1998 року. **Підгот. Лариса Гранатович** (*Ніжин*).

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1998). **Сост. Владимир Воропаев** (*Москва*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке: дополнение (1995–1997). **Сост. Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголезнавчі студії. Випуск шостий. Гоголеведческие студии. Випуск шестой. – Ніжин, 2000. – 60 с.

Павло Михед (*Ніжин*). Сучасна ніжинська гоголіана.

Бібліографія

Бібліографія праць ніжинських вчених про Гоголя (1979–1999). **Уклад. Лариса Гранатович** (*Ніжин*).

Гоголезнавчі студії. Випуск сьомий. Гоголеведческие студии. Випуск седьмой. – Ніжин, 2001. – 183 с.

Статті, дослідження

Павел Михед (*Нежин*). Творчество Гоголя в свете украинской русистики: о некоторых проблемах изучения.

Юрій Барабаш (*Москва*). Європейське малярство чи візантійський іконопис? (До питання про Гоголеву концепцію християнського мистецтва).

Юлія Якубіна (*Нежин*). К истокам страха у Гоголя (нежинский период).

Олександр Ковальчук (*Ніжин*). Страх як проблема українського буття (гоголівська проєкція).

Владислав Кривонос (*Самара*). Экзистенциальные аспекты в «Риме» Гоголя.

Сергей Шульц (*Ростов*). «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Записки сумасшедшего» Л. Толстого: топика и нарратив.

Peter Sawczak (*Мельбурн*). The Passions of Chichikov: Gogol's Soteriological Scheme.

Игорь Виноградов (*Москва*). Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души».

Николай Хомук (*Томск*). Архитектоника лабиринта в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя (идея «исторического романа»).

Семен Абрамович (*Чернівці*). Предметний світ у Гоголя.

Мария Янушкевич (*Томск*). Авторская позиция предсмертного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя и «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки как основа своеобразия «предельного» жанра.

Ювілеї

Владимир Воропаев (*Москва*). Жизнь с Гоголем (К 120-летию со дня рождения Бориса Зайцева).

Наші публікації

Тень великого Гоголя. Воспоминания фельдшера Зайцева.

Огляди, рецензії

Григорій Киричок (*Ніжин*). Гоголь і художнє творення історії (сучасні інтерпретації). Рец. на кн.: Зарецкий В. А. Народные исторические предания в творчестве Н. В. Гоголя. История и биографии. Монография. – Екатеринбург; Стерлитамак, 1999. – 463 с.; Сенько І. М. Історія у дзеркалі літератури. – Ужгород, 2000. – 100 с.

Федор Евсеев (*Нежин*). Об архетипах земли и власти в творчестве Н. В. Гоголя. Рец. на кн.: Иваницкий А. И. Гоголь. Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. – М.: РГУ, 2000. – 188 с.

Бібліографія

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н. В. Гоголя (1945–2000). Подгот. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія творів Миколи Гоголя і літератури про нього, що вийшла в Україні 1999 року. Підгот. **Лариса Гранатович** (*Ніжин*).

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1999). Подгот. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголезнавчі студії. Випуск восьмий. Гоголеведческие студии. Выпуск восьмой. Летопись жизни и творчества Н. Гоголя. Нежинский период (1820–1828) / Сост. Жаркевич Н. М. – от составителей, 1821, 1823, 1825, 1827 гг.,

примечания; Кириллок З. В. – 1820 г.; Якубина Ю. В. – 1822, 1824, 1826, 1828 гг., примечания, аннотированный указатель имен / Вступ, ст. Михед П. В. – Нежин: НГПУ, 2002. – 232 с.

Павел Михед (Ніжин). Н. В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородько (проблемы изучения).

Гоголезнавчі студії. Випуск дев'ятий. Гоголеведческие студии. Випуск девятый. – Ніжин, 2002. – 232 с.

Статті, дослідження

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя (бунтовщик Тарас и другие).

Іван Сенько (*Ужгород*). Гоголівський Шпонька у контексті історії України.

Владимир Кривонос (*Самара*). Сон Тараса в «Тарасе Бульбе» Гоголя.

Ігорь Виноградов (*Москва*). Повесть Н. В. Гоголя «Шинель»: к истории замысла и его интерпретации.

Семен Абрамович (*Черновцы*). Эротика в «Мертвых душах».

Елена Балдина (*Москва*). Гоголь и Белинский: о литературно-эстетическом аспекте полемики.

Ігор Мойсеїв (*Київ*). Гоголівські перемови (діалогіка роздвоєння та увзаємнення).

Сергей Шульц (*Ростов*). «Женитьба» Гоголя и «Живой труп» Толстого в житийном контексте.

Павло Михед (*Ніжин*). Про гоголівський ідіолект російської мови, або Як Олександр Македонський завоював Росію.

Всеволод Сахаров (*Москва*). Пророки романтизма.

Наші публікації. 3 історії гоголезнавства

Михаил Погодин. Кончина Гоголя.

Владимир Воропаев. Некролог М. П. Погодина «Кончина Гоголя».

Віктор Петров. Петербурзькі повісті М. Гоголя.

Світлана Матвієнко. Межі інтерпретації.

Владимир Воропаев. Воровский и его «Гоголь».

Огляди і рецензії

Олена Моціяка (*Ніжин*). «Ти смієшся, а я плачу». Рец. на кн.: Барабаш Юрій. «Коли забуду тебе, Єрусалиме...» Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії. – Харків: Акта, 2001. – 373 с.

Сергей Шульц (*Ростов*). Диалог символистов с Гоголем. Рец. на кн.: Сугай Л. А. Гоголь и символисты. – М., 1999. – 376 с.

Юлия Якубина (*Нежин*). Поздний Гоголь: духовная проза. Рец. на кн.: Н. В. Гоголь. Духовная проза / Сост., вступ, ст., комментарии И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.: Изд-во «Отчий дом», 2001. – 567 с.

Григорий Киричок (*Нежин*). Гоголь: границы литературы – границы религии. Рец. на кн.: Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мировоззрения. – М.: Наследие, 2000. – 448 с.

Александр Чоботько (*Нежин*). Диалог христианских душ. Рец. на кн.: Переписка Н. В. Гоголя и Н. Н. Шереметьевой / Вступ. ст. И. А. Виноградова, подг. текста, комментарии И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М., 2001. – 255 с.

Владимир Воропаев (*Москва*). Песнь благодарения Богу. О новых текстах Гоголя. Рец. на кн.: Неизданный Гоголь. Изд. подгот. И. А. Виноградов. – М.: Наследие, 2001. – 660 с.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Юрій Барабаш (*Москва*).

Юрий Манн (*Москва*).

Бібліографія

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2000). Подгот. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія творів Миколи Гоголя і літератури про його життя і творчість, що вийшла в Україні (2000). Підгот. **Лариса Гранатович** (*Нежин*).

Гоголезнавчі студії. Випуск десятій. Гоголеведческие студии. Випуск десятый. Ковальчук О. Г. Гоголь: буття і страх. – Ніжин, 2002. – 80 с.

Страх як проблема українського буття.

Російське буття і страх.

«Авторська сповідь» М. Гоголя (своєрідність бачення світу «українського людиною»).

Незаангажованість буттям – дорога в смерть (останні дні Гоголя).

Гоголезнавчі студії. Випуск одинадцятій. Гоголеведческие студии. Випуск одиннадцатый. Луцький Ю. О. Страдництво Миколи Гоголя, знаного також як Ніколай Гоголь. – К.: Знання України, 2002. – 113 с. (Переклад з англ. Тетяни Михед).

Павло Михед (*Нежин*). Остання книга Юрія Луцького (передмова).

Нові гоголезнавчі студії. Випуск перший (дванадцятій). Новые Гоголеведческие студии. Випуск первый (двенадцатый). Юрій Барабаш. Гоголь у літературній свідомості українського зарубіжжя (Нариси сприйняття та інтерпретацій). – Сімферополь: Кримський Архів, 2004. – 128 с.

Нові гоголезнавчі студії. Випуск другий (тринадцятій). Новые Гоголеведческие студии. Випуск второй (тринадцатый). – Сімферополь-Київ, 2005. – 292 с.

Доповіді, статті і дослідження

Юрій Барабаш (*Москва*). Гоголезнавство в Україні й поза нею.

Ігорь Виноградов (*Москва*). «Необыкновенный наставник» И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ».

Александр Киченко (*Черкассы*). «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя: мифопоэтическая организация пространства.

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя. Посвящение в «лицари».

Всеволод Сахаров (*Москва*). Потемкин и запорожцы у Гоголя: материалы к историческому комментарию.

Владислав Кривонос (*Самара*). Трудные места в «Шинели» Гоголя.

Елена Балдина (*Москва*). Музыка в художественном мышлении Гоголя.

Екатерина Падерина (*Москва*). О жанровой специфике пьесы Гоголя «Игроки».

Павел Михед (*Киев*). Рим в творческом сознании Гоголя.

О. Василь Мольнар (*Полтава*). З історії Свято-Миколаївської церкви Диканьки.

Владимир Воропаев (*Москва*). Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя.

Comparative

Світлана Матвієнко (*Київ*). Дмитро Чижевський – формаліст. Порівняльний аналіз статей Дмитра Чижевського та Бориса Ейхенбаума про повість Миколи Гоголя “Шинель”.

Ольга Ніколенко, Юлія Баракова (*Полтава*). Микола Гоголь і Фрідріх Дюрренматт.

Дебют

Сергей Овечкин (*Санкт-Петербург*). Повести «Миргорода»: жанровая трансформация и неоднородность нарратива.

Огляди, рецензії

Елена Балдина. Новая книга о Гоголе.

Елена Балдина. Новый гоголевский сборник: традиции и перспективы.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Елена Анненкова (*Санкт-Петербург*).

Владимир Воропаев (*Москва*).

Владислав Кривонос (*Самара*).

Бібліографія

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, що вийшли в Україні 2001 року. Підгот. **Лариса Гранатович** (*Ніжин*).

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2001). Подгот. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2002). Подгот. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Нові гоголезнавчі студії. Випуск третій (чотирнадцятий). Новые Гоголеведческие студии. Выпуск третий (четырнадцатый). Владимир Денисов. Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя. – Симферополь-Киев, 2005. – 150 с.

Нові гоголезнавчі студії. Випуск четвертий (п'ятнадцятий). Новые Гоголеведческие студии. Выпуск четвертый (пятнадцатый). Александр Киченко. Молодой Гоголь: поэтика романтической прозы. – Нежин: «Издательство «Аспект-Полиграф», 2007. – 224 с.

Нові гоголезнавчі студії. Випуск п'ятий (шістнадцятий). Новые Гоголеведческие студии. Выпуск пятый (шестнадцатый). – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Полиграф», 2007. – 414 с.

Доповіді, статті і дослідження

Юрій Барабаш (Москва). Франкові причинки до української Гоголіани.

Іван Мегела (Київ). Человек и мир в творчестве Н. В. Гоголя.

Аркадій Гольденберг (Волгоград). Слово и живопись в поэтике Гоголя как проблема сюжета и стиля.

Владимир Воропаев (Москва). Гоголь и Московский университет.

Ігорь Виноградов (Москва). Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери.

Вячеслав Кошелев (Новгород Великий). Об одной университетской лекции Гоголя.

Владислав Кривонос (Самара). Порог и лестница в «Мертвых душах» Гоголя.

Александр Звездин (Симферополь). Проблема генезиса гоголевского Вия в мировой русистике: поиск синтетического решения.

Семен Абрамович (Черновцы). Отрывок «Девыцы Чабловы»: погибший эмбрион социально-психологического романа.

Анатолій Кошелев (Новгород Великий). Гоголь и А. О. Смирнова: обстоятельства знакомства (по «Запискам А. О. Смирновой»).

Ніна Крутикова (Київ). Украина в поэзии и прозе И. Бунина.

Ганна Улюра (Київ). Гоголівський текст в російській жіночій літературі 1990-х років.

Comparative

Павло Михед (Ніжин). Микола Гоголь і Велика польська еміграція (проблеми вивчення).

Ірина Рождественская (Днепропетровск). Последний польский перевод «Гараса Бульбы».

Із зарубіжного гоголезнавства

Василь Гришко (Сіетл). Ніколай Гоголь та Микола Гоголь: Париж 1837. Розділ зі студій про Гоголів комплекс «двох душ» (Переклад *Тетяни Михед*).

Дебют

Андрей Евдокимов (Москва). «...Вещь может быть славная»: Вопросы творческой истории драмы Н. В. Гоголя об украинском казачестве.

Рецензії і відгуки

Елена Балдина (Москва). Новое в современном гоголеведении.

Павло Михед (*Ніжин*). Зауваги на берегах.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Нина Крутикова (*Київ*).

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*).

Владимир Казарин (*Симферополь*).

Бібліографія

Бібліографія гоголедведческих публикаций **В. П. Казарина**.

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2003–2005). Подгот. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, надрукована в Україні (2002–2005). Підгот. **Лариса Гранатович, Катерина Ісасенко, Надія Кузьменко** (*Ніжин*).

Тарас Шевченко і Микола Гоголь (бібліографія). Підгот. **Павло Михед**. (*Ніжин*).

Гоголезнавчі студії. Випуск шостий (сімнадцятий). Гоголедведческие студии. Випуск шестой (семнадцатый). – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Полиграф», 2008. – 292 с.

Доповіді, статті і дослідження

Михед П. В. (*Київ-Ніжин*). Проблеми українського гоголезнавства: попередні підсумки й найближчі перспективи.

Подрига В. М. (*Переяслав*). Проза М. Гоголя в контексті української російськомовної беллетристики.

Мацапура В. И. (*Полтава*). Незавершенный роман Гоголя «Гетьман»: особенности поэтики, проблема контекста.

Поплавская И. А. (*Томск*). Поэтические принципы в повествовательной структуре «Миргорода».

Кошелев В. А. (*Новгород Великий*). О «Предисловии» к гоголевской повести о двух Иванах.

Абрамович С. Д. (*Черновцы*). Мотив наркотического транса у Гоголя в контексте эволюции романтического культа фантазии.

Кравченко О. А. (*Донецк*). Проблема возвышенного в творчестве Н. В. Гоголя.

Звизняцковский В. Я. (*Київ*). Комедия «Смешнее черта» («Ревизор» как образец смехового искусства «украинской школы»).

Колосова Н. А. (*Київ*). «Ревизор» Н. В. Гоголя в 20-30 годы XX века.

Кривонос В. Ш. (*Самара*). Пародийный модус в «Мертвых душах» Гоголя («Повесть о капитане Копейкине»).

Сквіра Н. М. (*Київ*) Функціональність предметного світу в другому томі «Мертвих душ».

Мусий В. Б. (*Одесса*). О жанровых особенностях «Авторской исповеди» Н. В. Гоголя.

Comparative

Попова-Бондаренко И. А. (*Донецк*). «Гоголевский код» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Дебют

Фадеева А. В. (*Біла Церква*). Три роки на чужині: особливості гоголівського епістолярію 1836-1839 років.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Аркадій Гольденберг (*Волгоград*).

Григорий Самойленко (*Нежин*).

Бібліографія

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н. В. Гоголя (2006–2007). Подгот. **Владимир Воропаев**.

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2006–2007). Подгот. **Владимир Воропаев**.

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, надрукована в Україні (2006–2007). Підгот. **Кузьменко Н. В.**

Зміст попередніх випусків гоголезнавчих студій

Гоголезнавчі студії. Випуск I (вісімнадцятий). Гоголеведческие студии. Выпуск I (восемнадцатый). – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Полиграф», 2009. – 412 с.

Доповіді, статті і дослідження

Абрамович Семен (*Черновці*). «Наброски плана драмы из украинской истории» как ностальгия по барокко.

Воропаев Владимир (*Москва*). Когда родился Гоголь?

Послесловие: **Владимир Казарин** (*Симферополь*),

Владимир Воропаев (*Москва*).

Гундорова Тамара (*Київ*). Микола Гоголь і колоніальний кітч.

Джулай Юрій (*Київ*). Невідомі складові авторської будови відповіді про «натуру» Чичикова в поемі «Мертві душі».

Звняцковський Владимир (*Київ*). Поэтическое призвание гимназиста Гоголя (О значении личности и творчества И. В. Гете в нежинский период).

Киченко Александр (*Черкасы*). Творчество Гоголя в интерпретации Ю. М. Лотмана: эволюция семиотического метода.

Ковальчук Олександр (*Нежин*). Творчість М. Гоголя як проблема української гуманітаристики.

Козлик Ігор (*Івано-Франківськ*). Творча спадщина М. В. Гоголя в площині теоретико-літературної проблематики.

Колосова Наталья (*Київ*). Лабиринты и Минотавры 20-30-ых годов XX века в ракурсе гоголевского слова.

Кравченко Оксана (*Донецк*). Проблематика художественного целого «Петербургских повестей» Н. В. Гоголя.

Кривонос Владислав (*Самара*). Неопределенность и символика в «Мертвых душах» Гоголя.

Мацапура Валентина (*Полтава*). О роли живописных и звуковых деталей в поэме Гоголя «Мертвые души».

Мусий Валентина (*Одесса*). Мотив странничества в поеме Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельгарген».

Сквіра Наталія (*Київ*). «Да мешет пастырь, как камнем, грозным словом...» («Лествица» Юанна Лествичника та другий том «Мертвых душ» Миколи Гоголя).

Ткачук Микола (*Тернопіль*). Семантика екзистенційного світу повісті Миколи Гоголя «Шинель».

Улюра Ганна (*Київ*). Гоголівські сюжети в творах Єкатеринбурзької школи новітньої драми.

Шульц Сергей (*Ростов*). «Повесть о капитане Копейкине» в художественной структуре «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

Из зарубіжного гоголезнавства

Dibrova Volodymyr (*Harvard*). What are we to make of Gogol's nationality?

Romanets Maryna (*Prince George*). Daughters of Darkness: Intertextuality in Le Fanu's «Carmilla» and Gogol's «Viy».

Дебют

Евдокимов Андрей (*Москва*). Читал ли Гоголь Шекспира в подлиннике?

Лебедев Алексей (*Москва*). Идиллическое в повести «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя и поеме «Герман и Доротея» И. В. Гёте.

Рецензії та відгуки

Балдина Елена (*Москва*) Наука о Гоголе в XXI веке: открытия и перспективы.

Авторецензия-шарада на поему прочтения криптографии «Мертвых душ» **Александром Кораблевым** (Донецк).

Михед Павел (*Нежин*). О поисках гоголевских прототипов.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Александр Киченко (*Черкасы*).

Валентина Мацапура (*Полтава*).

Бібліографія

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2008). Подгот. **Владимир Воропаев**.

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, надрукована в Україні (2008). Підгот. **Надія Кузьменко**.

Список наукових праць Михеда П. В. Підгот. **Надія Кузьменко**.

Зміст попередніх випусків гоголезнавчих студій

Гоголезнавчі студії: Вип. II (дев'ятнадцятий). Гоголеведческие студии. Выпуск II (девятнадцатый). – Ніжин : 2011. – 538 с.

Доповіді, статті і дослідження

Абрамович С. (*Черновці*). Сыноубийство в «Тарасе Бульбе» инициация или жертвоприношение?

Виноградов И. (*Москва*). Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ».

Воропаев В. (*Москва*). Гоголь и его окружение. Материалы к библиографическому словарю.

Денисов В. (*Санкт-Петербург*). Первые петербургские повести Н. В. Гоголя: типология героев и методология автора.

Джафарова К. (*Махачкала*). Идиллия и диалог жанров в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики».

Джулай Ю. (*Київ*). Гоголівські уроки «Журналу гожих мистецтв» на сторінках поеми «Мертві душі».

Карташов В. (*Москва*). Травники Гоголя.

Кошелев В. (*Новгород Великий*). «Понимать не понимаю, а отвечать могу»: образ русского чиновника у Гоголя и писателей «гоголевского направления».

Кривонос В. (*Самара*). Сон Коробочки и его роль в «Мертвых душах» Гоголя.

Лабынцев Ю., Щавинская Л. (*Москва*). «Гоголевская молитва» в массовой рукописной религиозной книжности восточных славян.

Михед П. (*Киев-Нежин*). Автобиографическая повесть Н. В. Гоголя <«Повар»>.

Comparative

Шульц С. (*Ростов-на-Дону*). Гоголь і Апулей.

Из зарубіжного гоголезнавства

Кайль Р.-Д. (*Бонн*). Гоголь і апостол Павло (*Переклад А. Роліка*).

Лю Хунбо (*Пекин*). Гоголеведение в Китае и как меняется облик Гоголя у китайского гоголеведа.

Дебют

Банщиков Ю. (*Усть-Илимск*). Еще к поездке Гоголя за границу летом 1829 года.

Рецензії та відгуки

Каплин А. (*Харьков*). Гений Гоголя.

Лепяхин В. (*Сегед*). Важнейшее событие в гоголеведении.

Мельник В. (*Москва*). Сокровенный Гоголь.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Игорь Виноградов (*Москва*).

Екатерина Дмитриева (*Москва*).

Бібліографія

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009). Подгот. **В. Воропаев**.

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, надрукована в Україні (2009). Підгот. **Н. Кузьменко**.

Список научных работ **В. А. Воропаева**.

Зміст попередніх випусків гоголезнавчих студій.

Гоголезнавчі студії: Вип. III (двадцятий). Гоголеведческие студии. Выпуск III (двадцатый). – Ніжин : 2013. – 507 с.

Доповіді, статті і дослідження

Абрамович С. Д. (*Чернівці*). Градація від «чужинця» до сатани у «Зниклий грамоті» Гоголя.

Виноградов И. А. (*Москва*). Гоголь и графиня А. М. Виельгорская: Вопрос о сватовстве в изучении замысла «Мертвых душ».

Воропаев В. А. (*Москва*). Гоголь на святой земле. К 165-летию создания Русской Духовной миссии в Иерусалиме.

Генералюк Л. С. (*Київ*). «Не пропускаючи нічого з того, що бачить око...». Візуальний образ України у прозі Миколи Гоголя.

Денисов В. Д. (*Санкт-Петербург*). К творческой истории повести «Записки сумасшедшего».

Падерина Е. Г. (*Москва*). Пробовал ли Гоголь свои силы в жанре мелодрамы? (О первом драматическом замысле Гоголя).

Шульц С. А. (*Ростов-на-Дону*). Н. В. Гоголь и А. Н. Радищев.

Матеріали XI Міжнародної конференції

*«Творча спадщина Миколи Гоголя і світовий культурний контекст»
(до 160-ліття із дня смерті письменника)*

Абрамович С. Д. (*Черновцы*). Любовь в художественном мире Гоголя.

Александрова Э. К. (*Санкт-Петербург*). Жизнь как «бесконечно длинное меню» (О гоголевских «литературных прототипах» в романе Газданова «История одного путешествия»).

Барабаш Ю. Я. (*Москва*). «Я мушу на Гоголі зупинитись надовше...» (Гоголівський дискурс як осердя концепції «чотирьох [трьох] літератур» Михайла Драгоманова).

Воропасва Т. С. (*Київ*). Творча спадщина Миколи Гоголя крізь призму етнічної психології та українознавства.

Джулай Ю. В. (*Київ*). Про витоки наративу «науки випитування поглядом» в поемі «Мертві душі».

Дикарева Л. Ю. (*Київ*). Імпресіоністичні мотиви в портретних описах ранніх творів Миколи Гоголя.

Дудюк Л. П. (*Миколаїв*). Сюжети й образи українських народних дум у повісті М. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Ємець Т. М. (*Київ*). Українознавчий аспект творчості Миколи Гоголя.

Клипа Н. І., Вакуленко Г. М. (*Ніжин*). Конфесійна лексика в духовній прозі Миколи Гоголя .

Кошелев В. А. (*Новгород Великий*). Константин Аксаков и герои Гоголя.

Краснобаева О. Д. (*Луцк*). «Реальное» и «фантастическое» как оппозиции в художественном мире Гоголя и Гофмана.

Кривонос В. Ш. (*Самара*). «Горе от ума» в «Мертвых душах».

Любецкая В. В. (*Кривой Рог*). Икона мира в поэтике Н. В. Гоголя.

McCone В. (*Dublin*). A Brief Overview of the Grounds for Comparison of Gogol and Wilde.

Меншій А. М. (*Миколаїв*). Семантико-змістове наповнення концепту страх у «Петербурзьких повістях» М. Гоголя та новелістиці М. Коцюбинського.

Михед П. В. (*Київ-Нежин*). Гоголь и Ламенне.

Мусий В. Б. (*Одесса*). Чествование 100-летия со дня рождения Н. В. Гоголя в Одессе.

Ольховська Л. В. (*Полтава*), **Рейнхарт Р.** (*Майнц*). «Победа человеческого духа» (В. Г. Короленко о Н. В. Гоголе).

Переломова О. С. (*Суми*). Гетерогенність мовної картини світу М. Гоголя.

Розсоха Л. О. (*Миргород*). Козацтво й духівництво Миргородщини як генетична складова творчості Миколи Гоголя.

Удалов В. Л. (*Луцьк*). Н. В. Гоголь и А. П. Чехов: сходство драматургических принципов.

Шошура С. Н. (*Николаев*). Традиции поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в произведениях М. А. Булгакова.

Дебют

Голубева Е. (*Москва*). Пометы Н. В. Гоголя на Библии 1820 года издания: к истории вопроса.

Із зарубіжного гоголезнавства

Ріхтер З. (*Гамбург*). Рим і Гоголь. Розділ 3. Гоголь і католицька церква. Ставлення Гоголя до католицького життя. До питання про наміри Гоголя змінити віру. (Переклад **А. Роліка** (*Ніжин*)).

Зауваги на берегах

Михед П. В. (*Київ-Ніжин*). Про односторонню критику, або для чого потрібні псевдоніми.

Рецензії та відгуки

Воропаев В. А. (*Москва*). И. А. Виноградов. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. – 904 с.

Евдокимов А. А. (*Москва*). Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции: Коллективная монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 456 с.

Ісаєнко К. П. (*Ніжин*). Гоголь і Гімназія вищих наук: біографічний та ейдологічний виміри: монографія / Ю. В. Якубіна. – Ніжин : НДУ ім. Миколи Гоголя, 2012. – 366 с.

Киченко А. С. (*Черкаassy*). Проблемы текстологии второго тома «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя.

Шульц С. А. (*Ростов-на-Дону*). Переиздание монографии об архетипах в творчестве Гоголя.

Анкета Гоголезнавчих студій

Екатерина Падерина (*Москва*).

Сергей Шульц (*Ростов-на-Дону*).

Бібліографія

Список научных и учебно-методических работ **В. Д. Денисова** (*Санкт-Петербург*).

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009): Дополнения. Подгот. **В. А. Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2010). Подгот. **В. А. Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія України про життя і творчість Миколи Гоголя (2010). Підгот. **Н. В. Кузьменко** (*Ніжин*).

Зміст попередніх випусків гоголезнавчих студій.

Гоголезнавчі студії: Вип. IV (двадцять перший). Гоголеведческие студии. Выпуск IV (двадцать первый). – Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2014. – 306 с.

Доповіді, статті та дослідження

Абрамович С. Д. (*Чернівці*). «Ай! Кто это?» — «Это я, твоя жена!» (о подтексте повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

Виноградов И. А. (*Москва*). Гоголь на пути в Рим в 1840 г. Из истории общения писателя с современниками.

Воропаев В. А. (*Москва*). Гоголь и отец Матфей Ржевский.

Казарин В. П. (*Симферополь*). Одиночество Николая Гоголя (Готовы ли мы к новому прочтению творческого наследия нашего классика?).

Кривонос В. Ш. (*Самара*). Путь, учительство, иной мир во втором томе «Мертвых душ» Гоголя.

Люсый А. П. (*Москва*). Путевая эдемософия: в просторе Гоголя

Михед П. В. (*Киев*). Гоголь і польська література 30-х – 40-х років XIX ст. (проблеми вивчення).

Садыкова Л. В. (*Киев*). Эссеистические студии Н. В. Гоголя.

Із зарубіжного гоголезнавства

Кайль Р.-Д. (*Бонн*). Гоголь у дзеркалі своїх біблійних цитат. Переклад **А. Роліка** (*Ніжин*).

Рецензії та відгуки

Киченко О. С. (*Черкаси*). Поетика українського Гоголя.

Анкета Гоголезнавчих студій

Гуминский Виктор Мирославович (*Москва*).

Бібліографія

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н. В. Гоголя (1945–2013). Сост. **В. А. Воропаев** (*Москва*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009–2010): Дополнения. Сост. **В. А. Воропаев** (*Москва*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2011). Сост. **В. А. Воропаев** (*Москва*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2012). Сост. **В. А. Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія України про життя і творчість Миколи Гоголя (2011–2012). Підгот. **Н. В. Кузьменко** (*Ніжин*).

Зміст попередніх випусків «Гоголезнавчих студій»

Гоголезнавчі студії: Вип. V (двадцять другий). Гоголеведческие студии. Выпуск V (двадцать второй). – Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2015. – 500 с.

Доповіді, статті та дослідження

Абрамович С. Д. (*Черновцы*) Рисунок Гоголя как когнитивное выражение сексуальной самоидентификации.

Виноградов И. А. (*Москва*) История в наследии Гоголя.

Воропаев В. А. (*Москва*) Оптинские знакомства Гоголя.

Гажева И. Д. (*Львов*) О «духовном искусстве» Гоголя (поэтика авторских молитв)

Голубева Е. И. (*Москва*) Сокровища земные и небесные: об одной евангельской параллели к произведениям Н. В. Гоголя.

Джулай Ю. В. (*Київ*) Як І. Кант дуже довго і непомітно живе у тексті «Мертвих душ» М. Гоголя.

Кошелев В. А. (*Новгород Великий*) «...вся Коломна и петербургская природа живая...»: «Домик в Коломне» Пушкина и повесть Гоголя «Портрет»

Кравченко О. А. (*Донецк*) Гоголевский образ Киева.

Кривонос В. Ш. (*Самара*) Гоголевский сюжет в пьесах Чехова.

Люсый А. П. (*Москва*) Самофиксация Вия: Гоголь и «венский текст».

Мацапура В. І. (*Полтава*) Фрагмент Гоголя <Начало исторического романа>: поэтика и контекст.

Михед П. В. (*Київ–Ніжин*) Гоголь і Меріме: «<Заметки о Мериме>» Миколи Гоголя в контексті духовно-естетичних шукань 1840-х років.

Подлісецька О. О. (*Одеса*) Рецепція творчості М. Гоголя Валерієм Шевчуком у циклі фольклорно-фантастичних новел «Голос трави».

Свеницкая Э. М. (*Донецк*) Н. В. Гоголь в поэтическом и критическом кругозоре И. Ф. Анненского.

Сенько И. М. (*Ужгород*) «Мертвые души» Н. В. Гоголя: этнологические аспекты.

Сквіра Н. М. (*Київ*) Про непомічену паралель до «Страшної помсти» Миколи Гоголя.

Тончина А. В. (*Санкт-Петербург*) Фольклорные источники и романтическая традиция в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (к вопросу о роли пародии в цикле).

Шаргина К. В. (*Москва*) Знал ли Гоголь итальянский? Занятия Н. В. Гоголя иностранными языками: отзывы современников и документальные свидетельства.

Шульц С. А. (*Ростов-на-Дону*) Гоголь, Филдинг, Кеведо.

Із зарубіжного гоголезнавства

Чижевський Дмитро. Сковорода — Гоголь. До 60-річчя Ю. Г. Шевельова. Переклад А. Роліка (*Ніжин*).

Рецензії та відгуки

Ісаєнко К. П. (*Ніжин*) Новая книга про Гоголя-гимназиста: Гоголь в Нежинской Гимназии высших наук: антология мемуаров / сост., вступ. ст., подгот. Текстов и коммент. П. В. Михед, Ю. В. Якубина. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2014. — 628 с.; 85 ил.

Каплин А. Д. (*Харьков*) Душа и прочное дело жизни. Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр., доп. М.: Паломник, 2014. — 336 с.: ил.

Сквіра Н. М. (*Київ*) Абрамович С. Д. Двоемирие Гоголя: монографія / С. Д. Абрамович. — Каменец-Подольский: Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, 2014. — 120 с.

Хвалин А. Ю. (*Москва*) «Душевный портрет» с клеймами. О книге В. А. Воропаева «Однажды Гоголь...».

Анкета Гоголезнавчих студій

Инга Видугирите (Вильнюс).

Бібліографія

Бібліографія гоголезнавчих робіт Самойленка Г. В. Підгот. **Н. В. Кузьменко** (*Ніжин*)

Д. І. Чижевський (Чижевский, Tschizewskij, Čyževskij) про Гоголя. Уклала **О. В. Тоїчкіна** (*Санкт-Петербург*).

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009–2012): дополнения Сост. **В. А. Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2013). Сост. **В. А. Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія України про життя і творчість Миколи Гоголя (2013). Підгот. **Н. В. Кузьменко** та **П. В. Михед** (*Ніжин*).

Зміст попередніх випусків «Гоголезнавчих студій».

Гоголезнавчі студії: Вип. VI (двадцять третій). Гоголеведческие студии. Выпуск VI (двадцять третій). – Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2017. – 484 с.

Доповіді, статті та дослідження

Абрамович С. Д. (*Черновці*) Чичиков как архетип тени.

Виноградов И. А. (*Москва*) Путешествие в творчестве Гоголя.

Воропаев В. А. (*Москва*) Молитва Гоголя «К Тебе, о Матерь Пресвятая...» в славянском фольклоре и литературном предании.

Киченко О. С. (*Черкаси*) Про історичний аспект міфотворчості раннього Гоголя.

Кривонос В. Ш. (*Самара*) Отзвуки Гоголя в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)».

Михед П. В. (*Київ – Ніжин*) Книга і профетизм Миколи Гоголя.

Сквіра Н. М. (*Київ*) То в чому ж правда Гоголя? (за романом В. Шарова «Повернення в Єгипет»).

Шульц С. А. (*Ростов-на-Дону*) Пушкин – Гоголь: к метафизике внутреннего диалога.

Із зарубіжного гоголезнавства

Друбек Наташа (*Мюнхен*). Джерела красномовства Гоголя. Переклад А. Роліка (*Ніжин*).

Zabytko Irene (*Аропка*). The importance of Gogol: an American author's confession.

Rolik Anatoly (*Nizhyn*). Gogol's view of translation between ideal and reality.

Рецензії та відгуки

Воропаев В. А. (*Москва*). Чрезвычайное событие в литературоведении: Издан трехтомный свод мемуаров и документальных свидетельств о Гоголе. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание : в 3 т. / издание подготовил И. А. Виноградов. — М. : ИМЛИ РАН, 2011–2013.

Якубина Ю. В. (*Нежин*) Над страницами новой книги о Гоголе. Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России / И. А. Виноградов. — М. : ИМЛИ РАН, 2015. — 352 с.

Полеміка

Ковальчук О. Г. (*Ніжин*) Гоголезнавчі студії Юрія Гребеніка

Михед П. В. (*Київ – Ніжин*) Розвінчання Гоголя, Або Поп-Наука в дії. Кралюк П. Таємний агент Микола Гоголь, або Про що розповідає «Тарас Бульба» / Петро Кралюк. — Львів : Видавництво Старого Лева, 2016. — 170 с.

Анкета Гоголезнавчих студій

Семен Абрамович (*Чернівці*).

Наташа Друбек (*Мюнхен*).

Бібліографія

Бібліографія призведених Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009–2013): дополнения. Подгот. **В. А. Воропаев**.

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2014–2015). Подгот. **В. А. Воропаев**.

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н. В. Гоголя (2014–2016). Подгот. **В. А. Воропаев**.

Бібліографія України про життя і творчість Миколи Гоголя (2014–2015). Підгот.: **О. О. Костенко, Н. В. Кузьменко, П. В. Михед** (*Ніжин*).

Зміст попередніх випусків «Гоголезнавчих студій».

Наукове видання

ГОГОЛЕЗНАВЧІ СТУДІЇ

Випуск VII (24)

ГОГОЛЕВЕДЧЕСКИЕ СТУДИИ

Выпуск VII (24)

Науковий редактор – Тетяна Михед
Літературний редактор – Надія Бондар
**Комп'ютерний набір,
верстка та макетування** – Олена Костенко
**В оформленні обкладинки
використовувався малюнок** Олександра Лаврухіна

Підписано до друку 12.06.2018 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура Times. Ум. друк. арк. 22,79.
Обл. друк. арк. 21,39. Тираж 300 прим.
Зам. № 534.

Віддруковано з оригінал-макету замовника

Видавець - ФОП Лук'яненко В.В. ТПК «Орхідея»

*Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до
державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3020 від 02.11.2007 р.*

16600, Чернігівська обл., м. Ніжин, вул. Небесної Сотні, 13 а.
Тел.: (04631) 3-15-05,
E-mail: holdingyv@gmail.com